

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Столярчук Михаил Владимирович

НОМИНАЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук,

профессор РАН

Беляева Ольга Александровна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. НОМИНАЛЬНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ).....	17
1.1. Философское и правовое понимание недопустимости использования личности в качестве средства достижения противоправной или недобросовестной цели	17
1.2. Генезис правовой квалификации действий должника по использованию третьих лиц на случай несостоятельности (банкротства)	23
1.3. Понятие и признаки номинальности для целей несостоятельности (банкротства)	53
ГЛАВА 2. НОМИНАЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ	69
2.1. Общие положения о действиях должника, направленных на сокрытие актива с помощью номинальных собственников	69
2.2. Способы выявления номинальных собственников и защита интересов кредиторов.....	83
2.3. Применение исковой давности к заявлениям о признании недействительными сделок с номинальными собственниками	134
ГЛАВА 3. НОМИНАЛЬНЫЕ КОНТРОЛИРУЮЩИЕ ЛИЦА.....	147
3.1. Понятие, признаки и цели использования номинального контролирующего лица.....	147
3.2. Определение размера ответственности номинальных контролирующих лиц.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	187
ПРИЛОЖЕНИЕ. РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА.....	219

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Нормативные правовые и иные акты

Конституция РФ — Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации.

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Закон о банкротстве — Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Свод законов гражданских — том X Свода законов Российской империи в издании 1900 г.

Постановление № 10/22 — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

Постановление № 25 — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Постановление № 35 — Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

Постановление № 40 — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”».

Постановление № 48 — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».

Постановление № 53 — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

Постановление № 63 — постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”».

BGB — Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch).

Судебные органы и другие организации

ААС — арбитражный апелляционный суд.

АС — арбитражный суд.

ВАС РФ — Высший Арбитражный Суд Российской Федерации.

ВС РФ — Верховный Суд Российской Федерации.

КС РФ — Конституционный Суд Российской Федерации.

Экономколлегия — Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

ЮНСИТРАЛ — Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли.

ФАТФ — Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег.

Иные сокращения

СПС — справочная правовая система.

Сенат — Правительствующий сенат.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Активное участие граждан и юридических лиц в гражданском обороте неразрывно связано с риском несостоятельности и последующим несением негативных последствий принимаемых ими неразумных и (или) недобросовестных решений. Так, применительно к юридическому лицу его контролирующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности; в свою очередь, граждане в случае совершения сделок во вред кредиторам рискуют не добиться цели законного списания долгов перед кредиторами.

В указанных условиях перед будущими должниками и контролирующими лицами открывается два возможных направления минимизации издержек. При первом должник проявляет должную степень осмотрительности в выборе контрагентов, ограничивает себя в совершении высокорисковых операций, а при возникновении признаков имущественного кризиса своевременно раскрывает информацию об этом перед кредиторами для разработки финансово-экономического плана. Второй вариант развития событий заключается в заблаговременной организации мероприятий, направленных на проведение контролируемой процедуры несостоятельности.

К сожалению, нередко участники гражданского оборота идут вторым путем и для реализации своих мотивов используют третьих лиц, выполняющих роль ширмы, осложняющей установление истинного смысла и конечных выгодоприобретателей соответствующих действий.

Сказанное подтверждается тем, что при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) всё чаще поднимаются вопросы о наличии реальных полномочий по распоряжению активами у лиц, обладающих статусом генерального директора, акционера (участника) общества или собственника имущества, ранее отчужденного должником. Так, в практике арбитражных судов кассационных инстанций нередко находят отражение понятия подставного лица, подставного директора, подставной фирмы,

формального (титульного) собственника, номинального собственника, дружественного кредитора и пр. Среди респондентов социологического опроса, проведенного автором, 85,7 % специалистов в сфере несостоятельности встречали в практике или использовали в правовых позициях указанные категории.

ВС РФ данная проблема была затронута в п. 6 Постановления № 53, в котором фигурирует категория «номинальный руководитель», и в отдельных определениях, посвященных явлению мнимых собственников¹.

В подобных ситуациях перед судом, арбитражным управляющим и коллективным сообществом кредиторов встает ряд вопросов практического и теоретического характера. Какими понятиями следует оперировать, чтобы позиция кредитора или выводы суда были ясными и не допускающими двоякого толкования? Какой набор доказательств будет достаточным для признания лица номинальным руководителем или мнимым собственником? Какие средства защиты гражданских прав наиболее эффективны для защиты интересов кредиторов, с одной стороны, и для опровержения обвинения — с другой? Эти и другие проблемы до настоящего момента не нашли полного разрешения в разъяснениях судов высших инстанций и трудах представителей цивилистической науки.

В свете изложенного выбранная тема диссертационного исследования является актуальной с точки зрения как развития науки гражданского права, так и совершенствования законодательства, улучшения практики применения Закона о банкротстве.

Степень научной разработанности темы исследования. В отечественной правовой доктрине так называемым подставным лицам

---

¹ См.: определения ВС РФ от 15.11.2021 № 307-ЭС19-23103(2); от 06.03.2024 № 305-ЭС20-20127(20)

большое внимание уделяется в уголовно-правовой науке, что подтверждается наличием ряда диссертационных исследований² и научных статей³.

В сфере частного права вопросы формального дистанцирования должника (контролирующего лица) от активов разработаны в меньшей степени.

Упоминания недобросовестных действий обнаруживаются в трудах представителей дореволюционной (А. Х. Гольмстен, Д. Д. Гримм, Н. Л. Дювернуа, В. Г. Федоров, Г. Ф. Шершеневич и др.), и современной цивилистики (Т. В. Дерюгина, С. С. Галкин, А. В. Егоров, Н. Е. Кантор, С. А. Карелина, А. Р. Николаев, Д. О. Османова, О. А. Рузакова, Е. Д. Суворов, А. П. Ходаковский, И. М. Шевченко, Т. П. Шишмарева, Л. А. Чеговадзе, И. С. Чупрунов). Обращения к данным явлениям в диссертационных исследованиях, посвященных пределам осуществления гражданских прав⁴, злоупотреблениям при банкротстве в целом⁵, институтам

---

² См., например: *Карпова Е. Г.* Квалификация и предупреждение преступлений, совершаемых путем использования подставных лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022 ; *Рожавский З. Д.* Преступления, совершаемые с использованием фирм-однодневок: механизм и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018 ; *Зенкин А. Н.* Методика расследования преступлений, связанных с незаконным захватом («недружественным поглощением») организаций с использованием подложных документов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

³ См., например: *Яни П. С.* Образование юридического лица через подставных лиц // Законность. 2014. № 5. С. 35–39 ; *Ермаков С. В.* Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица через подставных лиц и незаконное использование документов (статьи 173.1, 173.2 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 126–129 ; *Багаутдинов Ф. Н., Мирзанурова Н. М.* Создание фирм через подставных лиц // Законность. 2015. № 6. С. 24–26.

⁴ См.: *Дерюгина Т. В.* Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. 437 с.

⁵ См.: *Османова Д. О.* Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 11.

субсидиарной ответственности⁶ или оспаривания сделок⁷ носят частичный характер, они не рассмотрены в комплексе.

В целом следует констатировать отсутствие работ, в которых действия должников по использованию третьих лиц для целей формального дистанцирования от активов на случай несостоятельности (банкротства) рассматривались бы комплексно.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в формировании научного представления о номинальных участниках процедуры банкротства посредством комплексного анализа законодательства, научной литературы и судебной практики.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- исследовать историю возникновения и развития различных видов номинальных участников процедуры банкротства в рамках отечественного правопорядка;
- определить правовую природу взаимоотношений между конечным выгодоприобретателем и номинальным участником процедуры банкротства;
- провести классификацию номинальных участников процедуры банкротства;
- сформулировать признаки и определение обобщающей категории номинальных участников процедуры банкротства;
- разработать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

---

⁶ См., например: *Демьянова М. В.* Принцип добросовестности в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 184–186 ; *Быканов Д. Д.* «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 42 ; *Артемова А. Н.* Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2022. С. 103–104.

⁷ См., например: *Калугин В. Ю.* Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 175 с.; *Рыков Д. А.* Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 185 с.; *Циндяйкина А. Э.* Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 29 с.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе недобросовестного взаимодействия должников (конечных выгодоприобретателей юридических лиц) и номинальных участников процедуры банкротства, основной целью которого являются сокрытие имущества от обращения взыскания со стороны кредиторов и минимизация рисков наступления гражданско-правовой ответственности.

Предметом исследования являются нормы гражданского законодательства, специального законодательства о несостоятельности (банкротстве), прямо либо косвенно затрагивающие различные аспекты использования номинальных участников процедуры банкротства, а также основополагающие идеи, отраженные в научной литературе по исследуемой тематике.

Методологическая основа исследования представлена общенаучными методами, среди которых формально-логический метод для целей определения понятий и их признаков, исторический метод для исследования генезиса правовой квалификации действий должника по минимизации рисков собственного банкротства (банкротства учрежденного юридического лица), с помощью метода аналогии рассмотрены подходы различных отраслей законодательства к использованию подставных лиц. Посредством метода дедукции сформулировано понимание номинальности при банкротстве как одного из проявлений номинальности, имеющей межотраслевой характер. При проведении социологического опроса по теме диссертационного исследования среди юристов, практикующих в сфере несостоятельности (арбитражные управляющие, юристы и сотрудники консалтинговых фирм), автором использован метод научного анкетирования.

Применение специальных методов правовой науки позволило проанализировать имеющиеся понятия, в той или иной мере характеризующие лиц, содействующих должнику в минимизации рисков возникновения негативных последствий банкротства (формально-юридический метод),

сформулировать предложения по изменению действующего законодательства и правоприменительной практики (метод правового моделирования).

Теоретическую основу диссертационного исследования составили работы представителей дореволюционной (А. Х. Гольмстен, Д. Д. Гримм, Н. Л. Дювернуа, Д. И. Мейер, В. Г. Федоров, Г. Ф. Шершеневич, П. П. Цитович и др.), советской (М.М. Агарков, С. Н. Братусь, И. Б. Новицкий, В. А. Рясенцев) и современной юридической мысли (Т. В. Дерюгина, О. В. Гутников, О. А. Беляева, А. В. Габов, А. В. Егоров, О. Р. Зайцев, С. А. Карелина, Р. Т. Мифтахутдинов, Д. О. Османова, В. Ф. Попондопуло, О.А. Рузакова, С. А. Сеницын, К. И. Скловский, Е. Д. Суворов, Е. А. Суханов, Д. О. Тузов, М. В. Телюкина, Л.А. Чеговадзе, И. С. Шиткина, Т. П. Шишмарева и др.)

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция РФ, федеральные законы и подзаконные акты.

Эмпирическая основа представлена правоприменительной практикой, в том числе, постановлениями КС РФ, определениями ВС РФ и ВАС РФ, а также судебными актами арбитражных судов, принятыми при рассмотрении споров о несостоятельности (банкротстве).

Научная новизна работы заключается в новых теоретических положениях, которые обосновываются в результате исследования. В работе сформулировано авторское понятие номинальности в процедурах несостоятельности, выделены признаки номинальных участников процедуры банкротства и проведена их классификация, на примере номинальных собственников и номинальных контролирующих лиц обоснованы механизмы их выявления и способы защиты прав кредиторов.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие научные положения:

1. Номинальность в процедурах несостоятельности — формальное обладание определенным лицом правами (правомочиями) и обязанностями лишь для видимости, которое сопровождается совокупностью действий

номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, совершаемых под контролем и в интересах последнего, направленных на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели путем извлечения преимуществ из своего незаконного и (или) недобросовестного поведения в ущерб интересам кредиторов при банкротстве.

Номинальность в банкротстве является одним из проявлений злоупотребления правом; она характеризуется скоординированными недобросовестными действиями номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, направленными на обеспечение контроля за процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя (выступающего в роли должника) или принадлежащего ему юридического лица и минимизацию для них негативных последствий несостоятельности в ущерб интересам кредиторов. Взаимоотношения конечного выгодоприобретателя и номинального участника процедуры банкротства могут быть облечены в сделку, скрытую от независимых участников гражданского оборота.

2. Номинальный участник процедуры банкротства — лицо, содействующее должнику (конечному выгодоприобретателю) в достижении его противоправной и (или) недобросовестной цели путем обладания правами (правомочиями) и обязанностями лишь для видимости. Номинальный участник процедуры банкротства характеризуется следующими признаками: наличие доверительных отношений с должником (конечным выгодоприобретателем); имущественная зависимость от должника (конечного выгодоприобретателя); отсутствие намерения реализовывать принадлежащие ему права (правомочия) по собственному усмотрению.

3. Надлежащим способом защиты прав кредиторов от негативных для них последствий номинальной собственности является предъявление ими или арбитражным управляющим заявления о признании сделки (цепочки

взаимосвязанных сделок), направленной на оформление актива на имя номинального собственника, недействительной.

Оспариваемую сделку (цепочку взаимосвязанных сделок) следует квалифицировать как совершенную в результате злоупотребления правом (ст. 10 и 168 ГК РФ).

Защита прав кредиторов от негативного эффекта номинальной собственности должна объединять две группы мер: первая включает получение информации о номинальных собственниках и обеспечение статус-кво в отношении спорного имущества; вторая — определение принадлежности имущества должнику (в форме иска о признании ничтожной сделки (цепочки взаимосвязанных сделок) недействительной).

4. Номинальный собственник, выступающий в роли ответчика по спору об оспаривании сделки, не может быть защищен возражением о пропуске заявителем исковой давности на предъявление к нему требования о признании сделки ничтожной. При всей значимости института исковой давности заявление номинального собственника о применении исковой давности не подлежит защите, поскольку за ним стоит интерес должника в сохранении своего фактического господства над вещью в целях извлечения преимущества из недобросовестного поведения (сговора) номинального собственника и должника.

5. Установление в рамках дела о банкротстве организации факта номинальности контролирующего лица должно осуществляться путем сопоставления сущностных признаков, характеризующих формальность занятия ответчиком должности руководителя, участника должника, главного бухгалтера, и внешних, дающих представление о личности ответчика (образование, уровень дохода, финансовая зависимость от бенефициаров должника и пр.). Комплекс мероприятий, направленных на установление номинального контролирующего лица, должен включать в себя предварительную проверку и основной процесс доказывания номинальности.

Привлечение номинального контролирующего лица к субсидиарной ответственности не является самоцелью кредиторов, поскольку в большинстве случаев номинальные контролирующие лица не имеют имущества, на которое может быть обращено взыскание. Это средство (промежуточный этап) достижения иной цели — установления фигуры конечного выгодоприобретателя.

6. Перечень условий уменьшения размера или освобождения от ответственности номинального контролирующего лица должен быть дополнен исследованием обстоятельств наделения статусом руководителя, участника (учредителя) или главного бухгалтера юридического лица и его социально-экономической характеристики. При этом привлечение номинального контролирующего лица к ответственности в полном объеме наравне с конечными бенефициарами должно носить исключительный характер.

Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

На основе проведенного исследования и полученных результатов сформулированы следующие направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве):

1. Разрешение судом вопроса о размере субсидиарной ответственности номинального контролирующего лица должно сопровождаться установлением у такого лица наличия реальной возможности раскрыть сведения о конечном выгодоприобретателе и (или) его имуществе, а также исследованием обстоятельств принятия номинальным контролирующим лицом соответствующего статуса.

В связи с этим предлагается дополнить п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве нормой, закрепляющей право суда по собственной инициативе исключить или уменьшить размер субсидиарной ответственности номинального контролирующего лица в случаях, если из обстоятельств дела

явно следует, что номинальное контролирующее лицо не имеет реальной возможности раскрыть сведения о конечном выгодоприобретателе должника и (или) его имуществе, а равно если оно стало учредителем (участником) юридического лица, руководителем номинально в силу стечения сложных жизненных обстоятельств или помимо своей воли под влиянием принуждения в форме насилия или угрозы.

2. При поступлении в арбитражный суд заявления финансового управляющего или кредитора о принятии обеспечительных мер в отношении имущества нескольких номинальных собственников каждое из таких требований подлежит выделению в отдельное производство с извещением лица, в отношении которого принимаются обеспечительные меры, и проведением судебного заседания.

3. Предлагается дополнить Постановление № 63 разъяснением, позволяющим судам при рассмотрении заявлений о признании сделок ничтожными отказывать должнику и ответчикам в применении объективного десятилетнего срока исковой давности в том случае, если из обстоятельств дела следует, что ответчик (номинальный собственник) с момента формальной регистрации актива на свое имя не реализовывал права собственника, полностью передоверил полномочия собственника должнику.

Теоретическая и практическая значимость.

Теоретическая значимость состоит в формировании категории номинальности физических лиц и ее проявлениях при несостоятельности (банкротстве), а также в определении способов защиты прав кредиторов от негативных последствий недобросовестных действий номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя.

Практическая значимость работы заключается в том, что содержащиеся в ней выводы могут быть использованы при подготовке проектов нормативных правовых актов, направленных на совершенствование законодательства в области несостоятельности (банкротства), а также в правоприменительной деятельности при разрешении споров в этой сфере.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре частноправовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и обсуждена на совместном заседании кафедры и центра частного права Института.

Основные положения диссертационного исследования получили отражение в пяти статьях, которые опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также в выступлениях на всероссийских научно-практических конференциях:

1) «Несовершеннолетние как номинальные собственники на случай несостоятельности (банкротства)» (I Всероссийский научный симпозиум «Рясенцевские чтения» «Современное гражданское и семейное право: Перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики»; 16–17 февраля 2023 г., Университет имени О.Е. Кутафина);

2) «Правовая квалификация соглашения между должником и номинальным собственником» (XI Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки (к 300-летию Российской академии наук)»; 28 февраля 2024 г., ИЗиСП);

3) «Номинальные участники торгов при несостоятельности» (Научно-практическая конференция в честь 100-летия главного научного сотрудника ИЗиСП, профессора Н.И. Клейн «Современное конкурентное право: вызовы, проблемы, решения»; 13 ноября 2024 г., ИЗиСП);

4) «Проблемные аспекты рассмотрения обеспечительных мер в отношении номинальных собственников» (IX Студенческий юридический форум; 14–16 ноября 2024 г., Университет имени О.Е. Кутафина);

5) «Условия уменьшения размера субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц» (XII Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Систематизация законодательства: от устоявшихся

концепций к современным новациям», приуроченное к 100-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Самощенко; 6 марта 2025 г., ИЗиСП).

Структура диссертации обусловлена кругом обозначенных проблем, целью и задачами исследования, состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА 1. НОМИНАЛЬНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

1.1. Философское и правовое понимание недопустимости использования личности в качестве средства достижения противоправной или недобросовестной цели

Активное развитие рыночной экономики и усложнение сопутствующих этому общественных отношений и правового регулирования ставит перед индивидом ряд вызовов, на которые он вынужден отвечать в ходе всей своей жизни. В то время как одни лица используют все предоставленные им возможности для реализации своего потенциала, другие идут противоположным путем, нередко нарушая общественные и правовые нормы. Что касается права, то любое преступление является более изощренным и сложным в расследовании, когда совершается на виду и облекается в форму законных правовых конструкций. К числу таковых можно отнести ситуации, когда одним лицом в своих противоправных или недобросовестных целях используются другие лица, выступающие своего рода ширмой.

В обыденной речи, нормативных правовых актах и литературе указанные лица нередко именуются «подставными лицами», «номинальными лицами», «соломенными человечками». Сфера «применения» таких лиц достаточно разнообразна, позволяет оптимизировать уплату налогов, обходить антикоррупционное законодательство и антимонопольные запреты, совершать ряд преступлений экономической направленности и препятствует удовлетворению требований кредиторов.

В рамках настоящей работы будет предпринята попытка рассмотрения ситуации использования номинальных лиц для целей минимизации рисков несостоятельности и контроля над процедурой банкротства в целом.

Перед анализом конкретных действий должника (контролирующего лица), направленных на достижение контроля за процедурой несостоятельности с использованием дружественных ему третьих лиц, нам

видится целесообразным уделить внимание вопросу допустимости существования практик, при которых одно лицо использует другое в качестве средства для достижения своей противоправной или недобросовестной цели, а последнее позволяет первому использовать свое имя (как с точки зрения философии, так и с позиции права).

Для философии как рационального учения о наиболее общих принципах и предельных основаниях бытия, сознания, познания, общества, человека и об отношениях между ними⁸ немалый интерес представляет личность, ее стремления и идеалы.

В нашем случае и должника (контролирующее лицо), и содействующее ему третье лицо следует рассматривать прежде всего как личность, представляющую собой динамичную систему интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств, выраженных в индивидуальных особенностях сознания и деятельности⁹.

С позиций И. Канта существование человека имеет в себе самом высшую цель. Что более важно, в одной из формулировок категорического императива отмечается: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹⁰.

Г. В. Ф. Гегель исходил из того, что «личность подразумевает вообще правоспособность и составляет понятие и само по себе абстрактную основу абстрактного и потому формального права. Заповедь права гласит поэтому следующим образом: будь лицом и уважай других в качестве лиц»¹¹.

При обращении к трудам русских философов обнаруживаются сходные тезисы.

---

⁸ Лебедев С. А. Философия науки : терминологический словарь. М. : Академический проект, 2011. С. 187.

⁹ Философия : учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. М. : Норма, 2005. С. 643.

¹⁰ Кант И. Основы метафизики нравственности : сборник / Иммануил Кант ; перевод с немецкого Б. Фохта, Н. Соколова. М. : АСТ, 2023. С. 37.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : АСТ, 2023. С. 52.

Н. А. Бердяев писал, что «личность есть целостность и единство, обладающее безусловной и вечной ценностью»¹². В. Н. Лосский отмечал, что личность проявляет себя через общение, свободу, творчество, любовь, бессмертие¹³. В дополнение следует принять во внимание, что личность при взаимодействии с обществом исходит из собственного осознания смысла жизни.

В. С. Соловьев в предисловии к первому изданию «Оправдание добра» рассуждает над следующими вопросами. Имеет ли наша жизнь какой-либо смысл? Если он есть, то имеет ли он нравственный характер? Если смысл жизни имеет нравственный характер, то в чем он заключается? По мнению философа, жизнь сама по себе, как она есть, предусматривает некий смысл, который позволяет человечеству просто жить. Сам смысл жизни есть благо жизни, и в таком случае по степени соответствия жизни отдельной личности идеалу блага можно определить то, насколько жизнь конкретной личности является бессмысленной¹⁴.

С указанной точкой зрения нельзя не согласиться. Для каждого отдельно взятого человека смысл его жизни определяется достижением блага. При этом у каждого может быть свое понимание блага, отличное от других. Так, для одного высшим благом будет получение стабильного высокого заработка или обладание недвижимым имуществом в центре столицы; для другого названные материальные блага не будут чем-то значимым: его, например, будут волновать вопросы правового равенства граждан и независимость судебной системы.

В данном случае важно не то, чем конкретным представлено благо, а сам процесс, поскольку каждый будет предпринимать определенные действия

---

¹² Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Республика, 1993. С. 62.

¹³ Гришаева Е. И. Учение о личности в философии В. Н. Лосского: историко-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2011. С. 7.

¹⁴ Соловьев В. С. Оправдание добра. М. : Институт русской цивилизации ; Алгоритм, 2012. С. 7.

(желательно правомерные) по достижению своей цели, тем самым наполняя свое существование смыслом.

По мнению С. Л. Франка, человеку необходимо совершенствоваться в соответствии со своими нравственными идеалами¹⁵.

С учетом изложенных позиций можно вывести следующие положения.

Во-первых, каждая личность ценна сама по себе, поскольку несет в себе совокупность культурных, социальных и психологических особенностей. За каждым надлежит признавать право на уважение достоинства; не следует даже допускать самой мысли о том, что можно использовать другого в качестве средства для достижения собственных целей.

Во-вторых, базовой целью существования личности выступают осознание и реализация своего творческого потенциала в широком смысле.

Таким образом, с точки зрения философии использование третьих лиц для достижения собственных целей является недопустимым.

Приведенные воззрения представляются нам заслуживающими поддержки. Как видится, при разработке законопроектов, рассмотрении дел в суде и написании правовых позиций необходимо исходить из приоритета уважения достоинства личности.

При обращении к вопросу правовой оценки обнаруживается, что указанные выше философские положения нашли отражение в тексте Основного закона. В частности, в ст. 2 и 7 Конституции РФ человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, а достойная жизнь и свободное развитие человека в целом рассматриваются как цели политики государства.

Признание прав и свобод проявляется в их неотчуждаемости, т.е. в невозможности изъятия или отчуждения без законных на то оснований. В свою очередь, обеспечение достойной жизни и свободного развития выражается в «создании государством условий для трудовой, духовной и

---

¹⁵ Емельянов В. В. Очерки русской философии XX века. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2001. С. 103.

творческой деятельности человека, для его самореализации в среде подобных и в необходимых случаях оказания адресной социальной помощи»¹⁶.

На сегодняшний день арсенал основных прав и свобод человека включает в себя в том числе право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности (ст. 34 Конституции РФ), право частной собственности (ст. 35 Конституции РФ) и свободу труда (ст. 37 Конституции РФ).

В развитие процитированных конституционных положений в числе основных начал гражданского законодательства установлено не менее значимое указание на то, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Наряду с этим представляется, что сотрудничество субъектов гражданского оборота, направленное на реализацию их прав, возможно исключительно на принципах равенства сторон, при котором последнее, как отмечал В. С. Нерсисянц, следует понимать как «равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере»¹⁷.

В свете вышеизложенного, если интерес одного лица состоит в использовании другого (имени другого) для реализации своего противоправного или недобросовестного интереса (налоговой оптимизации, обхода антикоррупционного законодательства или минимизации рисков собственного банкротства), а другое лицо соглашается принять на себя соответствующую роль, вправе ли правопорядок вторгаться в подобные отношения?

---

¹⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации / А. М. Дроздова [и др.] ; под ред. С. А. Комарова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 29.

¹⁷ Нерсисянц В. С. Философия права. М. : Норма, 2005. С. 18.

Ответ будет положительным. Доктрина частного права исходит из того, что защите подлежит только такой интерес, который выражается в стремлении гражданина пользоваться предоставленными правами, не допуская при этом выхода за пределы осуществления гражданских прав или злоупотребления правом. Так, по мнению В. П. Грибанова, интерес является потребностью, принявшей форму сознательного побуждения и проявляющейся в жизни в виде желаний, намерений, стремлений¹⁸. С. Н. Братусь писал, что интерес выступает предпосылкой для приобретения субъективных прав¹⁹. С точки зрения В. В. Субочева, законный интерес представляет собой «стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам»²⁰.

С. В. Сарбаш указывает, что интерес может быть законным и незаконным; при этом последний правом порядком не поощряется и не защищается²¹. Аналогичной позиции придерживается Л. А. Чеговадзе, которая указывает, что законом предоставлена охрана только правомерным интересам²².

Как подчеркивает А. В. Рыжик, к числу не охраняемых законом относятся интересы, сформированные с превышением меры субъективного гражданского права или при злоупотреблении правом²³.

---

¹⁸ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2020. С. 142.

¹⁹ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М. : Госюриздат, 1950. С. 20.

²⁰ Субочев В. В. Теория законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 12.

²¹ Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 135.

²² См.: Чеговадзе Л. А. Интерес как гражданско-правовая категория // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11. № 2. С. 439., Она же Гражданско-правовые основания и мера имущественных интересов // Власть Закона. 2025. № 2 (62). С. 144-161.

²³ Рыжик А. В. Гражданско-правовые интересы частных лиц: понятие и виды // Цивилист. 2023. № 3. С. 23–31.

Исходя из этого, интересы указанных лиц в нашем случае не могут получить защиту правопорядка, поскольку в результате подобного сотрудничества причиняется вред иным участникам оборота или публичным интересам (в зависимости от направленности действий).

С учетом вышеотмеченных философских и правовых ориентиров ниже будет предпринята попытка рассмотрения подобных злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве).

1.2. Генезис правовой квалификации действий должника по использованию третьих лиц на случай несостоятельности (банкротства)

Разрешению правовых проблем практического и теоретического характера любого явления, без сомнения, предшествует мыслительная деятельность по установлению момента его зарождения и последующего развития. По этой причине мы считаем важным уделить внимание истории рассматриваемого вопроса, что позволит определиться с признаками исследуемого явления в целом и его терминологическим обозначением.

Упоминание третьих лиц в качестве средства для достижения своей цели с одновременным отрицанием самостоятельности последних как обособленных участников оборота имеет давнюю историю. Например, в Дигестах Юстиниана находит отражение запрет дарения между мужем и женой через подставное лицо²⁴, а также указание на ничтожность купли-продажи вещи подопечного через такое лицо²⁵. Равным образом при рассуждениях о купле-продаже упоминается фигура фальшивого покупателя²⁶. Применительно к отношениям «кредитор-должник»

---

²⁴ Титул I «О дарении между мужем и женой» книги 24 // Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2008. Т. 4. С. 393.

²⁵ Титул VIII «Об утверждении сделок опекунами и попечителями и об их согласии (на совершение подопечным сделок)» книги 26 // Дигесты Юстиниана. Т. 4. С. 653.

²⁶ Титул II «О расторжении договора продажи в случае лучшего предложения» книги 18 // Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2008. Т. 3. С. 601.

Г. Дербург, упоминая о фиктивном отчуждении имущества должника в целях устранения от имущества взысканий кредиторов, выделяет ситуацию, когда «отчужденные предметы переданы фиктивному покупщику; тогда кредиторы могут в исковом порядке установить тот факт, что фиктивный приобретатель владеет вещью от имени должника на основании мнимой сделки»²⁷.

Поскольку отношения несостоятельности в рамках как отечественного, так и зарубежных правопорядков развивались преимущественно на основе предписаний уголовно-правовой направленности²⁸, постольку упоминание соответствующих явлений находит отражение в последних.

Отправным источником отечественного права, затрагивающим рассматриваемые отношения, следует признать Именной указ Петра I от 15 июля 1700 г., которым предписывалось бить кнутом и сослать вечно в работу и на каторги заемщиков, «которые дадут впредь на себя кому заемные письма *подставою*, чтобы от прямых долгов отбыть, и про то сыщется», и тем, «которые на них те подставленные письма возьмут, чинить то ж, чтобы никому так воровать было неповадно»²⁹. Н. Л. Дювернуа выводит смысл процитированных положений следующим образом: «Я вовсе не был должен целому ряду лиц, которые предъявляют к конкурсной массе свои требования. Это призрачные долги, для коих нет никаких оснований или основания коих суть подложные»³⁰. В развитие подобного толкования можно допустить, что в названном Именном указе идет речь о действиях должника по созданию

²⁷ Дербург Г. Пандекты / пер. Г. фон Рехенберга. М. : Университетская типография, 1906. Т. 1 : Общая часть. С. 272.

²⁸ Подробнее об этом см.: Османова Д. О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 30 ; Кашайкина О. Г. Особенности криминального банкротства в истории отечественного уголовного законодательства (XIX–XX вв.) // История государства и права. 2014. № 5. С. 37–40.

Указанным обстоятельством обусловлен порядок изложения материала в настоящей работе, состоящий в переходе от уголовно-правовой плоскости к частному праву.

²⁹ Памятники русского права. Вып. 8 : Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. М. : Госюриздат, 1961. С. 230–231.

³⁰ Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. Т. 1 : Введение и часть общая. Вып. 3 : Изменение юридических отношений. Учение о юридической сделке. С. 815.

фигуры дружественного кредитора, который в действительности никогда не обладал требованием к должнику, но посредством выдачи фиктивного заемного письма стал конкурировать с независимыми кредиторами последнего.

Более широкий круг злоупотреблений нашел отражение в Уставе о банкротях 1740 г. (далее — Устав 1740 г.). Так, помимо упоминаний «переводов» и «расписок», с помощью которых тоже создавались дружественные кредиторы³¹, обнаруживается иной вид злоупотребления, при котором лицо требует возврата имущества под предлогом того, что ранее данное имущество было отдано должнику на хранение³². На этот случай при наличии минимальных сомнений в существовании отношений по передаче имущества на хранение должнику соответствующее требование не удовлетворялось. Лицо, предъявляющее подобные требования к конкурсной массе, позднее получило название *«мнимого (подставного) виндиката»*.

В Уставе о банкротях 1800 г. (далее — Устав 1800 г.) находят отражение фигуры *«ложных кредиторов»* и *«утаителей»*³³, которые ассоциировались со злостной несостоятельностью.

Ложным кредитором именовался тот, «кто вовсе будет требовать ложного или с кем стаскавшись, лишнее припишет» (ст. 68 Устава 1800 г.).

---

³¹ «Понеже иногда случается, что купец, усмотря уже банкротство свое до объявления о том по дружбе или для других приметок другому какие расписки и поступные письма дает или переводы чинит, от чего кредиторы обижаются; того ради такие поступные письма, расписки и переводы уничтожить, и ни во что не ставить...» (ст. 14 Устава 1740 г.).

³² «...Однако такой повинен оное объявление свое ясными и неоспоримыми доказательствами утвердить, ибо ежели не доказать, то бы многие могли о претензиях своих объявлять, будто под охранение отдали, и тем прочих кредиторов обижать; и буде в таком объявлении малое какое сомнительство явится, то на оное не взирать, и такому никакого отделения от массы не позволять» (ст. 26 Устава 1740 г.).

³³ «Если кто пред судом доказан будет, что о долгах, имениях и вещах банкротовых во все время после распубликования не объявил умышленно и оные себе в корысть присвоил, или по согласию банкроту передал, а тот у себя скрыл, с такового утаителя не только взыскивать все утаенное или цену того со всеми убытками в пользу конкурсной массы; но столько же, что утаенное стоило, взыскать с него в казну...» (ст. 71 Устава 1800 г.).

Фигура ложного кредитора в большинстве случаев создавалась при участии должника посредством выдачи заемных писем или бронзовых векселей. Как пишет В. И. Снигирев, бронзовые векселя использовались для целей создания большинства в общих собраниях кредиторов, при котором векселеприниматель выступает в роли истца (кредитора) лишь фиктивно³⁴.

Небезынтересным представляется понятие «*утаитель*», которое, на наш взгляд, является собирательным, включающим в себя лиц, которые совершают различные недобросовестные действия, направленные на сокрытие или неправомерное присвоение имущества должника (присвоение имущества должника без его согласия, сокрытие информации о кредиторской задолженности последнего, регистрацию имущества должника на имя третьего лица в преддверии несостоятельности и пр.). Косвенное подтверждение сказанному обнаруживается у А. Х. Гольмстена, который, говоря о лицах, совершающих различные недобросовестные действия, использует «утаителей» в качестве обобщающего понятия³⁵.

Подобное толкование может быть обосновано также ссылкой на одного из представителей уголовно-правовой мысли того периода — И. Я. Фойницкого, который писал, что наравне с физическим сокрытием активов имеет место сокрытие юридическое, выражающееся в «фиктивном отчуждении их, вполне или частью, путем вымышленного перевода их на имя третьих лиц, обыкновенно близких родственников виновного»³⁶.

Ложный кредитор, подставной (мнимый) виндикат и утаитель рассматривались дореволюционным уголовным правом как лица, участвовавшие в подлогах злонамеренного банкрота, и вследствие этого

---

³⁴ Снигирев В. И. Дружеские и бронзовые векселя: историческое, бытовое и юридическое исследование. СПб. : Издание журнала «Коммерческий деятель», 1911. С. 68–69.

³⁵ Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / под ред. А. Г. Смирных. 2-е изд. М. : Издание книг ком, 2019. С. 131, 224.

³⁶ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. С. 394.

подвергались наказаниям по правилам о сообщниках преступлений (ст. 1164 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.).

В подтверждение сказанного можно привести указание Одесского окружного суда, который отмечал: «...подлоги, совершаемые банкротом, не могут совершаться иначе, как с помощью *посторонних лиц — соучастников*, но для сокрытия разных частей своего имущества, для переукрепления той или иной ценности, для обременения своего имущества тем или иным фиктивным долгом банкрот может обратиться к разным лицам, входя в соглашение с одним с целью переукрепить одно имение, с другим с целью фиктивно составить и переучесть долговое обязательство»³⁷. В данном деле суд, не обозначая соучастников банкрота специальным термином, делает различия между лицами, содействующими переукреплению имущества, и лицами, принимающими на себя обязательства к должнику, однако и те и другие именуются «соучастниками» злостного банкрота.

В гражданском законодательстве искомые отношения проявляют себя на примере института недействительности сделок. Так, возникает специальное положение, в соответствии с которым «договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению одного есть достижение цели, законами запрещенной, как то, когда договор клонится к подложному переукреплению имения во избежание платежа долгов» (п. 2 ст. 1529 Свода законов гражданских).

Подобные сделки именовались в литературе фиктивными и могли быть оспорены вне зависимости от возбуждения в отношении должника процедуры банкротства. Например, С. И. Гальперин писал, что «сделки о переукреплении имущества с целью неплатежа долгов могут выражать и действительную волю сторон, но злонамеренно направленную ко вреду третьих лиц. Эти сделки называются фиктивными». Данным автором указанные сделки рассматривались отдельно от мнимых, разделяющихся на «собственно

---

³⁷ Право : еженедельная юридическая газета. 1899. 7 марта. № 10. С. 526.

мнимые, заключенные только для виду, и сделки притворные (симулятивные), т.е. прикрывающие собой другую, действительно состоявшуюся между сторонами сделку»³⁸. Д. Д. Grimm отмечал, что пункт 2 ст. 1529 Свода законов гражданских является единственной нормой, упоминающей о праве оспаривания фраздаторных актов должника вообще, независимо от формального объявления должника несостоятельным³⁹.

Н. Л. Дювернуа писал, что в данной норме идет речь о целом круге операций, «бессилие коих основано на подложном составе волеизъявления, в чем бы ни заключался этот подлог, в отсутствии ли оснований или в наличии оснований неподлинных (*obligations sans cause, ou sur une fausse cause*)»⁴⁰.

Как представляется, пункт 2 ст. 1529 позволял признавать недействительными сделки должника, направленные на формальную регистрацию имущества на имя третьего лица в преддверии несостоятельности.

В подтверждение сказанного можно привести одно из дел, дошедших до Гражданского кассационного департамента Сената. Его фабула может быть представлена следующим образом.

В преддверии возбуждения конкурсного процесса должником (О. Лемишевским) были отчуждены два магазина мужского платья в пользу Г. Боровке, который спустя непродолжительное время продал указанный актив К. Пневскому.

При удовлетворении заявления о признании договоров недействительными были приняты во внимание следующие обстоятельства:
1) после продажи лавки должник продолжил заниматься продажей товаров;

---

³⁸ Гальперин С. И. Учебник русского торгового и вексельного права. Для коммерческих училищ, торговых школ и применительно к университетским требованиям. Екатеринослав : Издание И. В. Шафермана, 1907. Вып. II : Учение о торговых сделках. С. 196.

³⁹ Grimm Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 4. С. 143–144.

⁴⁰ Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. С. 815.

2) в магазинах была оставлена вывеска с именем должника; 3) в ежедневной газете от имени должника публиковалось объявление о принятии заказов на мужское платье; 4) при составлении приставом описи товаров должник давал пояснения относительности целостности и стоимости товара.

Кроме того, было принято во внимание то, что последний приобретатель имущества (К. Пневский) не имел средств на покупку магазина, не знал портняжного мастерства, не мог иметь сведений для заведования магазином мужского платья, а также то, что ранее К. Пневский представлял должника по доверенности в период нахождения последнего за рубежом. Сенатом указанная совокупность обстоятельств была признана достаточной для признания упомянутых договоров недействительными, вследствие чего было отмечено, что «признание договоров фиктивными не лишало палату права признать, что имущество О. Лемишевского поступило во владение сперва Боровки, а потом и Пневского и что затем они обязаны возвратить самое имущество или его ценность...»⁴¹.

Приведенное дело заслуживает внимания, поскольку из его фактуры можно выделить квалифицирующие признаки действий, которые направлены на создание лиц, содействующих сокрытию активов должника.

Первым выступило сохранение у должника фактического контроля над отчужденным ранее имуществом.

Вторым признаком можно признать несение должником расходов на содержание имущества. В рассмотренном деле к таким расходам отнесена оплата должником рекламы лавки в ежедневной газете.

Наконец, интересна характеристика лиц, избранных должником в качестве контрагентов. Из текста решения Сената следует, что они фактически не заведовали лавкой, а последний приобретатель и вовсе не обладал

---

⁴¹ Решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената от 28.04.1882 № 75 // Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. 1882. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1883. С. 314.

достаточными финансовыми ресурсами, знаниями и опытом для ведения дел в соответствующей сфере.

Изложенный подход показывает, что для установления факта подложного переукрепления⁴² имущества наличие родственных отношений не является обязательным, поскольку о фиктивности может свидетельствовать сохранение за должником контроля над отчужденным имуществом и одновременное отсутствие возможности у покупателя приобретать и пользоваться спорным активом.

Для сравнения: в литературе того периода сложилась позиция, согласно которой соучастниками должника являются преимущественно лица, пользующиеся его доверием. В. Г. Федоров писал, что, предвидя неминуемое наступление банкротства, должник «прибегает к заключению всевозможных фиктивных сделок с родственниками и близкими лицами, предоставляя им право на значительную часть своего имущества»⁴³. По мнению В. И. Снигирева, «если должник задумал переукрепить свое имущество с целью неплатежа долгов, он обязательно изберет своим контрагентом родственника или лицо, пользующееся его доверием по дружбе, продолжительному знакомству и пр., иначе рискует вместо предполагаемой выгоды потерять последнее»⁴⁴.

К сожалению, Сенатом в указанном деле не было использовано какого-либо термина для обозначения приобретателей имущества должника, в том числе не был заимствован термин «утаитель», использованный ранее в Уставе 1800 г.

---

⁴² Термин «переукрепление» является производным от укрепления прав, под которым Д. И. Мейер понимал «установление внешнего знака, свидетельствующего о существовании права». Акты укрепления разделялись на крепостные, нотариальные, явочные и домашние (см.: *Мейер Д. И. Избранные труды* : в 2 т. М. : Статут, 2019. Т. 1. С. 297, 300).

⁴³ *Федоров В. Г. Право опровержения действий, совершенных должником в ущерб кредиторов. К вопросу о законодательных мерах борьбы с неплатежом и фиктивными банкротствами.* СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1913. С. 13.

⁴⁴ *Снигирев В. И. Дружеские и бронзовые векселя: историческое, бытовое и юридическое исследование.* С. 74.

Помимо института недействительности сделок, косвенное отражение отношений, при которых третье лицо принимало в собственность имущество должника на случай несостоятельности, можно проследить в практике применения ст. 463 Устава судопроизводства торгового («В случаях, когда женою производится какой-либо торг отдельно от мужа, собственным именем ее признается и все то, что составляет ее особый торговый капитал, и то, что на основании представленных купеческих книг окажется приобретенным ею посредством торговых оборотов сего капитала»). В частности, в одном из решений Сената данное положение детализировалось путем обязания жены должника доказать, что «самые средства и капиталы, на которые приобретение сделано, дошли к ней равным образом законным путем от родителей или родственников или же приобретены ею от торговли в отдельном от мужа торге; при отсутствии же таких доказательств закон устанавливает предположение, что *средства, на которые сделано приобретение, дошли к жене от несостоятельного мужа ее*»⁴⁵.

Если вести речь об отношениях номинальной собственности за рамками несостоятельности, можно привести в пример практику обращения родового имущества в благоприобретенное. В частности, Е. В. Васьковский указывал, что «желая обратить родовое имущество в благоприобретенное, собственники фиктивно продают его другому лицу, а затем покупают обратно, неся только расходы по крепостным пошлинам»⁴⁶. Данное действие было обусловлено наличием ряда ограничений в отношении родовых имений, среди которых невозможность дарения (ст. 967 Свода законов гражданских), завещания (ст. 1068 Свода законов гражданских), а также тем обстоятельством, что после

---

⁴⁵ Устав судопроизводства торгового : по офиц. изд. 1903 г., изм. и доп. по действующим продолж. и позднейшим узаконениям, с разъясн. по решениям бывш. 4 судеб. и гражд. кассац. деп. и общ. собр. Правительствующего сената и с прил. соответствующих ст. уставов: гражд. судопр-ва, торг. кредит. и о герб. сборе и алф.-предм. указ. / сост. присяж. пов. А. М. Нюренберг. М. : Правоведение, 1913. С. 303.

⁴⁶ Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. СПб. : Н. К. Мартынов, 1894. Вып. 1 : Введение и общая часть. С. 94.

смерти собственника имущество поступало в наследство соответствующего рода. Кроме отмеченного, в ст. 1363 Свода законов гражданских содержалось указание на право родственников продавца выкупить имущество, проданное в чужой род, в течение трех лет.

В том же Своде законов гражданских упоминаются мнимые (подставные) виндикаты, уже известные Уставу 1740 г. Так, согласно ст. 2119 «хозяин поклажи вправе требовать возвращения своего имущества и тогда, когда имение принявшего на сохранение подверглось описи по случаю несостоятельности его, если только им будут представлены достоверные доказательства, что оное было вверено принимаателю единственно для сохранения. При сем предоставляется кредиторам несостоятельного должника право, как каждому отдельно своим лицом, так и в общем составе конкурса, предъявлять против действительности упомянутой поклажи надлежащие опровержения, в установленном для сего порядке».

П. П. Цитович, комментируя данную норму, писал, что «тот, чья вещь, отданная на сохранение, не участвует в конкурсе, а просто берет свое, — для конкурса он не кредитор, а виндикант. Но конкурсную массу могли бы растащить мнимые (подставные) виндиканты: им достаточно было бы набрать у несостоятельного дутых сохранных расписок, и нерасторопные кредиторы остались бы ни при чем»⁴⁷.

Наконец, в дореволюционный период также упоминались лица, формально принимавшие на себя роль участников юридического лица.

В Докладе министра путей сообщения А. П. Бобринского от 28 февраля 1873 г. отмечалось, что «существование многих наших железнодорожных обществ — мнимо, фирмы их фальшивы; правления их — неправильны; акционеры их — подставные»⁴⁸. В экономической прессе также указывалось,

---

⁴⁷ Цитович П. П. Обязательства: конспект лекций по русскому гражданскому праву, читанных в Университете св. Владимира П. П. Цитовичем (весенний семестр 1887 г.). Киев : Типо-литография И. Н. Кушнерева и К., 1887. С. 70.

⁴⁸ Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров : в 2 т. СПб. : Изд. Канцелярии Ком. министров, 1902. Т. 2. С. 130.

что «в том случае, когда организация общих собраний с помощью подставных акционеров облекается в законную форму, соответствующую уставу, то виновников таких незаконных действий искать тщетно»⁴⁹. Частным примером использования подставных акционеров может служить дело Харьковского земельного банка, подробно описанное в судебной хронике тех лет⁵⁰.

В. В. Розенберг, основываясь на германской терминологии, писал, что имеют место такие акционерные предприятия, «где компанейский характер создается лишь для вида при помощи услуг так называемых соломенных людей (Strohmänner)»⁵¹.

Равным образом И. Т. Тарасов отмечал, что «учредительное собрание часто утилизируется учредителями для своих корыстных целей, посредством так называемых подставных лиц (Strohmänner, hommes de paille), которые, не будучи на самом деле заинтересованы в делах компании, вотируют все вопросы исключительно только в пользу одних учредителей и по их указанию»⁵².

Л. И. Петражицкий в числе причин неудовлетворительности функций общих собраний акционерных обществ упоминал о привлечении «подставных акционеров»⁵³.

Со сменой политического курса в 1917 г. проблематика отношений несостоятельности утратила свою актуальность. Как справедливо отмечается в литературе, «конкурсное законодательство этого периода представляло

---

⁴⁹ Наем акций и подставные акционеры // Финансовое обозрение. 1875. № 32. С. 97.

⁵⁰ См.: *Снегирев Л. Ф.* Подставные акционеры: процесс акционеров Харьковского земельного банка с гг. Рябушинскими и Корневым. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1904. 146 с.

⁵¹ *Розенберг В. В.* Товарищество с ограниченной ответственностью (о необходимости введения этой формы в России). СПб. : Тип. Редакции период. изданий М-ва финансов, 1912. С. 11.

⁵² *Тарасов И. Т.* Учение об акционерных компаниях. 2-е изд. Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1879. С. 243.

⁵³ *Петражицкий Л. И.* Акционерная компания: акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве: по поводу предстоящей реформы акционерного права : экономическое исследование. СПб. : Тип. Министерства финансов, 1898. С. 156.

собой аномалию, поскольку защищало не законные интересы кредиторов и должника, а общий хозяйственный результат»; по существу, «плановая экономика и институт банкротства объективно несовместимы»⁵⁴.

Исследуемые явления лишь изредка упоминались в литературе раннесоветского периода. Например, Н. Г. Вавин при описании фидуциарных сделок отмечает, что «типичным примером фидуциарной сделки является сделка с подставным лицом, как это нередко получает место в вексельном обороте, когда вместо препоручительной надписи на векселе ставят передаточную», а также указывает на другой пример, где «кто-либо, не будучи сам управомоченным на приобретение немunicipализированного жилого строения, доверительно приобретает его на имя своего знакомого»⁵⁵.

Кроме того, применительно к данному историческому периоду следует обратить внимание на «лжекооперативы», которым посвящено постановление СНК РСФСР от 27.03.1929 «О мерах борьбы с лжекооперативами». Одним из их признаков являлось «мнимое участие в организации значительной части ее членов». А. В. Габов отмечает, что такой дополнительный признак лжекооператива относился к значительной группе нарушений, охватывал прямо не урегулированную законом ситуацию фиктивности учредительства⁵⁶.

В постсоветский период анализируемые явления первое время находят отражение преимущественно в законодательстве и литературе уголовно-правовой направленности.

Сначала в названной литературе исследуются отдельные аспекты использования подставных лиц для целей легализации незаконных доходов и мошенничества⁵⁷.

---

⁵⁴ Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Природа российского законодательства о банкротстве и тенденции его развития // Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей / гл. ред. И. Э. Мартыненко. Гродно : ГрГУ, 2017. С. 155.

⁵⁵ Вавин Н. Г. Ничтожные сделки. М. : Правовая защита, 1926. С. 11.

⁵⁶ Габов А. В. Лжекооперативы в истории отечественного права // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 2. С. 280.

⁵⁷ См.: Гордейчик С. Банкротство как способ уклонения от уплаты долгов // Российская юстиция. 1999. № 1 ; Макаров Д. Г. Основания и пределы криминализации

В 2003 г. текст уголовного закона дополняется статьей 141.1, криминализирующей финансирование избирательной кампании с использованием подставных лиц. В тот же период в п. 6 постановления Пленума ВС РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» применительно к составу ст. 198 УК РФ фигура подставного лица раскрывается на примере «безработного, который формально был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя».

Наконец, в 2011 г. в ст. 173.1 УК РФ появляется легальное определение подставных лиц: под ними понимаются лица, которые являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица и путем введения в заблуждение либо без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц, а также лица, которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом.

В периодической литературе уголовно-правовой направленности отмечалось, что указанная выше легальная категория подставного лица не охватывает ряд преступных деяний, имеющих место в реальной жизни, например, не предусматривает ответственности за регистрацию

общественно опасных деяний, составляющих теневую экономику: по материалам федеральных органов налоговой полиции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; *Никулина В. А.* Правовые аспекты соучастия в легализации незаконных доходов: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000; *Тумаков И. С.* Криминалистическая характеристика легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, и ее использование при выявлении и расследовании этой категории преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004; *Сердюк П. Л.* Мошенничество в сфере банковского кредитования: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2008; *Тер-Аванесов И. Г.* Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005; *Зенкин А. Н.* Методика расследования преступлений, связанных с незаконным захватом («недружественным поглощением») организаций с использованием подложных документов.

«подставного» индивидуального предпринимателя⁵⁸. Примечательно, что несколько позднее, в 2024 г., Минюстом России был подготовлен проект о внесении изменений в ст. 173.1, 173.2 УК РФ, предусматривавших криминализацию подставных индивидуальных предпринимателей⁵⁹.

Использование подставных лиц не ограничивается случаями регистрации их в качестве учредителя или органа управления юридического лица. В периодической литературе отмечается, что использование подставных лиц является одним из способов уклонения от уплаты налогов. Подобная практика достигает таких масштабов, что «услуги» подставных лиц реализуются через консалтинговые фирмы, осуществляющие подбор потенциальных кандидатов, на роль которых соглашаются лица с низким уровнем дохода, находящиеся в безвыходном положении⁶⁰.

В практике ВАС РФ второй половины 2000-х гг. термин «подставное лицо» использовался при рассмотрении налоговых споров⁶¹.

Наконец, если вести речь в публично-правовой плоскости, то практику регистрации имущества на имя третьих лиц можно рассматривать в контексте антикоррупционного законодательства. Так, Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» предусмотрена обязанность представления сведений о доходах, имуществе и обязательствах

---

⁵⁸ Лошкарев В. В. Недостатки правового регулирования противодействия незаконным финансовым операциям // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 5 (55). С. 105.

⁵⁹ Законопроект № 149493 «О внесении изменений в статьи 173(1) и 173(2) Уголовного кодекса Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=149493#> (дата обращения: 01.05.2025).

⁶⁰ Соломин В. П., Лавренко А. В., Использование номинальных (подставных) лиц в бизнесе как средство ухода от налогов // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 2. С. 120.

⁶¹ См.: определения ВАС РФ от 14.03.2007 № 2654/07 по делу № А19-12417/06-18, от 21.06.2007 № 7039/07 по делу № А19-17902/06-40, от 10.09.2007 № 10953/07 по делу № А45-13807/06-23/290, от 04.04.2008 № 4600/08 по делу № А12-9523/07-С29, от 24.11.2008 № 14495/08 по делу № А45-7687/2007-3/270 // СПС «КонсультантПлюс».

имущественного характера, сведений, подтверждающих законность получения денежных средств, государственными и муниципальными служащими. В целях обхода антикоррупционного законодательства в части данной обязанности лицами, склонными к ситуациям конфликта интересов, могут использоваться третьи лица, на имя которых будут регистрироваться активы. В качестве наглядной иллюстрации подобных злоупотреблений можно привести фабулу дела, ставшего предметом рассмотрения КС РФ, при рассмотрении которого было установлено, что должностное лицо вопреки запретам и ограничениям антикоррупционного законодательства действовало через доверенных и подставных лиц (номинальных владельцев имущества), скрытно владело и осуществляло управление соответствующими активами. После ухода с государственной службы оно вкладывало доходы от полученных коррупционным способом активов в приобретение новых⁶².

В литературе в связи с подобными злоупотреблениями обсуждается возможность совершенствования законодательства о контроле за расходами в части обращения в доход государства имущества, приобретенного на подставных лиц⁶³, подчеркивается проблематичность применения гражданско-правовых средств для реализации публично-правовых функций в сфере пресечения и противодействия коррупции⁶⁴.

Частное право ограничивалось упоминанием родственных явлений преимущественно в литературе. Например, А. П. Белов писал, что ««мнимые» договоры заключаются без намерения создать юридические последствия, т.е. для вида. Например, продажа вещи подставному надежному лицу с целью уберечь ее от возможного обращения взыскания на нее со стороны

---

⁶² Постановление КС РФ от 31.10.2024 № 49-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁶³ *Цирин А. М., Севальнев В. В.* Совершенствование порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 154.

⁶⁴ *Синицын С. А.* Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 131–140.

кредиторов»⁶⁵. В. И. Сергеев писал об использовании «второстепенных и несведущих в бизнесе людей» при анализе лжесделок⁶⁶. Т. П. Подвысоцкий и О. В. Аверьянов упоминали об отчуждении собственности на «подставные фирмы»⁶⁷.

Появление специальной терминологии в законодательстве о банкротстве и судебной практике можно констатировать во втором десятилетии XXI в., когда институты оспаривания сделок должника и субсидиарной ответственности получают кардинальное обновление.

В 2017 г. Закон о банкротстве дополняется пунктом 9 ст. 61.11, где встречается упоминание контролирующего лица, которое осуществляло функции органа или учредителя (участника) управления *номинально*.

В развитие данной нормы в п. 6 Постановления № 53 раскрывается понятие номинального руководителя путем обозначения следующих признаков: 1) формальное вхождение в состав органов юридического лица и одновременно с этим отсутствие реальных возможностей фактического управления; 2) принятие ключевых решений по указанию третьего лица, не имевшего соответствующих формальных полномочий (при наличии явно выраженного его согласия).

По справедливому замечанию Р. Т. Мифтахутдинова, введение фигуры номинального директора или участника юридического лица преследовало цель раскрытия при рассмотрении дел о банкротстве истинных

---

⁶⁵ Белов А. П. Действительность и недействительность договоров во внешнеэкономической деятельности // Право и экономика. 1998. № 11. С. 42–49.

⁶⁶ Сергеев В. И. Лжесделки: распознавание и способы // Право и экономика. 2001. № 7. С. 58–64.

⁶⁷ Подвысоцкий П. Т., Аверьянов О. В. Ограничение смены участников хозяйственных обществ // Право и экономика. 2001. № 8. С. 36–39.

контролирующих лиц⁶⁸. Аналогичной позиции придерживается И. С. Шиткина⁶⁹.

Несколько позднее ВС РФ уже при описании «номинального контролирующего лица» отметил, что цель использования таких лиц состоит в том, чтобы обезопасить выгодоприобретателей от негативных последствий принимаемых по их воле недобросовестных управленческих решений, влекущих несостоятельность должника.

Существенная опасность использования номинальных контролирующих лиц, по мнению ВС РФ, заключается в нарушении прав кредиторов на получение возмещения, поскольку данные лица не являются инициаторами действий, влекущих банкротство, и, как правило, не имеют имущества, достаточного для погашения причиненного ими вреда. Именно поэтому к субсидиарной ответственности подлежат привлечению как фактические, так и номинальные контролирующие лица солидарно: первые — поскольку в результате именно их виновных действий стало невозможным погасить требования кредиторов; вторые — поскольку они своим поведением содействовали сокрытию личности действительных правонарушителей⁷⁰.

Далее можно обратиться к лицам, принимающим в собственность чужие активы без намерения владеть, пользоваться и распоряжаться ими как своими собственными. Длительное время судебной практикой использовались различные категории, родственные «номинальному руководителю», а именно

---

⁶⁸ Мифтахутдинов Р. Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5. С. 187–191.

⁶⁹ Шиткина И. С. Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // Хозяйство и право. 2017. № 11. С. 41–61.

⁷⁰ См.: определение ВС РФ от 23.01.2023 № 305-ЭС21-18249(2,3) // СПС «КонсультантПлюс».

«номинальный собственник»⁷¹, «номинальный (формальный) собственник»⁷², «номинальный титульный собственник»⁷³.

В 2021 г. ВС РФ ввел в обиход категорию мнимого собственника (мнимого держателя активов) путем обобщения квалифицирующих признаков: 1) формальной принадлежности имущества мнимому собственнику; 2) того, что действительный собственник владеет, пользуется и распоряжается имуществом без угрозы обращения на него взыскания; 3) наличия доверительных отношений между мнимым собственником и действительным собственником; 4) прямой корреляции имущественной зависимости третьего лица от мнения действительного собственника⁷⁴.

Наконец, при отсутствии прямого указания в законе следует констатировать интуитивное понимание правопорядком существования дружественных кредиторов и номинальных участников торгов при банкротстве.

Номинальные кредиторы. Кредитор является центральной фигурой процедуры банкротства, определяющей ее направленность в целом, потому вполне ожидаемо возникновение у должника желания создать контролируемого кредитора в рамках дела о банкротстве, что подтверждается наличием фигуры ложного кредитора в дореволюционный период.

В данной части автор считает необходимым сделать оговорку о понятии кредитора, которое далее будет переложено на номинального кредитора.

---

⁷¹ См.: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 06.08.2019 № Ф02-3861/2019 по делу № А19-11992/2016 ; АС Уральского округа от 30.11.2020 № Ф09-5043/18 по делу № А47-6575/2017 ; АС Волго-Вятского округа от 17.02.2021 № Ф01-102/2021 по делу № А29-4190/2018 ; определения ВС РФ от 23.07.2018 № 305-ЭС18-3009, от 26.11.2018 № 305-ЭС15-12239(5) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷² Постановление АС Московского округа от 17.03.2020 № Ф05-2481/2020 по делу № А40-11322/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷³ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 24.09.2021 № Ф04-507/2019 по делу № А45-40831/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁴ Определение ВС РФ от 15.11.2021 № 307-ЭС19-23103(2) // СПС «КонсультантПлюс».

Как верно подчеркивает Т. П. Шишмарева, понятие «кредитор» в Законе о банкротстве не является тождественным кредиту в гражданско-правовом обязательстве, является родовым и иным по объему, поскольку помимо кредиторов гражданско-правовых денежных и иных обязательств включает в себя кредиторов из трудовых отношений и уполномоченные органы. В зависимости от ранга, кредиторов можно разделить на конкурсных, уполномоченные органы, кредиторов по текущим обязательствам, послеочередных и привилегированных кредиторов⁷⁵.

Среди указанных видов кредиторов наибольший объем прав предоставлен конкурсным кредиторам. Как отмечает К. Б. Кораев, требования конкурсных кредиторов традиционно рассматриваются как подлежащие удовлетворению в общем порядке⁷⁶.

Именно конкурсному кредитору, с определенными условностями, предоставлено право инициирования дела о банкротстве и выбора кандидатуры саморегулируемой организации арбитражных управляющих, подачи заявлений об оспаривании сделок, возбуждения спора о привлечении к субсидиарной ответственности, определения условий продажи имущества должника и контроля за действиями арбитражного управляющего. При наличии подобного перечня прав кредитора было бы странным отрицать желание некоторой части должников создать фигуру номинального кредитора в целях минимизации рисков негативных последствий (в виде неприменения правила об освобождении от долгов или привлечения к субсидиарной ответственности) и уменьшения пропорции требований независимых кредиторов. С учетом изложенного далее по тексту понятие «кредитор» автором ассоциируется преимущественно с конкурсным кредитором, что,

---

⁷⁵ *Шишмарева Т. П.* Институт несостоятельности в России и Германии М. : Статут, 2015. С. 107.

⁷⁶ *Кораев К. Б.* Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. С. 11.

однако, не исключает применения подходов к кредиторам по текущим обязательствам и иным видам кредиторов.

Действующая редакция Закона о банкротстве, а также две предшествующие⁷⁷ прямо не регулировали способы защиты прав кредиторов от так называемых номинальных кредиторов. Вместе с тем отрицать существование фиктивных требований, не имеющих под собой каких-либо оснований, значило бы говорить об отсутствии злоупотреблений должника в преддверии банкротства в принципе. Неслучайно в п. 26 Постановления № 35 была допущена проверка обоснованности требований кредиторов независимо от наличия разногласий с установлением повышенного стандарта доказывания. Как подчеркивает И. М. Шевченко, «причина подобного подхода кроется в том, что в 2012 г. проблема фиктивных требований стояла весьма остро»⁷⁸. Более 50 % респондентов указывают, что встречались в практике с явлением номинальных кредиторов.

В развитие разъяснений ВАС РФ ВС РФ начинает активно использовать категорию дружественного кредитора. В частности, указывает, что «в условиях банкротства ответчика и конкуренции его кредиторов интересы должника-банкрота и аффилированного с ним кредитора (“дружественного” кредитора) в судебном споре могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения, по существу, фиктивной сделки. Соккрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для

---

⁷⁷ Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (утратил силу с 1 марта 1998 г.); Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (документ утратил силу со дня вступления в силу Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

⁷⁸ Шевченко И. М. Обособленный спор по делу о банкротстве как исковое производство // Российский судья. 2024. № 12. С. 2–7.

последующего распределения конкурсной массы в пользу “дружественного” кредитора»⁷⁹.

В литературе данная категория также рассматривается как тождественная аффилированным с должником лицам⁸⁰. Помимо того, что требование номинального кредитора является требованием связанного с должником лица, оно также отличается качеством от требований иных кредиторов. Например, Р. А. Курбанов справедливо подчеркивает, что требование дружественного кредитора может носить искусственный характер, формироваться путем злоупотребления правом и использования притворных сделок⁸¹. А. П. Ходаковский пишет, что в отношении несостоятельности «фиктивная кредиторская задолженность означает не просто мнимую (искусственную) задолженность, а такую, которая создана в специальных целях — для получения благ или преимущества в рамках проводимых процедур»⁸².

Иными словами, в то время как требование обычного, независимого кредитора проходит проверку на предмет конкурсной способности⁸³, требование номинального кредитора, основанное на мнимой (притворной) сделке и направленное на осуществление контроля должника за процедурой

---

⁷⁹ Определения ВС РФ от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784, от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6), от 13.07.2018 № 308-ЭС18-2197, от 23.08.2018 № 305-ЭС18-3533, от 21.02.2019 № 308-ЭС18-16740 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁰ См.: *Кальгина А. А.* Практические аспекты подачи заявлений о банкротстве должников-организаций // *Вестник арбитражной практики.* 2024. № 4. С. 66–75 ; *Суворов Е. Д.* Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* 2019. № 5. С. 53–107 ; *Суходольский И. М.* Участие государства в процессе несостоятельности (банкротства) : монография. М. : Юстицинформ, 2024.

⁸¹ *Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А.* Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸² *Ходаковский А. П.* Реестр требований кредиторов и его формирование в процессе несостоятельности (банкротства). М. : Статут, 2023. С. 127.

⁸³ *Суворов Е. Д.* Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 344.

банкротства, не отвечает установленным критериям и, как следствие, не позволяет реализовывать права кредитора.

Защита прав и законных интересов независимых кредиторов от негативных последствий включения в реестр требований номинальных может осуществляться следующими способами (в зависимости от оснований возникновения задолженности и наличия сведений о номинальности кредитора): - путем представления возражений на заявление о включении задолженности в реестр требований кредиторов; – посредством обжалования вступившего в законную силу судебного акта, на котором основано требование номинального кредитора; – путем направления заявления об исключении требования номинального кредитора из реестра требований кредиторов либо об изменении его очередности.

Перед рассмотрением указанных способов защиты следует сделать оговорку о круге лиц, обладающих правом на представление соответствующих возражений.

Положения п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве предоставляют указанное право лицам, участвующим в деле о банкротстве и в арбитражном процессе по делу о банкротстве должника.

При толковании данной нормы можно акцентировать внимание на следующем.

В первую очередь, необходимо учитывать, что правом на предъявление возражений обладают кредиторы, требования которых только приняты к рассмотрению. Из положений абз. 2 п. 25 Постановления № 40 следует, что в случае отказа суда первой инстанции во включении требований возражающего кредитора в реестр право на представление возражений сохраняется за последним до окончания производства по жалобам на определение об отказе в арбитражном суде апелляционной инстанции, арбитражном суде округа и ВС РФ.

Не менее важным является положение абз. 3 п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве о том, что возражения относительно требований кредиторов

также могут быть заявлены лицом, не имеющим объективной возможности предъявить требования к должнику (в том числе в силу процессуальных или процедурных особенностей возникновения (подтверждения) требований), но обосновавшим вероятность их предъявления в будущем. В абз. 2 п. 26 Постановления № 40 приведен примерный перечень таких лиц.

Наконец, правом на предъявление возражений обладает и контролирующее должника лицо (в силу предписаний п. 10 ст. 16 и п. 4 ст. 34 Закона о банкротстве), например, если оно полагает, что требования номинального кредитора заявлены в интересах иного контролирующего лица или кредитора, вследствие чего итоговый размер его ответственности может быть увеличен.

Наиболее часто используемым способом защиты является представление возражений на требование о включении задолженности в реестр требований кредиторов.

В данном случае, ориентирующими выступают положения абз. 2 п. 27 Постановления № 40 о том, что проверка обоснованности и размера требований кредиторов осуществляется судом с учетом возражений против указанных требований, заявленных арбитражным управляющим, другими кредиторами или другими лицами, участвующими в деле о банкротстве. Признание должником или арбитражным управляющим обстоятельств, на которых кредитор основывает свои требования, само по себе не освобождает другую сторону от необходимости доказывания таких обстоятельств.

Данное разъяснение является логичным развитием ранее выработанных подходов ВС РФ о том, что при рассмотрении требования суд должен исходить из необходимости представления кредитором ясных и убедительных доказательств, подтверждающих наличие и размер задолженности перед ним и опровергающих возражения заинтересованных лиц об отсутствии долга⁸⁴, судебное исследование должно отличаться большей глубиной и широтой, по

---

⁸⁴ См.: Определения ВС РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413; от 13.07.2018 № 308-ЭС18-2197 // СПС «КонсультантПлюс».

сравнению с обычным спором, тем более, если на такие обстоятельства указывают лица, участвующие в деле⁸⁵.

Представляется, что указанные ориентиры в особенности применимы для случаев рассмотрения требований номинальных кредиторов, против которых не возражает должник (просит их удовлетворить).

Возражения относительно обоснованности требования номинального кредитора могут быть основаны на доводах о формальной (фактической) заинтересованности кредитора по отношению к должнику (контролирующему лицу), мнимости сделки, наличия обстоятельств, свидетельствующих о получении кредитором исполнения на основании соглашения с должником, отсутствии финансовой возможности предоставления займа номинальным кредитором должнику, расходом должником денежных средств, полученных от номинального кредитора, и т.п.

В данной части автор позволит критично высказаться относительно разъяснений абз. 4 п. 27 Постановления № 40, в соответствии с которым при прохождении требования кредитора на предмет мнимости суд вправе не исследовать дополнительные обстоятельства, связанные с предшествующим заключению сделки уровнем дохода кредитора, с законностью приобретения переданных должнику средств, с последующей судьбой полученного должником по сделке имущества, с отражением поступления имущества в отчетности должника и т.д.

Представляется, что указанные обстоятельства, напротив, могут опровергнуть довод номинального кредитора о реальности сделки и подлежат исследованию при наличии обоснованного раскрытия независимыми кредиторами или арбитражным управляющим. Данный довод подтверждают материалы судебной практики. К примеру, при рассмотрении одного из дел судом округа отменены судебные акты о включении требований в реестр по причине не исследования факта оформления кредитором кредита для расчета

---

⁸⁵ Определение ВС РФ от 23.07.2018 № 305-ЭС18-3009 // СПС «КонсультантПлюс».

с должником, соотношения расходов и доходов кредитора в спорный период (предшествующий заключению сделки), предоставления кредитором новых займов при невозврате должником денежных средств по ранее выданным⁸⁶.

В ключе отмеченного необходимо поднять вопрос о наличии у заинтересованного лица реальной возможности собрать необходимую совокупность убедительных доказательств номинальности кредитора и оперативно представить ее суду (с учетом обновленного в 2024 г. порядка рассмотрения требований кредиторов⁸⁷).

Перед представлением возражений заинтересованным лицам необходимо провести мероприятия по сбору и анализу информации, указывающей на номинальность кредитора.

В первую очередь, целесообразно определить относится ли кредитор к числу лиц, формально или фактически заинтересованных по отношению к должнику (контролирующему должника лицу). В данном вопросе могут быть проанализированы истребованные ранее сведения из органов записи актов гражданского состояния в отношении должника (контролирующего лица) или его супруги, материалы налоговых проверок, вступившие в законную силу судебные акты с участием должника, сведения из социальных сетей и т.д.

После установления обстоятельств, свидетельствующих о заинтересованности кредитора, логично обратиться к исследованию его хозяйственной деятельности, предшествовавшей дате заключения сделки с должником, реальной возможности предоставления денежных средств должнику, анализу действий, направленных на взыскание задолженности, скоординированности процессуального поведения с должником и т.д.

С учетом того, что заинтересованные лица располагают в основном открытыми данными, в процессе сбора доказательственной базы немалая роль

---

⁸⁶ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 10.06.2024 по делу № А45-40863/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁷ Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 120. 04.06.2024.

отведена арбитражному управляющему, который обладает правом направления запросов с целью исследования хозяйственной деятельности должника. Представляется, что заинтересованные лица вправе обратиться к арбитражному управляющему с требованием о направлении запросов в государственные органы и организации, располагающие необходимой информацией о номинальном кредиторе. При отказе арбитражного управляющего в оказании содействия заинтересованное лицо вправе указать в своем возражении, направляемом в суд, на необходимость истребования документов в судебном порядке.

Основной стадией доказывания номинальности кредитора является предъявление возражений на его требование в рамках дела о банкротстве.

В соответствии с обновленной редакцией Закона о банкротстве рассмотрение требования кредитора осуществляется в порядке документального обособленного спора⁸⁸ без проведения судебного заседания, суд вправе перейти к общему порядку рассмотрения по собственной инициативе после анализа поступивших возражений. Представляется, что обновленный порядок рассмотрения требований кредиторов может создать определенные сложности в доказывании номинальности кредитора, потому заинтересованным лицам рекомендуется указывать в возражении на необходимость перехода к общему порядку (например, мотивировав переход необходимостью истребования доказательств или пояснений номинального кредитора и должника). В любом случае, при рассмотрении обоснованности требования суд должен принимать во внимание мотивированные возражения арбитражного управляющего и независимых кредиторов.

Соответственно, при доказанности номинальности кредитора суд отказывает ему во включении требований в реестр требований кредиторов.

---

⁸⁸ Подробнее об обновленном порядке рассмотрения данной категории дел: *Лазарев С. В.* Документарное производство рассмотрения отдельных обособленных споров по делам о несостоятельности: вопросы идентификации // Экономическое правосудие в уральском округе. 2025. № 1 (73). С. 87-98.; *Царегородцева Е. А.* Документарное производство как способ упрощения производства по делам о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 8. С. 12-15.

Несколько иной механизм защиты прав независимых кредиторов предусмотрен в случае заявления номинальным кредитором требования, основанного на вступившем в законную силу судебном акте. По общему правилу подобные требования подлежат включению в реестр без дополнительной проверки их обоснованности. Однако из положений п. 28 Постановления № 40 следует, что суд, рассматривающий дело о банкротстве, оценивает по существу доводы возражающих лиц об отсутствии долга, если суд по другому спору не устанавливал и не исследовал обстоятельства, на которые ссылаются возражающие лица (например, в связи с признанием иска должником) и которые имеют существенное значение для формирования реестра требований кредиторов в деле о банкротстве.

В случае отсутствия указанных обстоятельств обновленной редакцией Закона о банкротстве заинтересованным лицам предоставлено право на обращение с заявлением об отмене судебного акта по правилам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам (ранее данное право было разъяснено в п. 24 Постановления № 35).

Наконец, если обстоятельства, свидетельствующие о номинальности кредитора, были установлены после включения его требования в реестр требований кредиторов, заинтересованное лицо вправе обратиться с заявлением об исключении требования номинального кредитора (п. 8 ст. 100 Закона о банкротстве). Данное право также является результатом реформы Закона о банкротстве в 2024 г.

Практика применения данной нормы, с процессуальной точки зрения, может создать дополнительные трудности для лиц, заинтересованных в исключении требования номинального кредитора из реестра. К примеру, только в рамках одного окружного кассационного суда встречаются противоположные подходы. С одной стороны, указывается, что порядок, предусмотренный п. 8 ст. 100 Закона о банкротстве, не является тождественным институту пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам и позволяет в ином порядке путем обращения в суд с

соответствующим заявлением, заявить о необоснованности требований кредитора⁸⁹. С другой, при отмене судебных актов, принятых по правилам указанной нормы, рекомендуется объединить в одно производство такой обособленный спор со спором о пересмотре по новым обстоятельствам⁹⁰.

Таким образом, действующей редакцией Закона о банкротстве независимым кредиторам предоставлен широкий набор средств защиты против требований номинальных кредиторов.

Номинальные участники торгов при банкротстве. Реализация имущества должника в рамках ликвидационных процедур является ключевым мероприятием, способствующим достижению цели соразмерного удовлетворения требований кредиторов. Мероприятия по реализации осуществляются путем торгов, которые отражают процедурный аспект заключения договора, характеризуются принципами равенства их участников и состязательностью⁹¹, применительно к банкротству имеют свою специфику (в зависимости от категории должника, вида торговых процедур, связанностью со сроками процедур банкротства и т.д.)⁹².

В ходе проведения указанных мероприятий как никогда высока вероятность злоупотреблений, в том числе выражающихся в использовании номинальных участников торгов. Например, О. А. Беляева справедливо отмечает, что «в торгах могут участвовать “подставные” лица, которые не имеют интереса в фактическом приобретении имущества должника, присутствуют на торгах лишь для искусственного завышения цены продажи имущества»⁹³. Ею также подчеркиваются ситуации манипулирования торгами

⁸⁹ Постановление АС Московского округа от 06.08.2025 по делу № А40-199117/2017

⁹⁰ Постановление АС Московского округа от 28.07.2025 № А40-122194/2021

⁹¹ Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2020. С. 1035–1036 ; Беляева О. А. Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 9.

⁹² Ершов Д. В. Организация и проведение торгов в электронной форме в процедурах несостоятельности (банкротства) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 12.

⁹³ Беляева О. А. Новые правила проведения торгов в ходе банкротства // Хозяйство и право. 2009. № 8. С. 104.

со стороны заинтересованных лиц, в частности бывших супругов⁹⁴, поднимается проблематика участия контролирующих лиц в процессе определения условия продажи имущества должника⁹⁵.

Д. О. Османова одной из форм злоупотреблений при банкротстве называет манипулирование механизмом торгов, которое может выражаться в виде реализации имущества должника в пользу взаимосвязанного с должником лица, когда фактически актив остается у самого должника, или в виде подачи заинтересованным лицом задатка в последний день срока и последующего оспаривания результатов торгов⁹⁶.

В целом можно допустить, что номинальные участники торгов при банкротстве могут использоваться как для целей манипулирования торгами (в том числе лицами, которые не связаны с должником или бенефициаром, а лишь желают приобрести актив по заниженной стоимости), так и для приобретения актива дружественным лицом (например, приобретения права требования к контролирующему лицу номинальным участником, который впоследствии не будет предъявлять требований). Примечательно, что около 50 % опрошенных нами респондентов указывают, что встречались в своей практике с явлением номинальных участников торгов.

Выдвинутое предположение подтверждается позициями судов высших инстанций. В 2014 г. ВАС РФ рассматривал дело, согласно которому несколькими участниками торгов были совершены действия, направленные лишь на создание видимости состязательности и торговой активности на аукционе. В 2018 г. ВС РФ при рассмотрении одного из дел указал, что «количество поданных в условиях отсутствия конкуренции предложений без реального намерения впоследствии заключить договор купли-продажи, в связи с чем была искусственно завышена цена выставленного на торги

---

⁹⁴ *Беляева О. А.* Торги в банкротстве: основные проблемы и злоупотребления // Аукционный вестник. 2018. № 380. С. 3.

⁹⁵ *Беляева О. А., Громыко Т. Ю.* Торги при банкротстве: целеполагание и действующие лица // Цивилист. 2024. № 6. С. 10.

⁹⁶ *Османова Д. О.* Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве). С. 71.

имущества, свидетельствует о наличии признака притворности (п. 2 ст. 170 ГК РФ) таких заявок, на самом деле прикрывавших действия по ограничению доступа к торговой площадке другим лицам, что не соответствует стандарту добросовестного поведения»⁹⁷. Наконец, в 2023 г. ВС РФ рассмотрел аналогичное дело, в котором на первых и повторных торгах два участника подали 11 и 9 заявок соответственно. Однако, как указала Экономколлегия, последующее поведение данных лиц свидетельствовало об отсутствии у них реального намерения приобрести имущество⁹⁸. В целом в судебной практике имеют место случаи рассмотрения заявлений о признании притворной цепочки сделок, состоящей из договора по заключению торгов и последующего отчуждения актива бенефициарам или просто заинтересованным лицам по завышенной по сравнению с торгами цене⁹⁹.

Правовая квалификация номинального участника торгов при банкротстве может быть дана при рассмотрении заявлений о признании торгов недействительными. Указание на номинальный характер участника торгов (например, по основанию притворности субъектного состава) будет выступать одним из пороков проведенной процедуры торгов.

С учетом изложенного можно сделать следующие промежуточные выводы.

В силу особенностей правового регулирования отношений несостоятельности недобросовестные действия должников по формальному дистанцированию от принадлежащих им активов с использованием третьих лиц сначала проявляют себя в предписаниях уголовно-правовой направленности, а несколько позднее — в частном праве.

---

⁹⁷ Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 14 ноября 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹⁸ Определение ВС РФ от 26.10.2023 № 308-ЭС22-17506(4,5) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹⁹ См.: постановления АС Северо-Западного округа от 06.10.2020 по делу № А56-48716/2017; АС Московского округа от 26.02.2019 по делу № А40-154909/15 // СПС «КонсультантПлюс».

В дореволюционный период имела место практика по созданию «ложных кредиторов», «утаителей» и подставных акционеров.

Поскольку в советский период отношения несостоятельности (банкротства) были фактически поставлены на паузу, соответствующая практика и средства борьбы с ней получили развитие лишь в постсоветский период.

По состоянию сегодняшний день наиболее распространенными действиями должника, направленными на причинение вреда имущественным правам кредиторов с использованием третьих лиц, следует признать искусственное создание номинальных кредиторов, номинальных контролирующих лиц и лиц, формально принимающих на свое имя активы должника. Характерно, что вне зависимости от эпохи в качестве потенциальных кандидатов на роль соучастников недобросовестного должника рассматривались преимущественно его родственники или пользующиеся его доверием лица.

1.3. Понятие и признаки номинальности для целей несостоятельности (банкротства)

Обращение к истории вопроса показало наличие широкой палитры терминов, используемых в законодательстве, доктрине и судебной практике, в той или иной степени обозначающих лиц, способствующих совершению как гражданско-правовых правонарушений, так и уголовно наказуемых деяний. В целом практики использования так называемых подставных лиц не ограничиваются банкротством.

Вместе с тем при отмеченном разнообразии мы не обнаружили дефиниции явления в целом и применительно к банкротству в частности.

Для разрешения данного вопроса можно пойти от частного к общему, а именно рассмотреть уже известные категории (производные от них) и на основании этого попытаться сформулировать родовое понятие.

В первую очередь следует определиться с наиболее расплывчатыми концептами — «фиктивность» и «формальность». Указанные термины не нашли раскрытия в тексте закона или разъяснениях судов высших инстанций, однако активно используются в судебной практике арбитражных судов¹⁰⁰. В русском языке прилагательное «фиктивный» понимается как «не соответствующий тому, за что принимается или выдается; являющийся фикцией, вымышленный, мнимый»¹⁰¹. В свою очередь, существительное «формальность» может быть производным от прилагательного «формальный», т.е. «сделанный с соблюдением всех формальностей, по установленному порядку, исполненный только для вида, ради формы»¹⁰².

Как видится, оба термина, сводящиеся к соблюдению внешней формы при ее несоответствии внутреннему содержанию, описывают исследуемые явления лишь отчасти. В случае с вышеуказанными практиками по использованию дружественных кредиторов, номинальных контролирующих лиц или лиц, принимающих в собственность активы должника, помимо создания видимости, необходимо установить наличие контроля со стороны должника (контролирующего лица) за созданной им «ширмой», поскольку в ином случае все усилия по доказыванию соответствующего факта теряют смысл. По причине изложенного «фиктивность» и «формальность» не могут быть рассмотрены в качестве единственных определяющих родовых понятий.

---

¹⁰⁰ Указание на «формальное изменение собственности» обнаруживается в постановлениях АС Волго-Вятского округа от 27.02.2023 № Ф01-1264/2022 по делу № А43-4030/2016, АС Восточно-Сибирского округа от 03.03.2022 № Ф02-619/2022 по делу № А33-5834/2021. Указание на «фиктивного собственника» встречается в постановлениях АС Волго-Вятского округа от 28.02.2023 № Ф01-8172/2022 по делу № А43-33026/2018, АС Западно-Сибирского округа от 19.06.2023 № Ф04-8668/2021 по делу № А70-9657/2021. Упоминание «формального руководителя» имеет место в постановлениях АС Волго-Вятского округа от 02.06.2022 № Ф01-2172/2022 по делу № А29-15717/2020, АС Поволжского округа от 13.12.2022 № Ф06-4098/2021 по делу № А65-4258/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰¹ *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2005. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.01.2023).

¹⁰² *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов : более 4 500 слов и выражений. М. : Эксмо-Пресс, 2000. С. 1043.

Далее обратимся к наиболее распространенному термину «подставное лицо». Слово «подставной» в русском языке в числе прочего раскрывается как «специально подобранный для какой-нибудь цели, не настоящий, ложный»¹⁰³, «выставляемый вместо, взамен действительного, настоящего; подложный»¹⁰⁴. В рамках действующего правового регулирования легальное определение подставных лиц дается в примечании к ст. 173.1 УК РФ: «лица, которые являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица и путем введения в заблуждение либо без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц, а также лица, которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом».

При всей привлекательности готового определения, для целей несостоятельности (банкротства) оно не может быть признано обобщающим исследуемые явления по следующим причинам.

Во-первых, объем легального понятия подставного лица ограничен учредителями (участниками) или органами управления юридического лица. Данное обстоятельство не позволяет подвести под данную категорию такие недобросовестные действия должника, как искусственное введение фигуры дружественного кредитора или лица, принимающего в собственность активы должника.

Во-вторых, даже в тексте уголовного закона термин «подставное лицо» не используется в одном значении. В частности, наряду с отмеченным составом имеет место статья 141.1 УК РФ, в которой также употреблено это выражение, однако в более широком смысле и без ссылки на примечание к ст. 173.1. А. М. Климанов отмечает, что по смыслу ст. 141.1 УК РФ

---

¹⁰³ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Терра, 1996. С. 444.

¹⁰⁴ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка.

подставное лицо используется теми лицами, которым запрещено вносить пожертвования в ходе избирательной кампании¹⁰⁵.

Наконец, переходя в гражданско-правовую плоскость, рассмотрим термины «мнимость» и «номинальность».

Использование термина «мнимость» приводит к предположительно ошибочному отождествлению условной сделки между конечным выгодоприобретателем и третьим лицом с мнимой сделкой. Вместе с тем в отличие от мнимой сделки в рассматриваемой ситуации действующие лица нередко намерены породить правовые последствия и соответствующей регистрацией актива на третье лицо или наделением субъекта статусом руководителя юридического лица порождают их. Кроме отмеченного, в связи с принятием актива должника на имя третьего лица в судебных актах порой применяются нормы о притворности. Так, АС Московского округа согласился с нижестоящими судами в констатации притворного характера сделки по субъектному составу¹⁰⁶. По причине отмеченного необходимо на время оставить вопрос о конкуренции понятий мнимого и притворного лица.

На данный момент предпочтителен термин «номинальность». Слово «номинальный» может восприниматься как «только называющийся, но не выполняющий своего назначения, обязанностей, фиктивный»¹⁰⁷, «являющийся каким-либо лишь по названию»¹⁰⁸, «только называющийся, не выполняющий своего назначения или обязанностей, фиктивный»¹⁰⁹.

---

¹⁰⁵ *Климанов А. М.* Некоторые вопросы квалификации нарушений порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* 2014. № 10. С. 308.

¹⁰⁶ Постановление АС Московского округа от 04.07.2023 по делу № А40-32986/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁷ Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2006.

¹⁰⁸ *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка.

¹⁰⁹ Толковый словарь русского языка : в 4 т. С. 592.

С учетом вышеизложенного номинальность следует рассматривать как межотраслевое явление, представляющее собой формальное обладание определенным лицом правами (правомочиями) и обязанностями лишь для видимости, которое сопровождается совокупностью действий номинального лица и конечного выгодоприобретателя, совершаемых под контролем и в интересах последнего, направленных на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели.

Номинальность проявляется в различных сферах жизнедеятельности. Как было показано выше, номинальные лица могут использоваться с целью налоговой оптимизации, обхода антикоррупционного, антимонопольного и гражданского законодательства, совершения ряда экономических преступлений и т.д.

Номинальность в банкротстве обладает спецификой, определяемой кругом общественных отношений, регулируемых правом несостоятельности, характеризуется следующими признаками.

1. В отношениях номинальности отчетливо выделяются два действующих субъекта.

Первым выступает лицо, заинтересованное в формальном дистанцировании от актива при одновременном получении материальной или иной выгоды. Вопрос обозначения указанного лица также не столь очевиден. Действующее законодательство и судебная практика оперируют различными понятиями, которые можно было бы заимствовать. Например, для целей налогообложения используются категории: «бенефициар», «лицо, имеющее фактическое право на доходы»¹¹⁰, «фактический получатель дохода»¹¹¹; в ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» содержится указание на бенефициарного

---

¹¹⁰ Пункт 2 ст. 7 Налогового кодекса Российской Федерации.

¹¹¹ Письмо Минфина России от 24.08.2018 № 03-12-12/2/60389 // СПС «КонсультантПлюс».

владельца, в ст. 61.10 Закона о банкротстве — понятие контролирующего лица.

Вместе с тем, отталкиваясь от п. 7 Постановления № 53, можно использовать термин «конечный выгодоприобретатель», под которым следует понимать лицо, заинтересованное в формальном дистанцировании от принадлежащего ему в прошлом (приобретенного на его денежные средства) имущества или управляемого им в прошлом (созданного при его участии) юридического лица, при одновременном сохранении фактического контроля и получении материальной или иной выгоды от такого имущества или юридического лица.

Вторым субъектом является непосредственный исполнитель воли конечного выгодоприобретателя. Для удобства предлагаем в дальнейшем именовать его номинальным участником процедуры банкротства. Как показывает судебная практика, в большинстве случаев роль номинальных фигур выполняют родственники конечного выгодоприобретателя; лица без опыта образования юридических лиц и управления ими¹¹²; граждане, выступающие руководителями сразу нескольких обществ¹¹³, а равно лица с низким уровнем дохода¹¹⁴.

Под номинальным участником процедуры банкротства следует понимать лицо, содействующее должнику (конечному выгодоприобретателю) в достижении его противоправной и (или) недобросовестной цели путем обладания правами (правомочиями) и обязанностями лишь для видимости. Номинальный участник процедуры банкротства характеризуется следующими признаками:

---

¹¹² Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 02.02.2022 № Ф02-7037/2021 по делу № А33-9119/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹³ См.: постановления АС Волго-Вятского округа от 02.02.2021 № Ф01-15854/2020 по делу № А29-3345/2018, АС Западно-Сибирского округа от 16.11.2020 № Ф04-6142/2017 по делу № А75-7578/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁴ Постановление АС Московского округа от 26.03.2021 по делу № А40-208852/15 // СПС «КонсультантПлюс».

- наличие доверительных отношений с должником (конечным выгодоприобретателем);
- наличие имущественной зависимости от должника (конечного выгодоприобретателя);
- отсутствие намерения реализовывать принадлежащие ему права (правомочия) по собственному усмотрению.

Можно выделить следующие виды номинальных участников процедуры банкротства:

- номинальный собственник;
- номинальное контролирующее лицо юридического лица;
- номинальный кредитор;
- номинальный участник торгов при банкротстве.

Указанные виды номинальных участников процедуры банкротства упоминаются с применением различной терминологии в судебных актах арбитражных судов. Среди респондентов социологического опроса, проведенного автором, около 40 % сталкивались на практике со всеми перечисленными видами номинальных участников процедуры банкротства.

2. Номинальные участники процедуры банкротства создаются для контроля за процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя (выступающего в роли должника) или принадлежащего ему юридического лица и, как следствие, для минимизации негативных последствий несостоятельности (выражающихся в обращении взыскания на имущество конечного выгодоприобретателя или в привлечении к субсидиарной ответственности).

Если банкротство как процедура представляет собой «совокупность специфических мер, применяемых по отношению к должнику в целях последующих расчетов с его кредиторами»¹¹⁵, то использование номинальных

---

¹¹⁵ Суворов Е. Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex russica. 2020. Т. 73. № 11. С. 29.

участников процедуры банкротства препятствует достижению указанной цели.

Некоторыми авторами в качестве цели рассматривается введение в заблуждение сторонних участников оборота и контролирующих органов¹¹⁶, вместе с тем, по нашему мнению, это один из способов реализации недобросовестных мотивов, но не цель.

3. Достижение отмеченных целей возможно при одновременном соблюдении следующих условий: 1) формально-юридическое дистанцирование конечного выгодоприобретателя от актива и 2) осуществление контроля за деятельностью номинального участника.

Видится, что тесная взаимосвязь отмеченных условий позволит судам проследить нить между участниками рассматриваемых отношений. Например, при установлении нестандартного поведения номинальной фигуры (как то: отсутствие у руководителя доступа к банковским счетам управляемого общества¹¹⁷ или полное передоверие номинальной фигурой полномочий по распоряжению имуществом юристам конечного выгодоприобретателя¹¹⁸) можно предположить наличие скрытого «кукловода». Опровержение этой версии должно быть возложено на номинальную фигуру и (или) конечного выгодоприобретателя.

Представляется, что формально-юридическое дистанцирование конечного выгодоприобретателя и одновременное осуществление им контроля за действиями номинального участника могут быть обусловлены наличием между указанными лицами нераскрытой иным участникам оборота сделки (облеченной в устную или письменную форму).

---

¹¹⁶ См.: Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4; Морхат П. М. Ответственность лица, признаваемого скрытым бенефициаром компании // Право и бизнес. 2021. № 1. С. 7–12.

¹¹⁷ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 27.05.2022 № Ф04-1925/2022 по делу № А75-13318/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁸ Определение АС Иркутской области от 14.11.2022 по делу № А19-8042-7/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Факультативным признаком использования конечным выгодоприобретателем номинальных участников процедуры банкротства является наличие между указанными субъектами особых доверительных отношений, обусловленных родственными, финансовыми или иными факторами. Данный критерий во многих случаях может стать определяющим, наличие подобной связи позволит с большей вероятностью признать лицо номинальным участником процедуры банкротства. Например, наиболее вероятно, что одноклассник должника, имеющий в собственности квартиру, коммунальные платежи за которую вносил последний, не будет признан добросовестным приобретателем имущества. В равной степени лицо без опыта работы и образования на управленческой должности, финансово зависимое от бенефициара, скорее всего, не будет признано независимым единоличным исполнительным органом юридического лица.

Приведенные примеры могут быть обобщены категорией аффилированности (фактической заинтересованности), что поднимает вопрос о ее соотношении с номинальностью.

Категория аффилированности в самом широком понимании, включающем формальную и фактическую заинтересованность, рассматривается судебной практикой как совокупность признаков связанности, выражающихся в поведении участников правоотношений, скоординированности их действий¹¹⁹. Как верно подчеркивает А. И. Шайдуллин, «если изначально использование доктрины аффилированности и было основано на положениях антимонопольного законодательства, то сейчас оно фактически утратило с ней прямую и непосредственную связь, являясь, по существу, самостоятельным творчеством

---

¹¹⁹ См.: Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом ВС РФ 20 декабря 2016 г.) (ред. от 26.12.2018); определения ВС РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6); от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475; от 29.05.2020 № 305-ЭС19-26656 по делу № А41-23442/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Верховного Суда»¹²⁰. Как отмечает А. В. Габов, целью применения судами понятия «фактическая аффилированность» является защита независимых кредиторов от злоупотреблений¹²¹. А. В. Егоров указывает, что аффилированность облегчает рассмотрение споров о субординации требований кредиторов, оспаривании сделок и привлечении аффилированных лиц к субсидиарной ответственности¹²².

Использование категории номинальности также преследует цель защиты прав кредиторов, имеет аналогичную сферу применения (оспаривание сделок, рассмотрение обоснованности требований кредиторов и субсидиарная ответственность).

Важное различие между аффилированностью и номинальностью состоит в их сущностном наполнении. Аффилированность предполагает лишь наличие между сторонами формальной связанности или доверительных отношений, обусловленных различными факторами, и может использоваться в качестве косвенного доказательства наличия у сторон умысла на совершение гражданского правонарушения (если вести речь о сроках и привлечении к субсидиарной ответственности) или отсутствия намерения породить заключенной сделкой реальные последствия. Номинальность является более конкретной категорией, поскольку, помимо связанности, включает цель недобросовестного использования третьего лица в качестве ширмы, подконтрольность номинального участника процедуры банкротства конечному выгодоприобретателю.

---

¹²⁰ *Шайдуллин А. И.* Размышления о фактической аффилированности: выявить, а не наказать за вполне разумное поведение // *Цивилистика*. 2021. № 3. С. 201.

¹²¹ *Габов А. В.* Аффилированность в делах о несостоятельности (банкротстве) // *Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / А. Г. Архипова, А. В. Асосков, В. В. Безбах [и др.] ; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М. : Статут, 2020.*

¹²² *Егоров А. В.* Влияние аффилированности на банкротство // *Цивилистика*. 2021. № 2. С. 20–67.

Таким образом, аффилированность и номинальность — явления разного порядка, а соответствующие термины не могут рассматриваться в качестве синонимичных.

5. Рассматриваемые действия, направленные на минимизацию рисков несостоятельности, являются *выходом за пределы осуществления гражданских прав* (как со стороны номинального участника процедуры банкротства, так и со стороны конечного выгодоприобретателя), и направлены на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели путем извлечения преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения в ущерб интересам кредиторов, поскольку институт несостоятельности (банкротства) используется в противоречии с его назначением, а восстановление нарушенных прав кредиторов должника затрудняется необходимостью доказывания статуса номинального участника процедуры банкротства у конкретного лица.

В данном положении автор исходит основываясь на позиции Т. В. Дерюгиной о том, что добросовестность выступает принципом осуществления гражданских прав, «который формирует такую направленность поведения, когда с учетом своих интересов субъект не нарушает права и законные интересы других лиц»¹²³, а также на мнении Л. А. Чеговадзе подчеркивающей, что к числу действий, сопряженных со злоупотреблением правом, можно отнести деяния, направленные на получение недозволенных имущественных выгод¹²⁴.

Д. О. Османова пишет, что злоупотреблением в банкротстве является «самостоятельная форма правомерного, но нежелательного, недобросовестного поведения, в рамках которой участники процедуры банкротства, искажая назначение норм Закона о банкротстве, используют их

---

¹²³ Дерюгина Т. В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 9.

¹²⁴ Чеговадзе Л. А. Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения // Гражданское право. 2013. № 2. С. 9.

для удовлетворения собственных потребностей без учета прав и интересов иных лиц»¹²⁵.

П. П. Ланг также отмечает, что злоупотребление при несостоятельности представляет собой «самостоятельную форму недобросовестного поведения, не поименованную в рамках п. 1 ст. 10 ГК РФ, которая выражается в действиях недобросовестного лица, направленных на получение материальных или иных преимуществ за счет имущества должника»¹²⁶.

В пункте 4 ст. 1 ГК РФ провозглашен принцип, согласно которому никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. В результате взаимодействия номинального лица и конечного выгодоприобретателя данный принцип грубо нарушается: оба получают соответствующие преимущества (выгоды) в результате недобросовестного сговора и введения в заблуждение всех третьих лиц.

С учетом вышесказанного интересы указанных лиц не могут получить защиту правопорядка в силу следующего.

Интерес первого лица состоит в уводе активов из-под возможности обращения взыскания со стороны кредиторов или в минимизации рисков предпринимательской деятельности путем переложения ответственности на третье лицо. Такой интерес не может получить в последующем защиту со стороны правопорядка, поскольку лицо изначально создает условия нарушения прав кредиторов.

Интерес номинального участника процедуры банкротства является более разноплановым. Изначально лицо может преследовать цель собственного финансового благополучия, улучшения материального положения членов своей семьи и создания благоприятных условий для занятия предпринимательской деятельностью. Обособленно от рассматриваемых отношений данные интересы не могут быть попораны правопорядком,

---

¹²⁵ Османова Д. О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве). С. 7.

¹²⁶ Ланг П. П. Злоупотребление правом в сфере несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 9. С. 42–46.

поскольку являются добросовестными. Однако соприкосновение противоправного интереса конечного выгодоприобретателя с морально одобряемым интересом номинального участника нивелирует положительный окрас последнего. Ведь при реализации своих гражданских прав номинальный участник становится соучастником противоправных действий конечного выгодоприобретателя.

При столкновении интересов указанных субъектов причиняется вред сразу нескольким группам кредиторов.

Первая группа может быть представлена кредиторами должника — юридического лица, которые полагают, что в случае наступления его несостоятельности по долгам будут отвечать его контролирующие лица. Однако только в процессе рассмотрения дела о несостоятельности может быть обнаружено, что указанные лица лишь выполняли волю конечных бенефициаров. Это, в свою очередь, вынуждает кредиторов к совершению дополнительных действий, направленных на возврат активов должника, что в условиях ограниченных временных ресурсов снижает эффективность подобного рода мероприятий.

Вторая группа включает кредиторов конечного выгодоприобретателя, за которым могут числиться незначительные активы. Для того чтобы доказать принадлежность актива, числящегося за номинальным участником, кредиторам конечного выгодоприобретателя также следует приложить дополнительные усилия.

Наконец, третья группа — это кредиторы номинального участника процедуры банкротства, которые полагают, что их требования могут быть удовлетворены при его банкротстве. Однако это стремление может быть нарушено процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя, и, следовательно, конкуренция за активы, которые ранее находились в собственности номинального участника, возрастает.

Факт причинения вреда трем указанным группам кредиторов позволяет прийти к выводу о том, что подобный выход за пределы осуществления

гражданских прав является злоупотреблением правом со стороны всех действующих субъектов. Следовательно, номинальность можно рассматривать в качестве одного из проявлений злоупотребления при банкротстве.

Иная квалификация рассматриваемых отношений не представляется возможной, поскольку минимизация рисков негативных последствий несостоятельности может достигаться другими способами. Например, для снижения рисков привлечения к субсидиарной ответственности контролирующее лицо может привлекать сторонних консультантов для контроля за рабочими процессами и внедрения новых практик, а в случае возникновения признаков имущественного кризиса своевременно раскрывать соответствующую информацию перед кредиторами.

Резюмируем вышеизложенное: номинальность для целей несостоятельности (банкротства) представляет собой формальное обладание определенным лицом правами (правомочиями) и обязанностями лишь для видимости, которое сопровождается совокупностью скоординированных недобросовестных действий номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, совершаемых под контролем и в интересах последнего, направленных на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели путем извлечения преимуществ из своего незаконного и (или) недобросовестного поведения в ущерб интересам кредиторов при банкротстве.

Выводы по первой главе диссертационного исследования.

С учетом изложенного можно сделать следующие промежуточные выводы по первой главе диссертационного исследования.

С позиций философского познания использование одним лицом другого в качестве средства для достижения своих целей недопустимо. Поскольку каждая личность несет в себе совокупность культурных, социальных и психологических особенностей, умаление (любое, даже облеченное в

установленную законом форму) данного сочетания признаков препятствует развитию общества в целом.

Согласно Конституции РФ и основным началам гражданского законодательства гражданские права должны осуществляться при соблюдении принципа добросовестности и недопустимости извлечения преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения.

Одним из проявлений использования одним лицом другого для достижения противоправной или недобросовестной цели следует признать практику использования номинальных лиц. Предлагаем использовать условный обобщающий термин для таких действий — «номинальность».

Номинальность не имеет отраслевой привязки, характеризуется как совокупность действий номинального лица и конечного выгодоприобретателя, совершаемых под контролем и в интересах последнего, направленных на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели.

Номинальность находит проявление в различных сферах жизнедеятельности. Номинальные лица могут использоваться, например, с целью налоговой оптимизации, обхода антикоррупционного и гражданского законодательства, совершения ряда экономических преступлений (мошенничество, легализация и т.д.).

Номинальность в банкротстве имеет специфику, определенную историческими предпосылками и предметом права несостоятельности.

Номинальность для целей несостоятельности (банкротства) представляет собой формальное обладание определенным лицом правами (правомочиями) и обязанностями лишь для видимости, которое сопровождается совокупностью действий номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, совершаемых под контролем и в интересах последнего, направленных на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели путем извлечения преимуществ из своего незаконного и (или) недобросовестного поведения в ущерб интересам кредиторов при банкротстве.

Номинальность в банкротстве является одним из проявлений злоупотребления правом; она характеризуется скоординированными недобросовестными действиями номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, направленными на обеспечение контроля за процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя (выступающего в роли должника) или принадлежащего ему юридического лица и минимизацию для него негативных последствий несостоятельности в ущерб интересам кредиторов. Взаимоотношения конечного выгодоприобретателя и номинального участника процедуры банкротства могут быть облечены в сделку, скрытую от независимых участников гражданского оборота.

Генезис правовой квалификации действий должника (контролирующего лица) по формальному дистанцированию от принадлежащего ему актива позволил выделить следующие виды номинальных участников процедуры банкротства:

- номинальные кредиторы, целью которых является конкуренция за активы должника с независимыми кредиторами последнего. Создание и последующее участие номинального кредитора в деле о банкротстве должника в существенной степени осложняет проведение мероприятий в ходе процедуры банкротства и затягивает дату произведения расчетов с кредиторами;

- номинальные собственники, целью которых выступает принятие в собственность имущества должника на случай несостоятельности (банкротства);

- номинальные контролирующие лица, целью которых является минимизация рисков привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по обязательствам должника;

- номинальные участники торгов при банкротстве.

ГЛАВА 2. НОМИНАЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ

2.1. Общие положения о действиях должника, направленных на сокрытие актива с помощью номинальных собственников

Следующими номинальными участниками процедуры банкротства выступают лица, принимающие на свое имя активы должника. Данный вид злоупотребления можно назвать наиболее распространенным в судебной практике, в особенности при рассмотрении дел о банкротстве физических лиц. Так, подавляющее большинство опрошенных нами практикующих специалистов встречались при разрешении споров с явлением номинальных собственников.

При раскрытии данной темы сначала дадим общее представление о действиях должника, направленных на увод активов на имя номинальных собственников, после чего рассмотрим вопрос о надлежащем способе защиты.

Как представляется, поведенческая модель добросовестного участника оборота основана на императивном предписании ст. 24 ГК РФ, согласно которой гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание.

В упомянутой норме законодателем неслучайно указано на «все принадлежащее гражданину имущество». Как справедливо отмечается в комментариях, «взыскание в соответствующих случаях может быть обращено на любые вещи и любые имущественные права, принадлежащие данному гражданину»¹²⁷. В этом случае речь идет о том, что кредиторы вправе претендовать на все объекты гражданских прав, составляющие имущественную массу.

---

¹²⁷ Правовой статус гражданина в частном праве : постатейный комментарий главы 3 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2009.

Конкурсный процесс представляет собой наглядную иллюстрацию того, как, с одной стороны, кредиторы в рамках одного дела предъявляют свои требования, определяя единый размер непогашенных обязательств должника, с другой — вместо должника перед кредиторами предстает его имущественная (конкурсная) масса в самом широком ее понимании. Именно ради распределения данной массы (она одна), которую законодатель толкует как «все имущество должника, имеющееся на момент открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства» (ст. 103 Закона о банкротстве), кредиторы инициируют процедуру несостоятельности и предъявляют свои требования в рамках нее. По результатам процедуры банкротства кредиторы получают частичное (реже — полное) удовлетворение своих требований, а гражданин освобождается от дальнейшего исполнения обязательств (ст. 213.28 Закона о банкротстве), что в целом соответствует предназначению института потребительского банкротства¹²⁸.

В противоположность описанному выше поведению ряд должников в преддверии своей несостоятельности совершает действия, направленные на увод своих активов. Подобные действия можно условно разделить на физическое и юридическое сокрытие активов. Физическое сокрытие активов должника может проявляться в продаже объекта недвижимости и сокрытии денежных средств от обращения взыскания со стороны кредиторов. Юридическое сокрытие, являющееся более сложным в исполнении, может выражаться в действиях, совершаемых с целью формальной регистрации имущества на номинальных собственников с сохранением за должником фактической возможности пользования вещью (получения дохода от ее эксплуатации и пр.). Ниже будет описано поведение должника, направленное на юридическое сокрытие активов.

---

¹²⁸ Карелина С. А. Институт несостоятельности (банкротства) граждан как средство защиты прав в условиях рыночной экономики // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. №. 6. С. 86.

Осознавая риски обращения взыскания на свое имущество, должник системно подходит к вопросу их минимизации путем совершения следующих действий.

В первую очередь определяется лицо, на имя которого будут оформлены активы должника. Еще в дореволюционной литературе отмечалось, что таковым в большинстве случаев выступает родственник должника или иное лицо, пользующееся его доверием.

В современной судебной практике также четко прослеживается указанная позиция о предпочтительных кандидатах на роль номинального собственника. В частности, на уровне ВС РФ сформулирована позиция, в соответствии с которой «чем выше степень доверия между должником и третьим лицом, тем больше вероятность осуществления последним функций мнимого собственника. Также на выбор мнимого собственника в существенной степени влияет имущественная зависимость третьего лица от должника»¹²⁹.

Практика арбитражных окружных судов иллюстрирует обоснованность данного тезиса. Так, АС Уральского округа поддержал вывод судов нижестоящих инстанций о признании недействительным договора купли-продажи подземного паркинга, поскольку «на момент заключения оспариваемого договора Л., являясь несовершеннолетним ребенком девяти лет, по общему правилу не имела собственных источников дохода и возможности в связи с этим самостоятельно приобретать какое-либо имущество, более того, у ребенка указанного возраста отсутствует как таковая необходимость в приобретении подземного паркинга»¹³⁰. АС Волго-Вятского округа направил на новое рассмотрение обособленный спор о признании сделки должника недействительной ввиду того, что судами нижестоящих

---

¹²⁹ Определение ВС РФ от 15.11.2021 № 307-ЭС19-23103(2) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁰ Постановление АС Уральского округа от 12.01.2024 по делу № А60-55725/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

инстанций не была дана оценка доводу финансового управляющего о том, что 86-летняя мать должника, являющаяся получателем страховой пенсии, не имела финансовой возможности приобрести 99 земельных участков¹³¹.

Таким образом, в большинстве случаев фигура номинального собственника характеризуется двумя признаками:

- 1) лицо состоит в доверительных отношениях с должником;
- 2) лицо может находиться в имущественной зависимости от должника.

Признак имущественной зависимости не только может проявляться в прямой форме, но и может быть создан искусственно (например, путем подписания между должником и номинальным собственником договора займа, обеспечивающего возможность взыскания долга со стороны должника).

Далее между должником и лицом, выбранным на роль номинального собственника, достигается соглашение о порядке приобретения и пользования активом.

Выделение данного типа сделки (предшествующей непосредственному отчуждению/приобретению актива) обусловлено следующим: по смыслу п. 50 Постановления № 25 при решении вопроса о правовой квалификации действий участников гражданского оборота следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор или согласие физического лица на совершение сделки).

В рассматриваемых случаях кредиторы могут обоснованно выдвигать предположение о том, что перед отчуждением актива должника (приобретением за счет его средств) между ним и номинальным собственником достигается согласие на совершение в последующем сделок.

Существо предполагаемой сделки может быть сведено к тому, что должник одаряет номинального собственника объектом гражданских прав при условии, что последний будет реализовывать свои права собственника

---

¹³¹ Постановление АС Волго-Вятского округа от 28.02.2023 № Ф01-8172/2022 по делу № А43-33026/2018.

(арендатора) по согласованию с должником. Например, номинальный собственник будет формально числиться в реестре недвижимости, в то время как должник — фактически проживать в квартире или получать денежные средства от ее сдачи в аренду.

Предельно понятно, что кредиторы могут лишь догадываться о содержании такой сделки и должник всегда может сослаться на отсутствие в материалах дела письменного документа, устанавливающего взаимные обязательства с номинальным собственником. Вместе с тем, поскольку кредиторы в данном случае являются менее информированной стороной в процессе и ограничены в сборе прямых доказательств, бремя доказывания обратного целесообразно возложить на должника и заинтересованных лиц. Как показывает судебная практика, в большинстве случаев суды придерживаются указанного подхода, обязывая ответчика пояснить причины нестандартного поведения, при котором связанное с должником лицо имеет актив, но по какой-то причине позволяет должнику пользоваться им и извлекать выгоду¹³².

Таким образом, существование подобной сделки следует презюмировать при наличии «подозрительного» субъекта и косвенных доказательств его связанности с должником. Данный подход находит поддержку в судебной практике. Так, в одном из дел АС Московского округа указал, что фактически регистрация права собственности за Г. стала возможной ввиду наличия устной сделки между Г. и должником и заключения в последующем притворной сделки между продавцом и Г.¹³³.

В целом, выделение указанной сделки необходимо для облегчения бремени доказывания отношений номинальной собственности.

---

¹³² Постановления АС Уральского округа от 09.09.2024 по делу № А76-3047/2021, АС Волго-Вятского округа от 21.09.2022 по делу № А38-7537/2019, АС Западно-Сибирского округа от 13.02.2023 по делу № А75-154/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³³ Постановление АС Московского округа от 27.11.2023 по делу № А40-193193/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Условным исключением из данного правила следует признать ситуации, когда в роли номинального собственника выступает несовершеннолетний ребенок должника. В таком случае отсутствует взаимное согласие сторон, поскольку волеизъявление несовершеннолетнего подменяется намерением должника скрыть актив от обращения взыскания со стороны кредиторов.

Соответственно, после достижения согласия совершается сделка по отчуждению (приобретению) актива в пользу номинального собственника.

В результате реализации такой стратегии на дату открытия процедуры банкротства должник фактически располагает двумя имущественными массами: первая известна кредиторам, но изначально недостаточна для погашения их требований; вторая скрыта от них и представляет собой своего рода подушку безопасности должника (не исключено, что номинальных собственников может быть несколько).

Своими действиями должник в некотором смысле создает для себя неизвестный отечественному правопорядку траст (антикредиторский траст¹³⁴), используя доверенное (нередко подвластное себе) лицо. Можно также сказать, что должник реализует концепцию бенефициарного владения путем использования номинальных лиц¹³⁵.

Отдельно обратим внимание на то, что отечественный правопорядок не содержит правовой конструкции, при которой дружественное должнику лицо

---

¹³⁴ Особенность самосозданных противорасточительных трастов (self-settled spendthrift trusts), существование которых допускается в некоторых штатах США, состоит в том, что они защищают имущество должника от претензий кредиторов (см.: *Dilendorf M.* Внутренние трасты для защиты активов в США // URL: <https://www.dilendorf.com/ru/resources/vnyutrenniye-trasty-v-ssha.html> (дата обращения: 02.02.2024)). Вместе с тем, если доверительным управляющим будет доказана совокупность условий, указанных в п. «е» § 548 Bankruptcy Code, иммунитет, предоставленный трастом, теряет свою силу и имущество передается в конкурсную массу.

¹³⁵ В данной части можно сослаться на позицию Н. Е. Кантор, которая справедливо противопоставляет прозрачность владения активами и бенефициарное владение как ее антипод (см.: *Кантор Н. Е.* Прозрачность владения активами и ее значение для реального сектора экономики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 175).

принимает на свое имя активы с целью защиты от притязаний кредиторов должника.

Что более важно, конструкция права собственности, закрепленная в ст. 209 ГК РФ, предполагает, что собственник может быть только один. Наличие у одной вещи двух собственников (одного формального и второго фактического) не допускается. Как отмечает С. А. Карелина, отечественный правопорядок не подразумевает возможности расщепления собственности, известной зарубежным правопорядкам¹³⁶.

В данной части согласимся с К. И. Скловским, который пишет, что пункт 1 ст. 209 ГК РФ «следует читать, несомненно: только собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом»¹³⁷. В иных комментариях также акцентируется внимание на том, что возможность осуществлять принадлежащие собственнику права по своему усмотрению означает, что он не связан волей других лиц при осуществлении своих прав¹³⁸. Ограничение полномочий собственника возможно только в случае необходимости соблюдения запретов публичного характера, при наличии особенностей правового режима имущества или особенностей правового статуса самого гражданина¹³⁹.

Е. А. Суханов отмечает, что право собственности как субъективное гражданское право представляет собой «наиболее широкое по содержанию вещное право, которое дает возможность своему субъекту — собственнику (и только ему) определять характер и направления использования принадлежащей ему индивидуально-определенной вещи, осуществляя над ней

---

¹³⁶ Карелина С. А. Группа компаний в банкротном праве : монография М. : Статут, 2025. С. 230.

¹³⁷ Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2023. С. 215.

¹³⁸ Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2019.

¹³⁹ Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. Вещные права граждан // Физические лица как субъекты российского гражданского права : монография / отв. ред. Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. М. : Статут, 2022. С. 130.

полное хозяйственное господство и устраняя или допуская других лиц к ее использованию»¹⁴⁰. По мнению указанного автора, «главное, что характеризует правомочия собственника в российском гражданском праве, — это возможность осуществлять их по своему усмотрению»¹⁴¹.

Немаловажно, что в силу абсолютного характера права собственности для третьих лиц фигура собственника должна быть неприкосновенной, а право собственности на вещь — не подлежащим опровержению.

Применительно к отношениям несостоятельности это означает (как минимум если речь ведется о ликвидных активах, таких как транспортные средства или недвижимость), что если лицо значится в реестре в качестве собственника и имеет не подлежащие сомнению правоустанавливающие документы, то иные участники гражданского оборота (которые полагаются на присущие государственным реестрам принципы легалитета и достоверности¹⁴²) могут обоснованно исходить из предположения о том, что именно данное лицо обладает наиболее полным господством над объектом гражданских прав и потому именуется собственником.

В контексте отмеченного можно встретить возражения о постепенном развитии в отечественном правопорядке так называемой фидуциарной собственности или вовсе о постепенном отхождении от традиционного понимания права собственности, у которого может быть только один обладатель. Например, А. О. Рыбалов полагает, что отечественный правопорядок постепенно отходит от устоявшегося толкования права собственности. По мнению указанного автора, традиционная трактовка права собственности, закрепленная в ст. 209 ГК РФ, становится неприменимой для некоторых правовых конструкций. В обоснование данной позиции им

---

¹⁴⁰ Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2024. С. 172.

¹⁴¹ Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. С. 176.

¹⁴² См.: Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 543–550.; Бевзенко Р. С. Введение в российское право недвижимости. Вып. 3 : Государственная регистрация [Электронное издание] / Р. С. Бевзенко. М., 2021. С. 43–102.

приводятся нормы Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах», правовой статус товарищества собственников жилья, личных фондов и приобретение лизингодателем права собственности на предмет лизинга. В указанных ситуациях, по мнению А. О. Рыбалова, отсутствует элемент реализации субъектом права собственности «по своему усмотрению и в своем интересе»¹⁴³.

С. А. Сеницын подчеркивает, что «российское законодательство не регламентирует трастовых конструкций и моделей доверительной собственности, рассматривая их как придаток общего права», однако с учетом прослеживаемой «европеизации» траста и доверительной собственности (на примере Лихтенштейна, Швейцарии и Франции) и наличия в Российской Федерации сходных правовых конструкций (например, наследственных и личных фондов), вопросы проработки и развития трастоподобных институтов не теряют своей актуальности¹⁴⁴.

Н. Е. Кантор отмечает, что для создания правового режима бенефициарного владения может быть использована конструкция личного фонда, выступающим «юридическим alter ego» учредителя¹⁴⁵. О. А. Рузаковой также отмечается, что личные фонды могут быть использованы в целях диверсификации активов и их ограждения от долгов учредителя¹⁴⁶.

Вместе с тем полагаем, что при отсутствии специальных положений о возможности существования нескольких собственников в тексте закона говорить о признании отечественным правопорядком расщепленной собственности преждевременно. В данной части согласимся с позицией

---

¹⁴³ Рыбалов А. О. О будущем права собственности // Закон. 2023. № 7.

¹⁴⁴ Сеницын С. А. Законодательство о вещном праве // Научные концепции развития российского законодательства : монография. 8-е изд., доп. и перераб. / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 2024. С. 202.

¹⁴⁵ Кантор Н. Е. Прижизненный личный фонд как юридическое alter ego своего учредителя // Lex russica. 2025. № 7. С. 92.

¹⁴⁶ Рузакова О. А., Демкина А. В. Перспективы развития законодательства о личных фондах // Lex russica. 2024. № 7. С. 10.

Д. В. Дождева, который, сравнивая унитарную трактовку права собственности с конструкциями расщепленной собственности в иностранных юрисдикциях, отмечает, что «единство собственности выступает и основанием принципа, по которому должник отвечает по обязательствам всем своим имуществом»¹⁴⁷; по смыслу положений ст. 209 ГК РФ «лицо либо признается собственником, либо им не является»¹⁴⁸.

Помимо отмеченного, следует учесть, что даже в правовых порядках, допускающих так называемое расщепление права собственности, соответствующие конструкции могут быть признаны недействительными, если при их создании должник нарушает права кредиторов. Так, траст, созданный по праву справедливости, может быть признан притворным (*sham trust*), если при его учреждении должник руководствовался целью скрыть имущество от кредиторов¹⁴⁹. R. Hunter отмечает, что фиктивные трасты, получившие распространение в 1980-х гг., активно используются как для легализации доходов от преступной деятельности, так и для сокрытия имущества от кредиторов¹⁵⁰.

По замечанию Е.А. Суханова, австрийскому праву известен закрытый *Treuhand*, в котором учредитель доверительного управления имуществом остается неизвестным другим участникам гражданского оборота. Швейцарским правовым порядком выделяется *Strohmanngeschaft* (сделка с

---

¹⁴⁷ Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. М. : Статут, 2021. Т. 1. С. 236.

¹⁴⁸ Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности. С. 260.

¹⁴⁹ Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 42 ; Conaglen M. Sham Trusts // Cambridge Law Journal. 2008. Vol. 67. Iss. 1. P. 176–207.

¹⁵⁰ Hunter R. The Fraudulent Use of Trusts // Trusts & Trustees. 2013. Vol. 19. Iss. 3–4. P. 312–318.

«соломенным человеком»). Оба при нарушении прав кредиторов могут быть признаны недействительными¹⁵¹.

Во Франции можно выделить фидуцию с целью передачи активов в управление (*fiducia cum amico*), которая обладает иммунитетом от обращения взыскания со стороны кредиторов при условии, если их права не были нарушены¹⁵².

Таким образом, применительно к вопросам принадлежности права собственности на спорный актив следует придерживаться максимы о том, что существование нескольких собственников, один из которых раскрыт третьим лицам, а другой — нет, на данный момент невозможно.

В качестве некоторого отступления от приведенной максимы можно было бы рассмотреть титульное обеспечение, которое представляет собой непоименованный способ обеспечения исполнения обязательств, при котором кредитор наделяется правом собственности на предмет обеспечения и сохраняет его за собой до полного исполнения должником принятых на себя обязательств.

Впрочем, и тут следует принимать во внимание специфику данного института. Как отмечает Р. С. Бевзенко, эффект титульного обеспечения может достигаться за счет обеспечительной передачи титула, удержания права собственности кредитором, обеспечительной уступки и лизинга¹⁵³. Рассматривая указанные конструкции, следует признать, что наиболее близкой к номинальной собственности является обеспечительная передача титула, поскольку в ней в большей степени прослеживается доверительный характер отношений, в некоторой степени нестандартный, что может породить сомнения у кредиторов.

---

¹⁵¹ Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 44-56.

¹⁵² Дорошенко Л. А. Обеспечительная фидуция в ГК Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 104–117.

¹⁵³ Бевзенко Р. С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 9–87.

Относительно данной черты совершенно верно подмечает Ю. Н. Алферова: «Хотя для предоставления кредитору гарантии исполнения обеспечиваемого обязательства было бы достаточно залога вещи, должник передает эту вещь в собственность кредитора»¹⁵⁴. Действительно, если переносить указанные отношения в плоскость банкротства, можно сделать вывод о том, что должник, передавая право собственности своему кредитору, нарушил права иных кредиторов. Однако такой вывод будет преждевременным (по крайней мере в части приравнивания к номинальной собственности). Как было указано выше, цель обеспечительной передачи титула — улучшить положение кредитора, а не спрятать актив в имущественной массе иного лица. Кредитор, хотя и приобретает титул на вещь, делает это исключительно для надлежащего исполнения должником принятых на себя обязательств. Вместе с тем, поскольку судебная практика по вопросу обеспечительной передачи титула противоречива, вписывать отношения номинальной собственности в данную конструкцию было бы преждевременно.

С некоторыми оговорками в негативной коннотации следует рассматривать случаи, когда должник использует третьих лиц для сокрытия активов, не связанных с правом собственности. Так, вполне реальна ситуация возникновения фигуры номинального арендатора, который заключает с договор аренды земельного участка, на котором впоследствии будет возведено здание за счет средств должника или будут вестись сельскохозяйственные работы, прибыль от которых будет получать должник. В равной степени не исключена ситуация выдачи займа за счет денежных средств должника номинальным собственником, при которой последний будет лишь стороной в договоре. С учетом активного движения гражданского оборота в сторону цифровизации возможно наделение номинального собственника аккаунтом в

---

¹⁵⁴ Алферова Ю. Н. Правовая природа обеспечительной собственности // Сборник научных статей к 65-летию Александра Петровича Сергеева / отв. ред. Ю. В. Байгушева. М. : Статут, 2018. С. 91.

социальной сети, криптовалютой и т.п.¹⁵⁵. Указанные примеры только подчеркивают условность используемой терминологии

Негативным следствием указанных действий выступают следующие обстоятельства.

Во-первых, ущемляются права и законные интересы коллективного сообщества кредиторов должника (как тех, которые имелись на момент приобретения актива, так и тех, которые вступят в отношения с должником в будущем¹⁵⁶). В рамках процедуры несостоятельности они вынуждены предпринимать дополнительные действия по поиску активов, которые формально числятся на третьих лицах. Проведение целого комплекса мероприятий: выявления номинального собственника, определения состава его имущественной массы и различения в ней активов номинального собственника, сбора косвенных доказательств номинальной собственности, возбуждения обособленного спора и исполнения судебного акта — сопряжено с существенными временными и финансовыми издержками. Вместо стандартного процесса, при котором роль кредиторов должна ограничиться включением их требований в реестр и контролем над реализацией всего выявленного имущества должника, имеют место неоднократно продлеваемые на новый срок процедуры, сопряженные с рассмотрением споров об оспаривании сделок.

Во-вторых, ставятся под удар законные интересы кредиторов номинального собственника. Так, последние, полагаясь на присущие государственным реестрам принципы легалитета и достоверности, исходили

---

¹⁵⁵ Подробнее о вопросе конкурсопригодности «цифровых активов» см.: *Османова Д. О. Цифровые активы в конкурсной массе должника // Право и цифровая экономика. 2023. № 2. С. 32–37.*

¹⁵⁶ В данной части автор имеет в виду ситуации опосредованного причинения вреда кредиторам, которые станут таковыми в будущем. Например, бенефициар кредитной организации заранее оформляет имущество на имя своих родственников и одновременно с этим совершает фраздаторные сделки от имени кредитной организации (путем увода активов в зарубежные юрисдикции). Здесь вкладчики банка лишаются шансов на удовлетворение своих требований, поскольку имущество, на которое могло бы быть обращено взыскание, оформлено на лиц, не связанных с банком.

из предположения, что их должник (номинальный собственник) обладает наиболее полным господством над своей имущественной массой, которая впоследствии может быть реализована в их интересах. Однако вследствие конкурсного оспаривания в рамках дела о банкротстве действительного собственника кредиторы номинального собственника утрачивают возможность удовлетворения своих требований в том объеме, на который они рассчитывали, полагаясь на данные реестра.

Наконец, в-третьих, подобные действия приводят к нарушению принципа равенства участников гражданских правоотношений, при котором одни лица, действующие в рамках закона, отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом, а другие по завершении процедуры остаются с ликвидными активами на руках.

Вышеотмеченные отношения между должником и дружественным по отношению к нему лицом предлагаем условно именовать отношениями номинальной собственности.

Квалифицирующими признаками отношений номинальной собственности являются следующие:

- номинальный собственник выступает в качестве формального (реестрового) собственника актива, в то время как в действительности права собственника осуществляются должником (им же фактически исполняются обязанности, например по оплате налогов, коммунальных услуг и т.п.);

- между номинальным собственником и должником существуют неформальные доверительные отношения, обусловленные родством (свойством) или иными факторами;

- номинальный собственник в большинстве случаев находится в имущественной зависимости от должника, что облегчает воздействие должника на осуществляемые номинальным собственником права и обязанности.

В свою очередь, под номинальным собственником для целей последующего изложения мы будем понимать лицо, которое на основании

нераскрытой третьим лицам доверительной сделки с должником принимает на себя обязательство по приобретению за счет последнего объекта гражданских прав на свое имя, не имея при этом намерения реализовывать права и обязанности, вытекающие из принадлежности актива, в своей воле и своем интересе.

2.2. Способы выявления номинальных собственников и защита интересов кредиторов

С учетом описанного выше представления о номинальных собственниках необходимо рассмотреть средства защиты кредиторов от скоординированных действий должника и номинального собственника.

Гражданским законодательством прямо не урегулирован вопрос надлежащего способа защиты прав кредиторов от номинальных собственников у должника. При обсуждении обозначенной проблематики следует исходить, во-первых, из открытости перечня способов защиты гражданских прав, предполагающей возможность выхода за очерченный в ст. 12 ГК РФ список, во-вторых, из вариативности известных способов защиты для кредиторов, что предусматривает невозможность отказа в защите права по причине выбора способа, отличного от предписанного позитивным правом. Как верно подчеркивается Л. А. Чеговадзе и Т. В. Дерюгиной «выбор способа защиты должен соответствовать характеру нарушенного права или права, оказавшегося под угрозой его нарушения, поскольку действия, направленные на восстановление права, зависимы от вида нарушенного субъективного права и способа его нарушения»¹⁵⁷.

При обращении к литературе обнаруживается несколько позиций по предмету исследования. Например, Е. Д. Суворов пишет, что «признание собственника “мнимым”, “номинальным”, “подставным” является не более чем фигурой речи, собирательным образом для всех подобных ситуаций и не

---

¹⁵⁷ См.: Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. О целях и способах защиты гражданских прав // Цивилист. 2022. № 2. С. 37-42.

означает некий новый способ защиты права». По его мнению, возможными способами защиты могут быть признаны оспаривание сделок, применение положений п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве, субсидиарная ответственность мнимого собственника или даже использование института банкротства группы лиц¹⁵⁸.

В свою очередь, Н. Е. Кантор также пишет о конкурсном (внеконкурсном) оспаривании, деликтной ответственности, солидарной ответственности, материальной консолидации имущественных масс, прокалывании корпоративной вуали и применении положений п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве¹⁵⁹.

С. С. Галкин в контексте оспаривания номинальной собственности рассматривает иск об оспаривании сделки как наиболее адекватный способ защиты, с оговоркой о том, что правовое основание недействительности определяется в зависимости от фактических обстоятельств приобретения собственности на актив¹⁶⁰.

И. М. Шевченко полагает, что при столкновении с мнимым собственником кредиторы могут либо заявить иск о признании сделки притворной по субъектному составу, либо использовать банкротную «квазивиндикацию» по правилам абз. 4 п. 9 Постановления № 48¹⁶¹.

---

¹⁵⁸ Суворов Е. Д. Признание собственника мнимым как ненадлежащий способ защиты в случаях «держания» активов должника // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2023/06/30/priznanie_sobstvennika_mnimym_kak_nenadlezhaschij_sposob_zaschity_v_sluchayah_derzhaniya_aktivov_dol (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁵⁹ Кантор Н. Е. Мнимый собственник: вопросы правовой квалификации // Закон. 2024. № 2. С. 37–52.

¹⁶⁰ Галкин С. С. Оспаривание оснований номинальной собственности как правовое средство восстановления баланса интересов в банкротстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 37–38.

¹⁶¹ Шевченко И. М. Банкротное право и уголовный процесс: встреча состоялась (комментарий к определению ВС РФ от 20.04.2022 № 308-ЭС21-26679) // Цивилистика. 2023. № 1. С. 147.

Е. В. Блохина предлагает рассматривать иск о признании сделки недействительной, истребование актива из мнимого владения, институт трейсинга или субсидиарную ответственность¹⁶².

Наконец, заслуживающей внимания выступает позиция Р. Р. Репина и А. Н. Дятко, которые, рассматривая данную проблему через призму института доверительного правообладания не для цели обеспечения, полагают, что «обязательственные требования фидуцианта к фидуциару выступают теми активами, на которые могут рассчитывать его кредиторы»¹⁶³.

Предложим следующую структуру мероприятий, целью которых является защита прав кредиторов против номинальной собственности.

Первая группа мер представляет собой действия, направленные на получение информации о номинальных собственниках и обеспечение статус-кво в отношении спорного имущества, что достигается путем:

— истребования сведений о дружественных должнику лицах, которые могут выступать номинальными собственниками, и сведений об их имуществе;

— принятия обеспечительных мер в отношении имущества, которое может быть обращено в конкурсную массу.

Вторая группа мер представлена действиями, направленными на непосредственное рассмотрение вопроса о принадлежности имущества должнику. В большинстве случаев второй этап реализуется посредством предъявления финансовым управляющим или кредитором заявления об оспаривании сделки. Однако ниже нами будут рассмотрены и альтернативные способы пополнения конкурсной массы (признание номинального собственника косвенным представителем должника; истребование спорного актива из незаконного владения номинального собственника; субсидиарная

¹⁶² Блохина Е. В. Банкротные способы защиты прав кредиторов в случае оформления активов должника на подставных лиц // Цивилист. 2023. № 1. С. 54-60.

¹⁶³ Репин Р. Р., Дятко А. Н. О доверительном правообладании не для цели обеспечения (fiducia cum amico). Размышления в связи с Определением судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 марта 2024 года N 305-ЭС20-20127(20) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 10. С. 31.

ответственность номинального собственника по обязательствам должника; применение уголовно-правовых средств защиты прав кредиторов).

Истребование сведений о круге лиц, выступающих в роли номинальных собственников, и их имуществе.

Подозрение финансового управляющего или кредитора о том, что третье лицо является номинальным собственником активов должника, должно иметь под собой ясное и документальное обоснование, поскольку самим фактом такого «обвинения» лицо признается соучастником недобросовестных действий должника, направленных во вред кредиторам. По этой причине выбору эффективного способа защиты должны предшествовать мероприятия по сбору и анализу соответствующей информации.

В первую очередь целесообразно определить круг лиц, которые могут выступить в роли номинальных собственников. Для этого финансовому управляющему после введения в отношении должника процедуры банкротства в числе прочего необходимо истребовать сведения из органов записи актов гражданского состояния о родственниках должника.

Помимо истребования сведений из органов ЗАГС целесообразно проанализировать дела с участием должника, в которых ставился вопрос о принадлежности имущества. Довольно часто сведения о регистрации активов на имя дружественных должнику лиц обнаруживаются в материалах ранее рассмотренных дел. Например, в рамках одного из дел кредитор ссылался на то, что судебным актом установлено, что должник использовал своих родственников в качестве номинальных держателей активов, а в протоколе допроса указывал следующее: «Первоначально бенефициаром компании являлась моя мама, затем сестра, однако фактически компанией руководил я»¹⁶⁴. В другом деле дана ссылка на приговор, которым установлено, что должник после отчуждения недвижимости «фактически продолжал распоряжаться недвижимым имуществом, перемена титула

---

¹⁶⁴ Постановление АС Московского округа от 04.08.2023 по делу № А40-51881/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

собственника на спорные жилой дом и земельный участок носила формальный характер»¹⁶⁵.

При определении круга лиц, которые могут выступать номинальными собственниками, следует учитывать не только формальную заинтересованность, выраженную в родстве (свойствé), но и фактическую¹⁶⁶. Например, в рамках одного из дел судами принято во внимание наличие между должником и ответчиком дружеских отношений, подтверждаемых личными страницами в социальных сетях, регистрацией должника по месту жительства ответчика, допуском должника к управлению транспортным средством и фактом привлечения должника к ответственности за нарушение правил дорожного движения¹⁶⁷.

После определения круга лиц, дружественных по отношению к должнику, разумно запросить сведения об их имуществе и доходах с целью рассмотрения возможности приобретения актива на собственные денежные средства.

К сожалению, уже на данном этапе сбора и обработки информации перед финансовым управляющим и кредитором встает ряд проблем.

Первой проблемой являются систематические отказы адресатов запросов в предоставлении запрашиваемой информации. Примечательно, что дело С. А. Рассветова, рассмотренное ВС РФ, на которое мы неоднократно ссылались выше и которым была введена категория мнимого собственника, было вынесено по вопросу истребования документации. В частности, суд высшей инстанции указал, что требования арбитражных управляющих о

---

¹⁶⁵ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 15.02.2024 по делу № А67-2884/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁶ Как справедливо подчеркивает Ф. А. Воронов в своем диссертационном исследовании, российская модель регулирования аффилированности при банкротстве относится к числу неформализованных (*Воронов Ф. А. Аффилированность и ее правовые последствия при несостоятельности (банкротстве)* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 25).

¹⁶⁷ Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 27.03.2024 по делу № А19-21042/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

предоставлении сведений об имуществе, принадлежащем детям должника, подлежат удовлетворению при наличии даже минимальных сомнений в фиктивном оформлении на них имущества несостоятельного родителя. В последующем данная позиция была подкреплена поправками к ст. 20.3 Закона о банкротстве в части возможности истребования информации о заинтересованных по отношению к должнику лицах без предварительного обращения в арбитражный суд¹⁶⁸.

Несмотря на указание суда высшей инстанции и изменения в Законе о банкротстве, финансовые управляющие продолжают сталкиваться с отказами органов государственной власти в предоставлении соответствующих сведений. Так, при ответе на вопрос о том, как часто в рамках дел о банкротстве арбитражными судами истребуются сведения о должнике и заинтересованных по отношению к нему лицах, около 70 % респондентов ответили «довольно часто», в то время как только 13 % не наблюдают указанной негативной тенденции отказа в досудебном предоставлении сведений.

Полагаем, что даже после упомянутых изменений финансовые управляющие и кредиторы будут вынуждены обращаться в суд с ходатайствами об истребовании информации о лицах, которые являются фактически заинтересованными по отношению к должнику.

Кроме того, на данном этапе встает проблема соблюдения конфиденциальности сведений о дружественных по отношению к должнику лицах. На данный момент арбитражные суды исходят из того, что праву управляющего на получение информации корреспондирует его обязанность в случае, если иное не установлено Законом о банкротстве, сохранять конфиденциальность сведений, составляющих охраняемую законом тайну и ставших ему известными в связи с исполнением обязанностей арбитражного

---

¹⁶⁸ Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ.

управляющего. По этой причине доводы лиц, в отношении которых истребуются сведения, о нарушении их частной жизни отвергаются судами¹⁶⁹.

Наконец, заслуживают внимания также вопросы о том, обязан ли арбитражный управляющий в каждом деле устанавливать фигуру номинального собственника и является ли непроведение мероприятий по ее поиску основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о завершении процедуры банкротства.

Практика кассационных судов в настоящий момент идет по пути, при котором на арбитражного управляющего возлагается обязанность по установлению номинального собственника, если кредиторами, ограниченными в сборе доказательств, представлены обоснованные сомнения в имущественном положении должника.

Показательно следующее дело: определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в отношении гражданина завершена процедура реализации имущества должника. При вынесении судебного акта суд первой инстанции исходил из того, что осуществлены все мероприятия по формированию конкурсной массы, конкурсная масса сформирована, вместе с тем имущества, достаточного для погашения требований кредиторов, не выявлено. Отдельно судом первой инстанции отклонены доводы кредитора о необходимости направления запросов в государственные органы за 10 лет, предшествующих определению о привлечении должника к субсидиарной ответственности, в целях установления имущественного положения должника.

Арбитражный суд Московского округа, направляя дело на новое рассмотрение, указал на следующие ошибки судов нижестоящих инстанций.

Установление имущества должника, в том числе приобретенного в период брака, выявление сделок по отчуждению должником имущества в

---

¹⁶⁹ Постановления АС Уральского округа от 17.07.2024 по делу № А71-10502/2023, АС Московского округа от 11.09.2024 по делу № А40-12963/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

пользу членов своей семьи, предполагающее исследование их имущественного положения, входят в обязанности финансового управляющего. Данные мероприятия являются стандартными в процедурах банкротства. Действительно, Закон о банкротстве не требует получения сведений об имущественном положении должника за 10 лет; обязательным является получение сведений за трехлетний период, предшествующий возбуждению дела о банкротстве. Однако сведения в отношении имущественного положения должника должны быть исчерпывающими, а сведения, представленные в отчете финансового управляющего, — подтверждаться соответствующими письменными доказательствами. При этом в целях надлежащей проверки имущественного положения должника следует получать сведения и об отчуждении должником имущества в анализируемый период, и об основаниях перехода права собственности. Таким образом, по мнению суда кассационной инстанции, поскольку мероприятия, связанные с формированием и распределением конкурсной массы финансовым управляющим, не были завершены, у судов не имелось оснований для удовлетворения ходатайства финансового управляющего о завершении процедуры реализации имущества должника.

Суд кассационной инстанции указал, что при новом рассмотрении дела суду следует проверить наличие в материалах дела полных достоверных сведений в отношении имущества должника и членов его семьи, близких родственников, а также оказать содействие финансовому управляющему в получении сведений из государственных органов (несмотря на наличие судебных актов об отказе финансовому управляющему в получении сведений)¹⁷⁰.

---

¹⁷⁰ Постановление АС Московского округа от 29.05.2023 по делу № А40-147041/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Сходные позиции, указывающие на необходимость полного исследования имущества должника, оформленного на имя третьих лиц, были высказаны в аналогичных делах¹⁷¹.

Принятие обеспечительных мер в отношении имущества, зарегистрированного на номинального собственника.

Вторым предварительным этапом является принятие обеспечительных мер в отношении имущества, которое зарегистрировано на имя номинального собственника. С соответствующим заявлением вправе обратиться финансовый управляющий или кредитор, обосновав перед судом разумные подозрения в том, что при отсутствии мер спорный актив будет отчужден в пользу третьих лиц (добросовестных приобретателей).

С учетом пониженного стандарта доказывания, применяемого при рассмотрении заявлений о принятии обеспечительных мер, важно подчеркнуть необходимость соблюдения баланса интересов кредиторов и предполагаемых номинальных собственников при принятии судами обеспечительных мер на примере одного из дел, дошедших до ВС РФ.

Фабула дела сводится к следующему: ГК «АСВ» обратилась с заявлением о принятии обеспечительных мер в отношении 18 родственников бенефициара кредитных организаций, ссылаясь на приговор суда и отсутствие у ответчиков денежных средств для приобретения активов. По результатам рассмотрения были вынесены отказные судебные акты в первой и апелляционной инстанциях. Судом округа постановления судов нижестоящих инстанций были отменены, приняты обеспечительные меры в отношении 18 родственников должника. Определением ВС РФ от 18.07.2024 № 305-ЭС23-27424(1-13) судебный акт округа в части принятия мер в отношении родственников был отменен.

---

¹⁷¹ См.: постановления АС Московского округа от 16.01.2023 по делу № А40-254836/2021, АС Дальневосточного округа от 25.05.2023 по делу № А51-8648/2021, АС Северо-Кавказского округа от 27.08.2024 по делу № А18-1155/2023, АС Московского округа от 17.10.2024 по делу № А40-252041/22 // СПС «КонсультантПлюс».

В указанном деле были акцентированы две важные проблемы.

Первая проблема состоит в правомерности перечисления 18 родственников должника в одном заявлении. Вынося за скобки сложности в сборе доказательств номинальной собственности, хотелось бы рассмотреть обоснованность включения в одно заявление нескольких родственников должника. Действительно, в стремлении к процессуальной экономии оправданно объединение в одном заявлении нескольких субъектов, относительно которых не возникает сомнений в ведении совместного хозяйства с должником (например, супруга и несовершеннолетних детей должника). Однако указание в одном заявлении 18 родственников должника вызывает обоснованные сомнения.

Подобное процессуальное поведение не должно получать поддержку со стороны арбитражных судов. С одной стороны, с учетом сокращенного срока разрешения вопроса о принятии мер заявитель рискует снизить тщательность изучения доказательственной базы судом, что, безусловно, повышает риски отказа в удовлетворении заявления / отмены судебного акта вышестоящими инстанциями. С другой стороны, такое поведение является недобросовестным по отношению к родственникам должника, не каждый из которых (в отличие от той же супруги, осведомленность о деле о банкротстве супруга которой предполагается) может своевременно узнать о наличии претензий.

ВС РФ справедливо указал на недопустимость идеи коллективной ответственности по признаку родства (свойства) с должником, однако с учетом пониженного стандарта доказывания в спорах о принятии обеспечительных мер ответственность за проведение данной идеи в реальность лежит на заявителе.

В свете изложенного предлагаем рассмотреть возможность детализации на уровне разъяснений ВС РФ правила о том, что в случае направления заявления о принятии обеспечительных мер в отношении нескольких номинальных собственников каждое из таких требований необходимо выделять в отдельное производство с извещением лица, в отношении которого

принимаются обеспечительные меры, и проведением судебного заседания. Только так будет обеспечен баланс интересов кредиторов и номинальных собственников, а процесс рассмотрения заявлений станет более организованным.

Другая проблема состоит в правомерности направления заявления о принятии обеспечительных мер при отсутствии возбужденного спора об оспаривании сделок (неподаче соответствующего заявления в разумные сроки).

По смыслу положений процессуального законодательства меры принимаются либо одновременно с исковым заявлением (применительно к делу о банкротстве должника — с заявлением об оспаривании сделки), либо до предъявления иска. Принятие обеспечительных мер при отсутствии спора между сторонами и длительное их сохранение нарушают основные конституционные права гражданина. В рассматриваемом деле кредитор обратился с заявлением о принятии обеспечительных мер в отношении 18 родственников, лишь частично указывая на подозрительные сделки, подлежащие оспариванию¹⁷². При этом первый спор об оспаривании сделок был возбужден только в апреле 2024 г., в то время как обеспечительные меры были приняты в мае 2023 г. Фактически в течение одного года родственники должника претерпевали ограничения личных прав, в то время как кредитор, который на этих ограничениях настаивал, даже не направил заявление об оспаривании сделки¹⁷³.

С учетом отмеченного мы настаиваем на добросовестном использовании института обеспечительных мер, при котором 1) в заявлении о принятии мер в отношении номинального собственника должны быть указаны минимальные

---

¹⁷² Интересно, что в рамках споров о привлечении субсидиарного ответчика к ответственности обеспечительные меры в отношении собственников не заявлялись.

¹⁷³ Примечательно, что после вынесения ВС РФ судебного акта в отношении 5 родственников должника арбитражным судом первой инстанции были отменены ранее принятые обеспечительные меры с указанием на отсутствие споров по оспариванию сделок в отношении их имущества.

основания признания его таковым с обязательным документальным подтверждением, а кроме того, 2) за принятием обеспечительных мер должно следовать направление заявления об оспаривании сделки в разумные сроки.

На втором этапе мероприятий по противодействию номинальной собственности финансовый управляющий или кредитор должны поставить перед судом, рассматривающим дело о банкротстве, вопрос о праве на спорный актив. В большинстве случаев таким спором выступает спор об оспаривании сделки. Так, около 60 % опрошенных нами специалистов считают данный способ защиты прав кредиторов наиболее адекватным.

Заявление кредитора о признании сделки должника и номинального собственника недействительной.

Кредитор должника, не являясь стороной сделки, на основании которой формальным собственником актива стал номинальный собственник, вправе в судебном порядке требовать признания такой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности.

Как и многие другие институты частного права, впервые положения об оспаривании сделок кредитором нашли отражение в римском праве. Как отмечали И. Б. Новицкий и И. С. Перетерский, под *fraus creditorum* понималось «совершение должником сделок, направленных на уменьшение его имущества с целью укрыть это имущество от обращения на него взыскания кредиторами»¹⁷⁴. По замечанию Л. Тарашкевича, в период правления претора Рутилия при ликвидации должника применялся иск, направленный против сделок во вред кредиторам, который носил название *actio Pauliana* (далее — Паулианов иск). Положения о Паулиановом иске развивались под влиянием Ульпиана, Павла, Гая, Марцелла, Каллистрата и других юристов¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Зерцало-М, 2008. С. 556.

¹⁷⁵ Тарашкевич Л. Теория паулианской жалобы. Варшава, 1897. С. 9.

Г. Дербург подчеркивал субъективное основание Паулианова иска, так как в его началах лежит недобросовестность должника. Для удовлетворения данного иска необходимо наличие нескольких обстоятельств.

Во-первых, следовало доказать факт отчуждения имущества должником. Само отчуждение имущества трактовалось достаточно широко, поскольку, помимо отчуждения телесных прав и притязаний, правопорядок находил подозрительным принятие на себя обременений и обязательств, а равно отказ от прав и притязаний.

Во-вторых, необходимо доказать намерение должника причинить ущерб своим кредиторам. В этой части следует привести критику данного положения Г. Ф. Шершеневичем, который писал, что доказывание этого обстоятельства «представляет необыкновенные затруднения, лишаящие всякого значения само юридическое средство защиты»¹⁷⁶.

Третьим условием выступало наличие результата противоправного отчуждения имущества, выраженного в невозможности кредиторов получить полное удовлетворение своих требований.

Последним условием Паулианова иска являлось знание контрагента по сделке о недобросовестном намерении должника или сам факт того, что имущество было приобретено безвозмездно¹⁷⁷. Г. Ф. Шершеневич также писал, что даже в случае незнания контрагента о цели сделки он отвечал в меньшем размере — в размере наличного обогащения от сделки¹⁷⁸.

Положения о кредиторском оспаривании сделок должника имели место в дореволюционном российском частном праве и доктрине¹⁷⁹, в существенной степени разработаны в современном позитивном праве, судебной практике и

---

¹⁷⁶ Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М. : Статут, 2021. С. 274.

¹⁷⁷ Дербург Г. Пандекты. 3-е изд. М., 1911. Т. 2 : Обязательственное право. С. 373–374.

¹⁷⁸ Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. С. 274.

¹⁷⁹ См.: Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А.Г. Смирных. – М.: «Издание книг ком», 2019. 256 с.

доктрине¹⁸⁰. Сегодня оспаривание сделок рассматривается в качестве наиболее популярного и эффективного способа пополнения конкурсной массы должника.

Удобство заявления об оспаривании сделки должника в рамках дела о банкротстве последнего заключается в наличии единых правил оспаривания и разработанных судебной практикой стандартов и правил распределения бремени доказывания.

В данном случае ключевым проблемным вопросом является конкуренция оснований недействительности сделки. Действующее законодательство основывается на возможности оспаривания сделок должника как по общегражданским, так и по специальным основаниям. В частности, с одной стороны, пунктом 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве предусмотрены специальные основания недействительности сделки должника, направленной на причинение вреда имущественным правам кредиторов, с другой — статьей 61.1 Закона о банкротстве и разъяснениями Постановления № 53 допускается оспаривание сделок по общегражданским основаниям.

Подобное положение дел можно условно обозначить как дуализм оснований недействительности. Отношение к названному явлению в науке неоднозначное. Ряд авторов поддерживают возможность использования при оспаривании и общегражданских, и специальных банкротных норм. Так, по мнению Е. А. Семеновой, наличие специальных оснований только

---

¹⁸⁰ См.: Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 22-26.; Шишмарева Т. П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 410-480.; Аюрова А. А. Теоретические основания оспаривания сделок в процессе банкротства // Журнал российского права. 2016. № 11 (239). С. 54-63.; Рыков Д. А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 185 с.; Циндяйкина А. Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 29 с.; Телюкина М. В. Недействительность сделок должника, находящегося в процессе производства по делу о несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. Приложение к № 8. 2014. С. 1-64.

обуславливает необходимость проверки сделок на предмет их подозрительности¹⁸¹. А. Э. Циндяйкина отмечает, что выбор нормы должен происходить из того расчета, какая норма «в большей степени гарантирует удовлетворение имущественных интересов кредиторов»¹⁸². Другая группа авторов (Д. О. Османова¹⁸³, Е. Д. Суворов¹⁸⁴, В. Ю. Калугин¹⁸⁵) подчеркивает недопустимость всех установленных законом оснований оспаривания, поскольку, во-первых, это создает благоприятную почву для процессуальных злоупотреблений, а во-вторых, расходится с требованием самого специального закона.

Мы разделяем позицию о недопустимости смешения общегражданских и специальных оснований недействительности сделок, основываясь в числе прочего на невозможности квалификации одной сделки как оспоримой и ничтожной одновременно.

В данной части необходимо сделать оговорку о критериях разграничения ничтожности и оспоримости как таковых. Например, Д. О. Тузов, рассматривая приведенные критерии, приходит к выводу, что «вместо поиска возможного основания их разграничения в самой природе соответствующих отношений все гипотезы, выдвинутые и выдвигаемые после закрепления разграничения непосредственно в законе, стремятся найти указанное основание в нормах позитивного права, т.е. исходят из уже проведенного законодателем деления»¹⁸⁶. Как писал В. С. Ем после реформы гражданского законодательства в 2014 г., «главной становится проблема

---

¹⁸¹ Семенова Е. А. Право конкурсного оспаривания в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 247.

¹⁸² Циндяйкина А. Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве). С. 17.

¹⁸³ Османова Д. О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве). С. 76.

¹⁸⁴ Суворов Е. Д. Конкуренция оснований недействительности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 27–40.

¹⁸⁵ Калугин В. Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания. С. 114.

¹⁸⁶ Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М. : Статут, 2007.

теоретического осмысления и определения условий и признаков, дающих возможность отнесения недействительных сделок к ничтожным». Применительно к сделкам в ущерб кредиторам он отмечал, что такие сделки могут быть оспорены по правилам ст. 168 ГК РФ, однако, «учитывая, что установление новых правил о ничтожности сделок в п. 2 ст. 168 ГК РФ не повлекло изменений ст. 61.2 и 61.3 Федерального закона о несостоятельности, всё же следует признавать отмеченные сделки оспоримыми»¹⁸⁷. О. В. Гутников пишет, что «практически единственная существенная разница между оспоримыми и ничтожными сделками в настоящее время сводится лишь к тому, что оспоримая сделка имеет “материальный” состав и может быть признана недействительной лишь в случае, если нарушает права и законные интересы лица, оспаривающего сделку, или третьего лица, в интересах которого она оспаривается (абз. 2 и 3 п. 2 ст. 166). Ничтожная сделка имеет “формальный” состав и признается недействительной независимо от того, повлекла ли она негативные последствия в виде нарушения чьих-либо прав и законных интересов»¹⁸⁸. Аналогичной позиции придерживается В. А. Белов, указывая, что оспоримые сделки — это сделки во вред частным интересам, вопрос об их отмене предоставлен автономии пострадавшего¹⁸⁹.

В таком случае неизбежно встает вопрос: сделки должника с номинальными собственниками (с учетом предложенной выше структуры) являются оспоримыми (и подлежащими оспариванию на основании пункта 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве) или же ничтожными (и подлежащими оспариванию на основании ст. 168, 169 или 170 ГК РФ)?

---

¹⁸⁷ Ем В. С. О критериях ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 142.

¹⁸⁸ Гутников О. В. Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 58.

¹⁸⁹ Белов В. А. Гражданское право : учебник для вузов : в 2 т. М. : Юрайт, 2024. Т. 1 : Общая часть. С. 356.

Судебная практика арбитражных судов не дает однозначного ответа на данный вопрос. Так, в картотеке арбитражных дел при рассмотрении сделок, совершенных при сходных фактических обстоятельствах, можно встретить ссылки судов как на специальные, так и на общегражданские основания оспаривания.

Одни суды, ограничиваясь ссылкой на презумпцию цели причинения вреда (абз. 5 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве) и наличие признаков неплатежеспособности, полагают достаточным опираться только на специальную норму¹⁹⁰. Другие используют инструментарий специальной и общегражданской норм одновременно. Так, по одному из дел при направлении обособленного спора на новое рассмотрение судом округа в мотивировочной части дается ссылка на презумпцию вреда специальной нормы (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве), а абзацем ниже цитируется п. 86 Постановления № 25, который касается формального исполнения по мнимой сделке¹⁹¹.

Нередко имеет место совмещение мнимости и злоупотребления правом. Так, суд апелляционной инстанции поддержал правовую квалификацию суда первой инстанции о ничтожности договоров дарения как мнимых сделок, совершенных со злоупотреблением правом¹⁹².

Разнообразие в правовой квалификации исследуемых сделок может быть обусловлено следующими причинами.

Во-первых, если рассматривать вопрос конкуренции положений ст. 61.2 Закона о банкротстве и совокупности ст. 10 и 168 ГК РФ, можно сослаться на отсутствие четких критериев разграничения данных составов. Несмотря на наличие правовых позиций ВАС РФ и ВС РФ о том, что общая норма применима в ситуации, когда пороки сделки выходят за пределы диспозиции

---

¹⁹⁰ Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 27.03.2024 № Ф02-885/2024 по делу № А19-21042/2021.

¹⁹¹ Постановление АС Московского округа от 23.01.2024 по делу № А40-232135/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹² Постановление 16 ААС от 07.03.2024 по делу № А63-2758/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

специальных норм¹⁹³, суть отмеченных пороков не была детализирована. По этой причине довольно часто суды сначала квалифицируют сделку как совершенную в ущерб кредиторам по специальному основанию, а далее по тексту указывают на ее ничтожность по основанию ст. 10 и 168 ГК РФ¹⁹⁴. По всей видимости, суды во избежание процессуальной ошибки при рассмотрении спора предпочитают перечислять все возможные нормы, а не сосредоточивать свое внимание на специальном составе нарушения, тем самым жертвуя надлежащей правовой квалификацией, но защищая себя в части процессуального формализма. Подобное смешение оснований оспаривания, на наш взгляд, некорректно, поскольку при наличии специальной нормы применение ст. 10 ГК РФ является излишним и добавляет ненужный формализм тексту судебного акта без иллюстрации рассуждений судьи о причинах признания сделки подозрительной. Обоснованной является аргументация К. И. Скловского, который писал, что в таких случаях имеет место «лишенная смысла тавтология», которая ведет к обнаружению понятия «отягощенная недобросовестность», что само по себе весьма сомнительно¹⁹⁵.

Во-вторых, если рассматривать соотношение мнимости и положений ст. 61.2 Закона о банкротстве, можно обнаружить сходные по смыслу формулировки. Так, с одной стороны, имеет место общая норма, представленная пунктом 1 ст. 170 ГК РФ, с другой стороны, существует презумпция цели причинения вреда, предусмотренная абзацем 5 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, которая в некоторой степени синонимична мнимости («после совершения сделки по передаче имущества должник продолжал

---

¹⁹³ Постановление Президиума ВАС РФ от 17.06.2014 № 10044/11 ; определение ВС РФ от 28.04.2016 № 306-ЭС15-20034 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁴ См.: постановление АС Поволжского округа от 15.11.2017 по делу № А12-61050/2015 ; определение АС г. Москвы от 29.01.2021 по делу № А40-5741/19-183-10 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁵ *Скловский К. И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М. : Статут, 2019.

осуществлять пользование и (или) владение данным имуществом либо давать указания его собственнику об определении судьбы данного имущества»).

В-третьих, отмеченное разнообразие может быть объяснено поведением участников процесса, которые на этапе анализа дела взвешивают риски и выбирают наиболее комфортное основание. Предположим, что оспариваемая сделка попадает в трехлетний период подозрительности, имеются неустраняемые сомнения в признаках неплатежеспособности должника на дату ее совершения и такая сделка совершена в отношении заинтересованного лица. В этом случае финансовому управляющему (конкурсному кредитору) нет практической необходимости ссылаться на общегражданские основания, доказывая выход сделки за искомые пороки, пределы диспозиции специальных норм. Следует признать, что если не стоит вопроса о пропуске годичного срока исковой давности, то выбор заявителя падет именно на специальную норму.

В целом подобная правовая квалификация сделок с номинальными собственниками представляется ошибочной, не учитывающей особенности отношений между должником и номинальным собственником. Напротив, возможно квалифицировать такие сделки как ничтожные на основании соответствующих общегражданских оснований, поскольку их пороки выходят за пределы диспозиции специальной нормы.

В данной позиции мы исходим из следующего.

Прежде всего, безотносительно предлагаемой нами структуры сделок с номинальными собственниками следует обратить внимание на сделки, на основании которых актив формально переходит к номинальному собственнику.

В первом типе сделок (прямое отчуждение актива) должник не имеет реального намерения передать владение объектом номинальному собственнику, а последний не имеет цели распоряжаться им как своим собственным. Стороны осуществляют формальное исполнение по сделке, однако и оно совершается только лишь для вида.

Во втором типе сделок, когда имущество приобретается на денежные средства должника и регистрируется сразу на имя номинального собственника, также наблюдается несоответствие воли и волеизъявления, с одним лишь отличием — подобное несоответствие имеет место лишь на стороне покупателя, которым выступает номинальный собственник, в то время как в действительности договор заключается с должником.

Вышерассмотренные сделки являются мнимыми и притворными соответственно. Так, для первого типа сделок надлежащим правовым основанием являются положения о мнимых сделках. Данный пример упоминается в п. 86 Постановления № 25 и активно используется в качестве образцового арбитражными судами (зачастую речь идет о цепочке сделок, охватываемых единой целью ее участников по формальной смене титульного владельца)¹⁹⁶. Нередко именно при раскрытии вопроса мнимых сделок авторы приводят пример с сокрытием активов от обращения взыскания со стороны кредиторов путем их формальной регистрации на третьих лиц. Например, М. М. Агарков называет мнимой (фиктивной) сделку, направленную на сокрытие актива от обращения взыскания со стороны кредитора¹⁹⁷. Аналогичный пример приводил И. Б. Новицкий¹⁹⁸. В. А. Белов указывает на случай совершения мнимой сделки с целью избежания описи и ареста имущества¹⁹⁹.

В упоминавшейся выше позиции ВС РФ по делу о банкротстве С. А. Рассветова при обозначении фигуры мнимого собственника дана ссылка именно на положения о мнимости. При этом само по себе отсутствие указания

---

¹⁹⁶ См.: постановления АС Дальневосточного округа от 10.05.2023 № Ф03-1237/2023 по делу № А73-12425/2018, АС Западно-Сибирского округа от 20.09.2022 № Ф04-6107/2020 по делу № А45-41962/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁷ Агарков М. М. Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции. Педагогическое наследие : учеб. пособие для вузов : в 3 кн. / сост. В. А. Белов. М. : Юрайт, 2024. Кн. 1. С. 241.

¹⁹⁸ Новицкий И. Б. Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М. : Госюриздат, 1954. С. 127.

¹⁹⁹ Белов В. А. Гражданское право : учебник для вузов : в 4 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. Т. 2 : Общая часть : в 2 кн. Кн. 2 : Факты. С. 359.

на притворность сделки в данном определении связано не с тем, что сделки с номинальными собственниками не могут быть признаны притворными, а с тем, что в конкретном деле были явно выражены обстоятельства мнимой сделки.

Для второго типа сделок надлежащим правовым основанием выступает притворность по субъектному составу. Данный пример указан в п. 87 Постановления № 25 при обозначении притворной сделки как сделки, совершенной с целью прикрыть другую сделку с иным субъектным составом. В таком случае оспариваемые сделки справедливо признаются недействительными в связи с притворностью субъектного состава, при которой правовые последствия наступают для подлинных участников сделки, что означает возврат имущества в конкурсную массу должника²⁰⁰. Так, в одном из дел судом кассационной инстанции обособленный спор о признании сделки недействительной направлен на новое рассмотрение в том числе по причине того, что суды нижестоящих инстанций не дали оценку доводу банка о том, что договор купли-продажи, заключенный сожительницей должника, имеет признаки притворности по субъектному составу и надлежащим собственником спорного имущества является должник²⁰¹. Здесь важно, что само по себе отсутствие умысла у другой стороны (продавца, который продал вещь номинальному покупателю) не препятствует признанию данной сделки притворной в соответствующей части (неизвестной продавцу). Следовательно, суд, удовлетворяя заявленные требования, лишь исправляет ошибку в субъекте, заключившем договор, и возвращает имущество в

---

²⁰⁰ См.: постановления АС Западно-Сибирского округа от 16.02.2022 № Ф04-7811/2021 по делу № А27-2432/2018, АС Московского округа от 27.11.2023 по делу № А40-193193/2020, АС Московского округа от 04.07.2023 № Ф05-13592/2020 по делу № А40-32986/2019, АС Поволжского округа от 28.04.2023 № Ф06-69896/2020 по делу № А65-29088/2019, АС Московского округа от 13.12.2023 № Ф05-34430/2022 по делу № А40-112975/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰¹ Постановление АС Московского округа от 27.11.2023 по делу № А40-193193/2020.

конкурсную массу, в которую оно поступило бы, если бы не было указанной ошибки.

В описанных ситуациях имеет место симуляция, известная еще римскому праву, при которой сделка не имеет последствий, является недействительной, потому что лицо изъявило волю иную, чем оно в действительности желало изъяснить, с намерением скрыть истинную волю²⁰². Ф. К. Савиньи писал, что симуляция имеет место, когда «стороны не хотят никакую юридическую сделку, хотя слова на нее указывают, либо когда хотят другую юридическую сделку, отличную от дословно высказанной, либо когда субъектами правоотношения должны быть иные лица, чем следующие из слов волеизъявления», при этом «общий принцип сводится к тому, что силу должно иметь истинное, а не мнимое мнение, следующее из слов»²⁰³.

В современном отечественном праве симулятивные сделки формально разделяются на мнимые (абсолютная симуляция) и притворные (относительная симуляция), которые соответствуют выделенным выше типам сделок с номинальными собственниками. В данной части не можем не сослаться на работу И. С. Чупрунова, который усматривает в мнимой и притворной сделках единую природу симулятивной сделки, определяемой через сделку, «стороны которой совместно желают, чтобы совершенное внешне волеизъявление не достигало того юридического результата, на который оно направлено»²⁰⁴.

В силу отмеченного представляется необоснованной правовая квалификация сделки по отчуждению (приобретению) актива как фраздаторной на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

---

²⁰² Дорн Л. Б. Догма римского права : лекции профессора Санкт-Петербургского университета Л. Б. Дорна. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1890. С. 165.

²⁰³ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут ; Одесса : Центр исследования права имени Савиньи, 2012. Т. 2. С. 357.

²⁰⁴ Чупрунов И. С. Симулятивные сделки. Часть 1: общее понятие, эффект, соотношение со смежными категориями, вопросы давности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 9 (127). С. 130.

Во-первых, следует принять во внимание указываемые в современной литературе различия между симулятивными и фраздаторными сделками.

В дореволюционной литературе С. И. Гальперин рассматривал отдельно сделки о переукреплении имущества с целью неплатежа долгов, которые «могут выражать и действительную волю сторон, но злонамеренно направленную ко вреду третьих лиц» (фиктивные сделки), и мнимые сделки, которые либо могут быть заключены только для виду (собственно мнимые), либо прикрывают действительно состоявшуюся между сторонами сделку (притворные (симулятивные))²⁰⁵.

В современной литературе А. М. Ширвиндт справедливо замечает, что при совершении мнимых сделок стороны «разыгрывают совершение сделки, или, иными словами, не совершая сделки, ведут себя так, чтобы все думали, будто сделка имела место», что отличает такую сделку от сделки во вред кредиторам, при которой должник действительно передает активы третьим лицам²⁰⁶. Аналогичной позиции придерживаются О. Р. Зайцев²⁰⁷ и И. С. Чупрунов²⁰⁸, указывая, что во фраздаторной сделке имеется желание сторон достичь правовых последствий в виде передачи актива контрагенту, в то время как при симулятивной имеет место лишь видимость исполнения.

Во-вторых, необходимо учитывать, что мнимая или притворная сделка с течением времени не перекавалифицируется в фраздаторную только лишь на основании открытия процедуры банкротства, поскольку допустимость такой перекавалификации означала бы превращение ничтожной сделки в оспоримую.

---

²⁰⁵ Гальперин С. И. Учебник русского торгового и вексельного права. С. 196.

²⁰⁶ Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 20 мая 2008 г. № 15756/07 // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2008 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. М.: Статут, 2012.

²⁰⁷ Зайцев О. Р. Еще раз к вопросу о мнимых собственниках (о деле Балаяна) // URL: https://zakon.ru/blog/2024/2/25/esche_raz_k_voprosu_o_mnimyh_sobstvennikah_o_dele_balaya_na (дата обращения: 25.05.2024).

²⁰⁸ Чупрунов И. С. Симулятивные сделки. Часть 1. С. 151.

Как отмечают В. В. Байбак и А. Г. Карапетов, при конкуренции оснований недействительности мнимой сделки последнее основание играет решающую роль, поскольку «дефекты сделки, которые заключаются во мнимом волеизъявлении, свидетельствуют о том, что сделки нет вообще (она ничтожна). Соответственно, наличие в таком мнимом волеизъявлении каких-либо иных дефектов никак не влияет на общую картину: к юридическому полю не добавляются никакие новые показатели. Поэтому мнимость имеет определяющую роль в правовой квалификации такого волеизъявления»²⁰⁹.

В данном контексте заслуживает внимания рекомендация АС Западно-Сибирского округа о том, что «мнимые и притворные сделки, совершенные должником, являются ничтожными; какой-либо трансформации природы этих сделок в связи с введением процедуры банкротства не происходит»²¹⁰.

Кроме того, в качестве примера можно привести позицию АС Уральского округа, выраженную при рассмотрении конкретного дела, о том, что «в силу положений п. 1 ст. 170 ГК РФ квалифицирующим признаком совершения мнимой сделки является порок волеизъявления ее сторон, то есть отсутствие у них фактического намерения на достижение правовых последствий, предусмотренных сделкой. Указанный признак, вопреки утверждению подателя жалобы, выходит за пределы диспозиции п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, предполагающей совершение сторонами реальных сделок, направленных на уменьшение имущественной базы должника в целях нарушения прав его кредиторов»²¹¹.

---

²⁰⁹ Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. С. 555.

²¹⁰ Рекомендации круглого стола Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по вопросам рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о несостоятельности (банкротстве) (принятые по результатам обсуждения на заседаниях круглого стола, состоявшихся 10.06.2021 и 20.08.2021 в г. Тюмень) (утв. на заседании Президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 08.10.2021) (в ред. от 23.01.2023, 27.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹¹ Постановление АС Уральского округа от 26.06.2024 № Ф09-3039/24 по делу № А50-21474/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Противоположный подход, допускающий «трансформацию» ничтожной сделки в оспоримую, может привести к следующим ошибочным, на наш взгляд, заключениям.

Во-первых, примеряя положения Закона о банкротстве к сделкам по отчуждению актива в пользу номинального собственника, следовало бы принять за данность, что такие сделки являются оспоримыми и, следовательно, к ним применим годичный срок исковой давности. Во-вторых, нужно было бы также принять за данность, что если сделка не попадает в предусмотренный законом период подозрительности, например, она была совершена за три года и два дня до возбуждения дела о банкротстве, то она не может быть оспорена вовсе. Равным образом, если на момент ее совершения должник не обладал признаками неплатежеспособности, суд с большей долей вероятности откажет в удовлетворении требований кредитора.

Напротив, мнимость или притворность сделки, совершенной должником и номинальным собственником, в силу закона не ставится в зависимость от наличия у должника признаков неплатежеспособности, не ограничивается предусмотренным Законом о банкротстве периодом подозрительности.

Наконец, применение положений о мнимых/притворных сделках, помимо прочего, разрешает вопрос необходимости наличия кредиторов на момент совершения сделки в пользу номинального собственника, поскольку в отличие от фраздаторных сделок для симулятивных иррелевантно наличие кредиторов. На наш взгляд, наличие кредиторов не должно быть обязательным условием для предоставления кредитору права оспаривать сделку.

Таким образом, сделки по передаче актива могут рассматриваться как мнимые и притворные соответственно.

Вместе с тем, возвращаясь к обозначенному пониманию номинальной собственности, включающему: 1) соглашение о порядке приобретения и пользования активом (выделение которого обусловлено необходимостью облегчения бремени доказывания заявителю); 2) сделку по отчуждению (приобретению) актива в пользу номинального собственника, — считаем

возможным предложить правовую квалификацию данной цепочки сделок как совершенной со злоупотреблением правом.

Указанная правовая квалификация обусловлена несколькими факторами.

Поведение должника было заведомо недобросовестным по отношению ко всем своим кредиторам (как тем, которые имели место на момент совершения сделки, так и тем, которые появились позднее). Вступая в отношения с кредиторами, должник уже опосредованно владел имуществом, которое в силу формальной регистрации на имя третьего лица было защищено от обращения взыскания. В отношении уже имевшихся кредиторов он заранее регистрировал активы на имя номинального собственника, игнорируя правило личной ответственности по своим обязательствам.

Поведение номинального собственника в данном случае также является порочным, поскольку он, с одной стороны, соглашается выступать формальным собственником, с другой — вводит в заблуждение своих кредиторов, которые полагаются на то, что он будет отвечать имеющимся у него имуществом (в действительности приобретенным не им).

Такая сделка, направленная на обход правил о личной ответственности каждого по своим обязательствам, воплощающая идею косвенного представительства в противоречии с ее предназначением, не может получить одобрение правопорядка.

С учетом отмеченного направление кредитором иска о признании сделки ничтожной обоснованно может рассматриваться в качестве эффективного способа защиты кредиторов от номинальных собственников.

В судебной практике встречаются примеры применения другого вида иска о признании — о признании права собственности (отсутствующим). На наш взгляд, использование данной конструкции, в том числе со ссылками на Постановление № 10/22, является излишним. Если имела место недействительная сделка, ставшая основанием перехода права собственности, то именно ее следует оспаривать в рамках дела о банкротстве. Косвенное

подтверждение данной позиции можно проследить в отдельных судебных актах. Например, в рамках одного из дел финансовый управляющий обратился с заявлением о признании за должником права собственности на объекты недвижимости, оформленные на бывшую супругу должника. По результатам рассмотрения требования суды отказали в его удовлетворении. Суд кассационной инстанции отдельно отметил, что заявленное управляющим требование о признании права собственности представляет собой требование о признании сделок недействительными по основанию их мнимости, притом что состав мнимости доказан не был (ответчик несет расходы на содержание имущества, оплачивает налоги и проживает в нем совместно с несовершеннолетними детьми, доказательств приобретения активов за счет средств должника не представлено)²¹².

Истребование имущества из незаконного владения номинального собственника.

Как было отмечено выше, И. М. Шевченко в числе возможных способов защиты допускает банкротную «квазивиндикацию».

Упоминание этого способа защиты прав кредиторов можно встретить в абз. 4 п. 9 Постановления № 48, из которого следует, что к супругу должника, удерживающему имущество последнего, может быть предъявлено требование об отобрании имущества по правилам п. 3 ст. 308.3 ГК РФ, а в случае отчуждения имущества в пользу третьих лиц к последним предъявляется иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения по правилам ст. 301 и 302 ГК РФ.

Как видим, данный способ пополнения конкурсной массы в большей степени направлен на устранение последствий неправомерного отчуждения актива, находящегося в совместной собственности супругов, и в меньшей степени пригоден для борьбы с номинальными собственниками, не являющимися супругами.

---

²¹² Постановление АС Северо-Западного округа от 18.12.2023 по делу № А56-104043/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Как показывает судебная практика, в случае с супругами должников отмеченный способ защиты действительно работает, особенно если вопрос касается включения в конкурсную массу транспортных средств. Например, в рамках одного из дел у супруги должника истребовано транспортное средство, находящееся в совместной собственности супругов²¹³.

Даже если читать Постановление № 48 расширительно и допускать предъявление заявлений об истребовании имущества у номинального собственника, следует признать низкую эффективность подобного решения. Так, если актив перешел в собственность номинального собственника на основании заключенной между сторонами сделки, то надлежащим способом защиты является именно иск о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности, на что прямо указывает пункт 34 Постановления № 10/22.

В ситуации, когда имущество было приобретено за счет денежных средств должника и зарегистрировано на имя номинального собственника, о виндикационном иске также трудно вести речь. Здесь также, пусть и не столь явно, прослеживаются отношения, связанные с последствиями недействительности сделки (притворной по субъектному составу).

Судебная практика по делам о банкротстве является косвенным подтверждением данной позиции: в случаях, когда финансовые управляющие заявляют требования об истребовании имущества, суды переквалифицируют их в иски о признании сделки недействительной. Так, финансовый управляющий должника обратился с заявлением о прекращении права собственности и обязанности вернуть имущество в конкурсную массу. Судом первой инстанции заявление возвращено заявителю с указанием, что «фактически заявлено требование об истребовании из чужого незаконного владения, которое подлежит рассмотрению в общеисковом производстве». Постановлением суда апелляционной инстанции определение о возвращении

---

²¹³ Определение АС г. Москвы от 15.09.2022 по делу № А40-226965/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

заявления отменено, вопрос направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд округа, поддерживая отмену определения о возвращении заявления, указал, что «требования финансового управляющего о передаче объектов в конкурсную массу и прекращении права собственности на спорные объекты следовало квалифицировать как последствия недействительности ничтожной сделки, предполагающие одностороннюю реституцию»²¹⁴.

АС Поволжского округа продемонстрировал аналогичную позицию: «в рассматриваемом случае заявленное финансовым управляющим требование об истребовании от ответчика в конкурсную массу должника спорного автомобиля по своей сути является требованием о применении последствий недействительности сделки его купли-продажи как ничтожной (притворной и мнимой)»²¹⁵.

В другом деле этот же суд указал, что суды нижестоящих инстанций пришли к выводу о том, что финансовый управляющий воспользовался своим правом на истребование имущества у третьих лиц путем обращения в суд с ходатайством о включении недвижимого имущества в конкурсную массу должника, и о наличии оснований для признания недействительной сделки по передаче должником денежных средств и удовлетворения ходатайства финансового управляющего о возврате имущества в конкурсную массу в качестве применения последствий недействительности сделки²¹⁶.

Подобные требования финансовых управляющих имеют место и в судах общей юрисдикции. Так, финансовым управляющим заявлено требование об истребовании из чужого незаконного владения недвижимого имущества. По результатам рассмотрения заявления суд отказал в его удовлетворении. Основываясь на п. 32 Постановления № 10/22, суд указал, что финансовым

---

²¹⁴ Постановление АС Московского округа от 23.05.2023 по делу № А40-125970/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁵ Постановление АС Поволжского округа от 29.08.2024 № Ф06-12230/2023 по делу № А12-4945/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁶ Постановление АС Поволжского округа от 13.09.2024 по делу № А12-22973/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

управляющим не было представлено доказательств того, что спорное имущество принадлежало должнику на праве собственности и выбыло из его владения помимо воли. О недействительности оснований приобретения права собственности ответчика на недвижимость, в том числе согласно ст. 170 ГК РФ, финансовый управляющий не заявлял, *притом что суд предлагал уточнить исковые требования в этой части*. Судами вышестоящих инстанций решение об отказе в удовлетворении требований оставлено без изменения²¹⁷.

Таким образом, поскольку при заявлении ходатайства об истребовании имущества у номинального собственника суд с большей долей вероятности переквалифицирует заявленное требование, применение ст. 301 и 302 ГК РФ нецелесообразно.

Признание номинального собственника косвенным представителем.

Альтернативным способом защиты прав кредиторов может выступить признание номинального собственника косвенным представителем должника.

Идея признания номинального собственника так называемым косвенным представителем берет свое начало в германском праве, в котором практики использования «соломенных человечков» (Strohmannen) получили широкую огласку в литературе.

В комментариях к BGB указывается, что использование подставных лиц практикуется в случаях, когда лицо, заинтересованное в сделке, не может ее заключить от себя лично (например, из-за судимости, отсутствия лицензии и пр.)²¹⁸. Сама по себе передача имущества на подставное лицо рассматривается как разновидность фидуциарных правоотношений²¹⁹. При этом R. Wolk пишет, что в отличие от доверительного управляющего или

²¹⁷ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2022 № 88-13289/2022 по делу № 2-2331/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁸ Medicus D. Allgemeiner Teil des BGB. Karlsruhe : C. F. Müller, 2006. P. 235.

²¹⁹ Вебер Х. Обеспечение обязательств / пер. с нем.: Ю. М. Алексеев, О. М. Иванов. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 221.

косвенного представителя внутренние отношения с хозяином дела скрыты от внешнего мира; нередко «соломенного человечка» используют для достижения результата, которого хозяин дела (Hintermann) не может добиться самостоятельно, либо для сокрытия имущества от притязаний кредиторов²²⁰.

Л. Эннекцерус при описании симулятивных сделок отмечал, что сделки через подставное лицо не относятся к мнимым, поскольку «подставное лицо должно действительно приобрести, но приобретенное им рассматривается только как принадлежащее тому, кто за ним скрывается»²²¹. К сделкам через подставных лиц применяются правила о косвенном представительстве: «Тот, кто заключает сделку, хотя бы и для другого, но от своего имени, т.е. с намерением вызвать своими действиями правовые последствия в первую очередь в своем лице, а потом, последующими юридическими актами, в частности — передачею вещей, уступкой прав требования, принятием долга, перенести их на другое лицо, тот не является представителем в смысле BGB. Его называют косвенным, посредственным, открытым представителем»²²².

Ю. Барон, противопоставляя открытого и скрытого представителей, отмечал, что последний, «выступая во внешности от своего имени, устанавливает последствия сделки как активные, так и пассивные только для себя самого, а отношение представительства обнаруживается лишь между ним и представляемым»²²³.

В раннесоветской литературе И. В. Шерешевский, комментируя нормы о поручении и доверенности, писал о непрямом представительстве как

---

²²⁰ Bork R. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuchs. S. 500–501 // Google.Книги. URL:

https://books.google.ru/books?id=EGMbCn53TNQC&pg=PR7&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.05.2024).

²²¹ Эннекцерус Л., Кунт Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. 1 / пер. с 13-го нем. изд. И. Б. Новицкого, Г. Н. Полянской, В. А. Альтшулера. М. : Изд-во иностранной лит., 1950. С. 196.

²²² Эннекцерус Л., Кунт Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. 1. С. 233.

²²³ Барон Ю. Система римского гражданского права. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих (влад. А. Э. Коллинс), 1909. Вып. 1. Кн. 1 : Общая часть. С. 101.

пережитке прошлого, в частности указывая, что «с развитием менового оборота эта форма заместительства оказывается совершенно недостаточной. Расширение территории, втягиваемой в меновые отношения, и развитие быстроты оборота создают необходимость в установлении, наряду с вышеуказанным, такого порядка, при котором заместитель олицетворял бы своего принципала, и последствия его сделки возникали бы прямо и непосредственно в лице заступаемого»²²⁴. Примечательно допущение автором того, что, поскольку закон не содержит императивного запрета, правила о прямом представительстве «могут быть применяемы и для разрешения споров, создающихся на почве непрямого»²²⁵.

Позднее В. А. Рясенцев, противопоставляя прямое представительство и косвенное²²⁶ (опять же на примере комиссионера), подчеркивал следующие отличительные черты последнего:

- косвенный представитель выступает вовне как самостоятельный участник сделки и не нуждается в полномочии;
- действие за чужой счет может не обнаруживаться;
- заинтересованное лицо имеет против косвенного представителя притязания на передачу прав и обязанностей;
- косвенное представительство характеризуется существованием правоотношений между косвенным представителем и контрагентом, с одной стороны, и между косвенным представителем и заинтересованным лицом — с другой²²⁷.

---

²²⁴ Шерешевский И. В. Представительство. Поручение и доверенность: Комментарии к ст. 38–40 и 251–275 Гражданского кодекса. М. : Право и жизнь, 1925. С. 5.

²²⁵ Шерешевский И. В. Представительство. Поручение и доверенность... С. 4, 6.

²²⁶ По мнению В. А. Рясенцева, понятие «косвенное представительство» является условным по причине отсутствия иного, более подходящего. «И по фактическому составу, и по юридическим последствиям эти явления совершенно самостоятельные и не связанные между собой институты» (Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М. : Статут, 2006. С. 204).

²²⁷ Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. С. 203.

С учетом указанных свойств отмечалось, что «при помощи посредственного представительства может обеспечиваться сохранение в тайне участие комитента в операциях комиссионера»²²⁸.

Ссылаясь на институт фидуциарной сделки в германском праве, В. А. Рясенцев пишет, что передача имущества «формальному собственнику» может использоваться среди прочего ввиду угрозы объявления несостоятельным²²⁹.

Существенное отражение в отечественной цивилистике институт косвенного представительства находит в трудах Е. А. Крашенинникова, который основывается в том числе на немецкой догматике. Указанный автор посредственное представительство противопоставляет непосредственному, нашедшему отражение в гл. 10 ГК РФ, и ставит знак равенства между первым видом представительства и приобретением комиссионером вещи в собственность для комитента²³⁰.

В развитие идей Е. А. Крашенинникова Ю. В. Байгушева отмечает, что в основе предписаний договора комиссии лежит модель посредственного представительства, рассчитанная на приобретение прав и дополненная конструкцией уполномочия к распоряжению²³¹.

С учетом указанных выше признаков косвенного представительства целесообразно поставить вопрос о возможности признания номинального собственника непрямым представителем должника при приобретении активов, поскольку их отношения во многом подпадают под отмеченные выше рамки:

---

²²⁸ Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. С. 188.

²²⁹ Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. С. 193.

²³⁰ Крашенинников Е. А. Гражданское право и процесс. Избранные труды / отв. ред. Ю. В. Байгушева. М. : Юрайт, 2024. С. 1057.

²³¹ Байгушева Ю. В. Совершение сделки через подставное лицо // Сборник научных статей к 70-летию Александра Петровича Сергеева / отв. ред. Ю. В. Байгушева. М. : Статут, 2023. С. 125.

- номинальный собственник взаимодействует с независимыми участниками оборота от своего имени, не раскрывая должника;
- номинальный собственник действует за счет должника.

Полагаем, что при внешнем сходстве само по себе признание номинального собственника косвенным представителем не может выступать надлежащим способом защиты прав кредитора, чьи права были нарушены.

Первым препятствием для реализации отмеченного способа защиты является отсутствие данного института в тексте гражданского закона. Как было показано выше, в отличие от некоторых зарубежных правовых порядков отечественный законодатель прямо не регулирует ситуации, когда лицо выступает скрытым представителем, не извещая об этом третьих лиц²³², следовательно, не позволяет взять не оформленные надлежащим образом отношения должника и номинального собственника и подставить их в границы отношений представительства, регулируемых главой 10 ГК РФ.

Повторим лишь позицию В. А. Рясенцева о том, что сам по себе термин «косвенное представительство» условный и представительством как таковым оно не является.

Если же брать во внимание имеющиеся в ГК РФ конструкции (доверительное управление и комиссия), выступающие подвидами косвенного

---

²³² В качестве примера можно привести положения ст. 3:102 Принципов европейского договорного права (Principles of European Contract Law): когда посредник действует в соответствии с указаниями и в интересах, но не от имени представляемого или когда третье лицо не знает и не имеет оснований предполагать, что посредник выступает в качестве представителя, применяются нормы о косвенном представительстве. В свою очередь, нормы о косвенном представительстве предусматривают, что представляемый и третье лицо являются обязанными друг другу, могут предъявлять требования друг к другу в случае несостоятельности посредника или существенного неисполнения им своих обязанностей по отношению к представляемому или третьему лицу (ст. 3:302, 3:303 Принципов европейского договорного права). Комментируя указанные положения во взаимосвязи, В. А. Белов пишет, что «косвенное представительство представительством в строгом смысле этого слова не является, будучи частным случаем посредничества (комиссионерства)» (Белов В. А. Кодекс европейского договорного права – European Contract Code. Общий и сравнительно-правовой комментарий : в 2 кн. М. : Юрайт, 2024. Кн. 1. С. 82).

представительства, то возникает ряд препятствий для их переложения на отношения должника и номинального собственника (например, путем использования п. 87 Постановления № 25, в соответствии с которым к прикрываемой сделке с учетом ее существа и содержания применяются относящиеся к ней правила).

Если говорить о доверительном управлении, то следует учитывать, что существенным отличием договора доверительного управления имуществом от отношений номинальной собственности является то, что передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему (абз. 2 п. 1 ст. 1012 ГК РФ). Более того, условие договора доверительного управления, устанавливающее, что по истечении срока договора переданное имущество переходит в собственность управляющего, ничтожно (абз. 2 п. 74 Постановления № 25). Как верно отмечает Е. А. Суханов, сравнивая договор доверительного управления с институтом доверительной собственности в англосаксонском праве, в первом случае речь идет об одном из способов осуществления права собственности путем заключения договора, порождающего обязательственные отношения²³³. О. А. Рузакова также подчеркивает существенные различия доверительного управления в российском праве от траста²³⁴. Следовательно, применение правил о доверительном управлении к отношениям должника и номинального собственника не решит задачу пополнения конкурсной массы.

При проецировании отношений должника и номинального собственника на договор комиссии имеют место как минимум два препятствия, четко подмеченные Ю. В. Байгушевой:

1) комиссия не предполагает принятия на себя комиссионером длящихся обязательств перед третьим лицом или нахождения вещей комитента в

---

²³³ Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. С. 182.

²³⁴ Рузакова О. А. Управление чужими бизнес-активами на основании договора доверительного управления // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 273.

длительном владении комиссионера (не подразумевает переход собственности на имя подставного лица);

2) комиссия не предполагает использования данной конструкции к объектам недвижимости²³⁵.

В отношении первого замечания можно лишь подчеркнуть нестандартность отношений, в рамках которых комиссионер, приобретая актив на свое имя, в течение длительного времени удерживает его за собой, а комитент не возражает. Как минимум подобное поведение комитента порождает разумные сомнения относительно того, не используется ли конструкция договора комиссии с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Помимо отмеченного, обращаясь к традиции использования договора комиссии, в частности в целях совершения торговых сделок, показательна точка зрения Г. Ф. Шершеневича о том, что «в промежуток времени между приемом комиссионером купленного товара от продавца и передачей его комитенту товар принадлежит к составу имущества комиссионера»²³⁶.

Второе препятствие — договор комиссии не приспособлен для приобретения объектов недвижимости — является куда более значимым.

А. В. Егоров, рассуждая о возможности приобретения недвижимости по договору комиссии, приходит к выводу о затруднительности реализации подобного сценария. В качестве аргументов он приводит доводы о том, что исторически использование договора комиссии в российском праве не предполагало его применения к объектам недвижимости, а регистрация собственности на комиссионера с последующим перенесением на комитента противоречит правилу о возникновении права собственности у комитента (п. 1 ст. 996 ГК РФ). Кроме того, А. В. Егоров справедливо отмечает, что даже внесение соответствующих изменений в законодательство (в части формы

---

²³⁵ Байгушева Ю. В. Совершение сделки через подставное лицо. С. 125.

²³⁶ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. М. : Юрайт, 2024. Т. 2 : Товар. Торговые сделки. С. 176.

договора, необходимости его регистрации) видится сомнительным, поскольку поставит под угрозу права комитента и третьего лица, взаимодействующего с комиссионером²³⁷.

Уже после публикации А. В. Егорова в п. 23 Обзора практики разрешения споров по договору комиссии, утв. информационным письмом Президиума ВАС РФ от 17.11.2004 № 85, было указано, что «особенность договора комиссии в отношении недвижимого имущества определяется спецификой правового режима такого имущества. Поскольку на основании пункта 1 статьи 996 ГК РФ право собственности переходит непосредственно от комитента к третьему лицу (покупателю) или от третьего лица (продавца) к комитенту, с заявлениями о государственной регистрации перехода прав могут обращаться лишь указанные лица, но не комиссионер».

В свою очередь, Е. А. Суханов со ссылкой на тот же пункт Обзора пишет, что объекты недвижимости не могут быть предметом договора комиссии, поскольку «комиссионер, в силу п. 1 ст. 996 ГК не являющийся и не становящийся собственником недвижимого имущества комитента, не может и зарегистрировать переход права собственности на отчуждаемую или приобретаемую недвижимость, что предусмотрено пунктом 1 ст. 551 ГК, а тем самым, по сути, и совершить для комитента соответствующую сделку»²³⁸.

Отметим, что в работах отдельных авторов встречаются возражения относительно возможности применения комиссии к объектам недвижимости, в частности путем причисления п. 1 ст. 996 ГК РФ к исключениям из принципа внесения²³⁹.

---

²³⁷ *Егоров А. В.* Предмет договора комиссии // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. Вып. 5 / под ред. В. В. Витрянского. М. : Статут, 2002. С. 86–146.

²³⁸ *Суханов Е. В.* О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 6–16.

²³⁹ См.: *Чупрунов И. С.* Симулятивные сделки. Часть 2: анализ дела Балаяна // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 10. С. 188 ; *Шаляев Д. Ю.* Доктрина симулятивных сделок и дело Балаяна. Комментарий к определению Экономколлегии от 6 марта 2024 года № 305-ЭС20-20127(20) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 10. С. 71.

Мы придерживаемся первого подхода, разделяемого А. В. Егоровым и Е. А. Сухановым, поскольку обратное требует не только законодательных, но и технических изменений, усложнит оборот недвижимости и повысит риски для участников оборота.

Таким образом, при всей привлекательности косвенного представительства (в особенности договора комиссии, предусматривающего специальные правила на случай банкротства комиссионера и комитента) субсидиарное или избирательное применение положений о договоре комиссии к отношениям должника и номинального собственника при наличии ясных и понятных правил об оспаривании мнимых и притворных сделок нецелесообразно.

Применение положений п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве.

Среди возможных способов защиты также обсуждается возможность применения п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве, в соответствии с которым кредиторы, требования которых не были удовлетворены в полном объеме в ходе конкурсного производства, имеют право требовать обращения взыскания на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами, в размере требований, оставшихся непогашенными в деле о банкротстве.

Относительно применения указанного положения согласимся с позицией Е. Д. Суворова о том, что законодателем применительно к банкротству физических лиц предусмотрен более эффективный способ защиты прав кредиторов в виде института пересмотра определения о завершении реализации имущества гражданина по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 213.29 Закона о банкротстве)²⁴⁰.

Практика арбитражных судов показывает, что даже при применении института пересмотра определения о завершении реализации имущества кредиторы в уже возобновленном производстве прибегают к способу защиты своих прав в виде оспаривания сделок должника. Например, в рамках одного

---

²⁴⁰ Суворов Е. Д. Завершение расчетов с кредиторами гражданином, признанным банкротом, как основание для прекращения обязательств // Судья. 2016. № 7. С. 23–30.

из дел судом отменено определение о завершении процедуры реализации имущества должника в связи с тем, что в период процедуры банкротства должником были совершены сделки по сокрытию имущества путем его регистрации на номинальных собственников, о чем кредиторам стало известно из материалов уголовного дела, возбужденного в отношении должника²⁴¹. В последующем в рамках указанного дела о банкротстве возбуждено более 20 обособленных споров об оспаривании сделок должника (в том числе по основанию притворности субъектного состава).

Субсидиарная ответственность номинального собственника.

Институт субсидиарной ответственности номинального собственника как способ защиты прав кредиторов можно рассматривать в следующих плоскостях.

Во-первых, номинальный собственник актива должника может быть привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, контролирующим лицом которого выступает должник (действительный собственник).

Данный пример проиллюстрирован в п. 23 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2020), в котором отмечено, что лицо, умышленными действиями которого создана невозможность получения кредиторами полного удовлетворения за счет имущества контролирующего должника лица, виновного в его банкротстве, отвечает солидарно с указанным контролирующим лицом за причиненные кредиторами убытки *в пределах стоимости полученного имущества*. В данном пункте ВС РФ указывает: «Несмотря на то, что основания требований кредиторов к контролирующим лицам (создание необходимых причин банкротства) и приобретшим их имущество родственникам (создание невозможности полного исполнения за счет имущества контролирующих лиц) не совпадают, требования кредиторов

---

²⁴¹ Определение АС Ростовской области от 12.05.2023 по делу № А53-27979/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

к ним преследуют единую цель — возместить в полном объеме одни и те же убытки».

Вариант защиты прав кредиторов юридического лица (которые впоследствии станут кредиторами контролирующего лица) целесообразен с точки зрения соблюдения принципа процессуальной экономии. В частности, при привлечении номинального собственника в качестве соответчика с обязательным указанием стоимости приобретенного им актива надобность в последующем оспаривании отчужденной сделки в рамках дела о банкротстве контролирующего лица (действительного собственника) отпадает. В данной части также допускается, что между номинальным собственником и кредиторами юридического лица может быть заключено соглашение о предоставлении отступного по правилам ст. 61.21 Закона о банкротстве, вследствие чего ликвидный актив поступает в конкурсную массу, а обязательство номинального собственника будет считаться исполненным.

При рассмотрении вопросов номинальной собственности также обсуждается возможность применения института субсидиарной ответственности непосредственно в делах о банкротстве физического лица — действительного собственника²⁴².

К данному варианту следует относиться более настороженно.

Действующее законодательство о несостоятельности не содержит специальных правил о субсидиарной ответственности физических лиц. Применение по аналогии положений гл. III.2 Закона о банкротстве к делам о банкротстве граждан, на наш взгляд, не соотносится с отношениями номинальной собственности. Так, при прямом переложении существа института субсидиарной ответственности на отношения должника и номинального собственника следует признать, что действия должника определялись указаниями номинального собственника. Однако в данном

---

²⁴² Запись семинара «Субсидиарная ответственность по долгам физического лица» // Сайт «Клуб цивилистов». URL: <https://civilistclub.ru/event/20230921> (дата обращения: 24.06.2024).

случае имеет место прямо противоположная ситуация, поскольку именно действия номинального собственника контролируются должником.

Возможно, наиболее подходящей презумпцией статуса контролирующего лица могла бы выступить презумпция выгодоприобретения, предусмотренная в подп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, вследствие чего номинальный собственник должен быть привлечен к субсидиарной ответственности в размере стоимости актива, который он получил от должника (приобрел за счет денежных средств последнего). Однако встает вопрос о целесообразности применения по аналогии положений Закона о банкротстве, регулирующих иные отношения, при наличии уже имеющихся исков о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности (что является более эффективным для пополнения конкурсной массы).

В силу вышеизложенного нецелесообразно использовать механизм субсидиарной ответственности в делах о банкротстве физических лиц как способ защиты кредиторов от сокрытия активов путем регистрации на имя номинальных собственников. В данной части допускаем лишь применение указанного института в деле о банкротстве номинального собственника.

Проблематика использования уголовно-правовых механизмов.

Нередко кредиторы должника признаются потерпевшими и гражданскими истцами в рамках уголовных дел, возбужденных в отношении должника. В таких случаях в целях возмещения причиненного ущерба возможны арест имущества номинальных собственников и последующее обращение взыскания на него в целях исполнения гражданского иска.

При рассмотрении уголовно-правового ареста как обеспечительной меры необходимо принять во внимание следующее.

Часть 3 ст. 115 УПК РФ допускает наложение ареста на имущество третьих лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

КС РФ подчеркивал, что указанный механизм представляет собой меру процессуального принуждения, которая в числе прочего может быть использована в целях защиты субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления²⁴³. Одновременно с отмеченным возможность ареста имущества в рамках предварительного расследования не означает допущения подмены частноправовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-правовыми средствами²⁴⁴. При этом на лиц, имущество которых предположительно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, имущественная ответственность не возлагается, они не выступают в качестве гражданских ответчиков²⁴⁵.

Показательно следующее дело: в ходе расследования уголовного дела в отношении бенефициара банка было установлено, что после банкротства банка Б. Г. Б. реализовал принадлежащее ему, а также его доверенным лицам и родственникам имущество, которым владел, третьим лицам с целью исключения дальнейшей возможности обращения на него взыскания в части обеспечения гражданского иска. Удовлетворяя ходатайство об аресте, суд указал, что владельцы имущества не представили надлежащие и достоверные доказательства, подтверждающие, что они являются добросовестными приобретателями имущества. Суд пришел к выводу о том, что владельцем упомянутого имущества является Б. Г. Б., а не юридические собственники. Впоследствии приговором Замоскворецкого районного суда г. Москвы Б. Г. Б. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 ст. 33, частью 4 ст. 160, частью 3 ст. 33, частью 2 ст. 201, частью 3 ст. 33, частью 2 ст. 201 УК РФ. Указанным приговором за банком признано право на удовлетворение гражданского иска и вопрос о размере возмещения гражданского иска передан для рассмотрения в порядке гражданского

---

²⁴³ См.: постановление КС РФ от 31.01.2011 № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁴ См.: постановления КС РФ от 25.03.2008 № 6-П, от 26.02.2010 № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁵ См.: постановление КС РФ от 21.10.2014 № 25-П // СПС «КонсультантПлюс».

судопроизводства. Наложенный на имущество третьих лиц арест оставлен до разрешения гражданского иска, а также взыскания штрафа²⁴⁶.

В последующем в рамках дела о банкротстве бенефициара банка соответствующие сделки с номинальными собственниками были успешно оспорены, в судебных актах присутствовали ссылки на доказательства номинальной собственности, установленные в уголовном судопроизводстве.

Анализ подобных дел позволяет констатировать, что арест, наложенный на имущество номинального собственника по правилам ч. 3 ст. 115 УПК РФ, выполняет две функции: с одной стороны, имеет место обеспечительная мера, направленная на сохранение существующего состояния отношений (статус-кво), с другой стороны, материалы, собранные для целей вынесения постановлений об аресте (протоколы допросов, протоколы выемки), используются в качестве дополнительных доказательств, подтверждающих доводы заявителей о номинальной собственности, или вовсе вскрывают факты наличия у должника данных фигур.

Вместе с тем за уголовно-правовым арестом нередко следует процесс обращения взыскания на имущество номинальных собственников в целях возмещения вреда потерпевшему кредитору. В частности, из ст. 299 УПК РФ вытекает, что при постановлении приговора суд в числе прочего разрешает вопрос о судьбе имущества, на которое наложен арест для целей обеспечения гражданского иска. В данном случае возможна ситуация, когда имущество, оформленное на номинального собственника и арестованное в рамках уголовного дела, в последующем реализуется с целью возмещения вреда конкретному кредитору (который признан потерпевшим и гражданским истцом). Например, в рамках одного из дел, рассмотренных АС Московской области, установлено следующее: вступившим в законную силу приговором суда ряд лиц признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного частью 4 ст. 159 УК РФ, удовлетворен гражданский иск о

---

²⁴⁶ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.11.2020 по делу № 88-23404/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

возмещении имущественного вреда, причиненного потерпевшему, взыскано 230 000 000 руб. Наложено арест на денежные средства общества. Потерпевший обратился с заявлением об исключении денежных средств в размере 230 000 000 руб. из конкурсной массы общества. Арбитражный суд, принимая во внимание, что общество «являлось “фирмой-однодневкой”, используемой для преступных целей и совершения мошеннических действий в отношении потерпевших», заявление удовлетворил, денежные средства в указанном размере исключены из конкурсной массы общества²⁴⁷.

В аналогичном деле, дошедшем до ВС РФ, суд также удовлетворил заявление об исключении имущества из конкурсной массы должника, поскольку «вступившим в законную силу судебным актом определен порядок реализации данного имущества: оно не может быть использовано для достижения целей, не связанных с обращением взыскания в пользу фонда в рамках одного конкретного исполнительного производства, что препятствует реализации данного имущества по общим правилам в процедуре банкротства общества»²⁴⁸.

И. М. Шевченко, комментируя последнее дело, пишет: для того, чтобы признавать имущество третьего лица имуществом обвиняемого, следует предъявлять отдельный иск от первого к последнему; ситуации, при которых соответствующие вопросы решаются посредством заявления пристава-исполнителя о разрешении ему обратиться взыскание на имущество, представляются спорными²⁴⁹.

В развитие высказанной позиции отметим следующее.

К реализации кредитором своих прав в рамках уголовного судопроизводства не возникает вопросов до тех пор, пока сохраняющаяся обеспечительная мера, принятая в рамках уголовного дела, не препятствует

---

²⁴⁷ Определение АС Московской области от 16.09.2024 по делу № А41-15848/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁸ Определение ВС РФ от 20.04.2022 № 308-ЭС21-26679 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁹ Шевченко И. М. Банкротное право и уголовный процесс... С. 148.

реализации прав иных кредиторов, которые не являются потерпевшими и гражданскими истцами. Как отмечает С. А. Карелина специфика правового регулирования отношений несостоятельности находит свое выражение во взаимодействии частноправовых и публично-правовых интересов и средств²⁵⁰. В. Ф. Попондопуло также отмечает, что указанные отношения носят комплексный характер, регулируются нормами материального (частного и публичного) и процессуального права²⁵¹.

По этой причине, если речь не идет о конфискации имущества номинальных собственников в пользу государства (ст. 104.1 УК РФ) или удовлетворении вещного притязания потерпевшего (например, когда вещь потерпевшего была украдена и отчуждена в пользу номинального собственника), кредитору после наложения ареста следует доказывать факт номинальной собственности в рамках отдельного производства (признавать право собственности или оспаривать сделку, но не изымать актив в свою пользу, основываясь на одном лишь постановлении о наложении ареста).

В целом видится разумной модель поведения, при которой один кредитор в рамках уголовного дела собирает доказательства номинальной собственности, раскрывает эту информацию иным кредиторам (финансовому управляющему должника), а последующие мероприятия реализуются уже в рамках дела о банкротстве должника с соблюдением принципа равенства кредиторов.

Резюмируя вышеизложенное, наиболее эффективным способом защиты прав кредиторов против скоординированных действий должника и номинального собственника следует считать иск о признании ничтожной сделки, на основании которой актив стал собственностью номинального собственника, недействительной.

---

²⁵⁰ Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 13.

²⁵¹ Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде. СПб.: Юрид. центр Пресс. 2004. С. 61.

Проблема соотношения интересов кредиторов должника и номинального собственника.

Обратной стороной использования должником номинальных собственников является потенциальная возможность нарушения прав и законных интересов третьих лиц, не являющихся кредиторами должника. Среди возможных аспектов рассматриваемых практик заслуживает внимания проблема обеспечения баланса интересов кредиторов действительного и номинального собственников в случае возбуждения процедуры банкротства в отношении указанных субъектов. Данный вопрос является актуальным даже для правопорядков, которым известен институт доверительной собственности. Например, С. А. Сеницын применительно к подобным случаям подчеркивает, что «не до конца ясным остается вопрос о том, чьи кредиторы (фидуцианта или фидуциара) могут полагаться на вхождение этого имущества в конкурсную массу, обеспечивающую их собственный интерес»²⁵².

К сожалению, в судебной практике соответствующие случаи столкновения интересов кредиторов должника и номинального собственника на данный момент не нашли отчетливого проявления. В научной литературе по указанному вопросу позиции являются единичными. Например, И. С. Чупрунов, приводя в пример подходы итальянского и французского законодателей, отдает предпочтение последнему и отмечает, что отечественный правопорядок мог бы принять в качестве примера модель, при которой кредиторы, обладающие вещным обеспечением в виде предмета симулятивной сделки, получают первоочередное удовлетворение. Автор также обсуждает возможность предъявления деликтного иска лицами, полагавшимися на симулятивную сделку²⁵³.

---

²⁵² Сеницын С. А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование : монография. М. : Юриспруденция, 2015. С. 175.

²⁵³ Чупрунов И. С. Симулятивные сделки. Часть 1. С. 171–173.

С. С. Галкин считает, что при банкротстве должника и номинального собственника интересы кредиторов последнего должны иметь меньший вес, однако их ожидания могут быть защищены путем предъявления деликтного требования к конкурсной массе должника²⁵⁴.

Отправной точкой рассуждений следует признать пункт 1 ст. 213.25 Закона о банкротстве, согласно которому в конкурсную массу включается все имущество должника, имеющееся на дату принятия решения о признании его банкротом, а также выявленное после указанной даты. В случае процедуры банкротства действительного собственника данное правило не встречает на своем пути особых затруднений.

Вместе с тем при банкротстве номинального собственника возможны следующие варианты столкновения интересов его кредиторов, должника и кредиторов должника.

В силу отмеченного выше положения п. 1 ст. 213.25 Закона о банкротстве имущество, которое числится на номинальном собственнике, включается в конкурсную массу и реализуется для целей удовлетворения требований его кредиторов. В свою очередь, при столкновении интересов кредиторов номинального собственника и интересов действительного собственника можно сделать следующие допущения: между действительным собственником (не пребывающим в состоянии имущественного кризиса и не имеющим задолженности перед своими кредиторами) и кредиторами номинального собственника следует отдать предпочтение последним.

Данное мнение основано на следующем: во-первых, интерес действительного собственника состоит в возврате актива, который он изначально вверил номинальному собственнику с целью, например, обмана своих кредиторов, минимизации рисков предпринимательской деятельности или обхода антикоррупционного законодательства. Во-вторых, кредиторы номинального собственника добросовестно полагались на имущественное

---

²⁵⁴ Галкин С. С. Оспаривание оснований номинальной собственности как правовое средство восстановления баланса интересов в банкротстве. С. 39.

положение своего должника (номинального собственника) и не могли, будучи независимыми участниками гражданского оборота, предполагать о существовании иного лица, реально владеющего объектом. Например, при рассмотрении перспектив возбуждения дела о банкротстве кредитор полагался на данные из ЕГРН и только потому нес расходы на финансирование процедуры. В-третьих, в данном случае не приходится говорить о нарушении прав кредиторов действительного собственника, поскольку последний (в рамках предложенной фабулы) не находится в состоянии имущественного кризиса и не имеет задолженности перед первыми. Поэтому мы предлагаем исходить из того, что кредиторы номинального собственника вправе рассчитывать на удовлетворение своих требований в рамках дела о его банкротстве за счет реализации спорного имущества вне зависимости от возражений действительного собственника (в какой бы форме они ни были представлены суду). Даже допуская вероятность того, что действительный собственник может заявить о своих притязаниях в деле о банкротстве номинального собственника, следует исходить из отсутствия у него правовых оснований для возврата актива. Так, заявление действительного собственника о признании сделки ничтожной не должно иметь правового значения для кредиторов номинального собственника в силу положений п. 5 ст. 166 ГК РФ. В таком случае суд, рассматривая требование действительного собственника, конвалидирует сделку в интересах кредиторов номинального собственника, поскольку только они в данной ситуации являются добросовестными. Обратный подход необоснованно поощрял бы недобросовестное поведение действительного собственника.

Второй типовой ситуацией представляется та, при которой сначала открывается процедура реализации имущества в отношении номинального собственника, а чуть позднее — в отношении действительного.

При разрешении вопроса о соотношении интересов кредиторов необходимо исходить из следующего: поскольку на чаше весов с обеих сторон имеют место права и законные интересы обманутых кредиторов, мы отвергаем

любое решение, которое будет приводить к удовлетворению требований только одной группы кредиторов.

В силу формального предписания п. 1 ст. 213.25 Закона о банкротстве имущество номинального собственника включается в его конкурсную массу. В таком случае за кредиторами действительного собственника остается право на предъявление заявления о признании сделки между действительным и номинальным собственниками ничтожной в рамках дела о банкротстве первого (например, в случае признания сделки номинального собственника по приобретению недвижимости притворной по субъектному составу). Соответственно, при наличии судебного акта спорный актив возвращается в конкурсную массу действительного собственника (наиболее подходящим разъяснением в таком случае выступит абзац 7 п. 29.5 Постановления № 63). С требованием о возврате имущества в конкурсную массу действительного собственника его кредиторы вправе обратиться с даты возбуждения соответствующего обособленного спора, до рассмотрения которого реализация спорного актива в рамках конкурсной массы номинального собственника приостанавливается (по ходатайству кредиторов действительного собственника).

Что же остается кредиторам номинального собственника, которые ожидали удовлетворения своих требований от реализации спорного актива? В данной ситуации следует рассмотреть возможность предоставления кредиторам номинального собственника права на предъявление иска о возмещении вреда, причиненного совместными действиями действительного и номинального собственников (ст. 1080 ГК РФ). Полагаем, что условиями для удовлетворения такого иска будут наличие вступившего в законную силу судебного акта о признании ничтожной сделки по приобретению актива номинальным собственником и факт изъятия имущества из конкурсной массы указанного лица.

Наконец, третьей ситуацией выступает та, при которой процедура несостоятельности возбуждена в отношении номинального собственника, в то

время как в отношении действительного ранее аналогичная процедура была завершена.

Допустим, в 2015 г. гражданин А., опасаясь рисков предстоящего банкротства, регистрирует вновь приобретенное недвижимое имущество на имя своего одноклассника — гражданина Б. В 2017 г. в отношении гражданина А. возбуждается процедура несостоятельности, по окончании которой к нему успешно применяются положения об освобождении от дальнейшего исполнения обязательств перед кредиторами. В 2019 г. спорное имущество, ранее находившееся в формальной собственности гражданина Б., регистрируется на супругу гражданина А. по сделке на нерыночных условиях или без равноценного встречного предоставления. В 2022 г. в отношении гражданина Б. вводится процедура реализации имущества и его финансовым управляющим направляется заявление об оспаривании сделки по отчуждению имущества гражданином Б. в пользу супруги гражданина А. В рамках соответствующего обособленного спора устанавливаются также обстоятельства приобретения должником спорного имущества, а именно факт того, что должник являлся лишь номинальным собственником.

В свою очередь, кредиторы гражданина А., заинтересовавшись спорным имуществом, направляют заявление о пересмотре определения о завершении процедуры реализации имущества.

В результате мы опять имеем стечение двух групп интересантов: с одной стороны кредиторы номинального собственника, добросовестно полагавшиеся на данные о его имущественном положении, с другой — кредиторы действительного, только что узнавшие о наличии фигуры номинального собственника. Здесь снова встает вопрос о том, в чью конкурсную массу будет включен спорный актив.

Если вести речь с позиции кредиторов номинального собственника, то имеет место подозрительная сделка, в результате которой им был причинен вред. Заключая сделки с номинальным собственником, они полагались в том числе на сведения о числящемся на нем имуществе. В данной ситуации было

бы неоправданным шагом возлагать на кредиторов бремя опровержения знания о наличии фигуры действительного собственника, стоящего за номинальным. Однако с позиции кредиторов действительного собственника имеет место сложноструктурированная сделка, направленная на сокрытие имущества должника (действительный собственник — номинальный собственник — супруга действительного собственника). По существу, имущество никогда не переходило во владение номинального собственника или супруги действительного, с 2015 г. наиболее полным господством над вещью обладал именно действительный собственник.

В данном случае видится возможным применить решение, изложенное к описанной выше ситуации поочередного возбуждения дел о банкротстве номинального и действительного собственников.

Таким образом, при разрешении проблемы соотношения интересов кредиторов действительного и номинального собственников необходимо исходить из следующего:

1) если процедура банкротства возбуждается в отношении номинального собственника, его кредиторы не должны быть связаны притязаниями действительного собственника (в какой бы форме они ни были заявлены), который не пребывает в состоянии имущественного кризиса;

2) в случае поочередного открытия процедур банкротства номинального и действительного собственников кредиторы последнего, воспользовавшись правом на предъявление заявления о признании сделки ничтожной, могут заявить о своих притязаниях в деле номинального собственника и в последующем изъять актив из его конкурсной массы;

3) при изъятии имущества номинального собственника в конкурсную массу действительного предлагается рассмотреть возможность оставления за кредиторами номинального собственника права на предъявление к действительному собственнику требования о возмещении вреда, причиненного его совместными с номинальным собственником действиями (ст. 1080 ГК РФ).

В целом оправданно дальнейшее обсуждение проблемы соблюдения баланса прав и законных интересов кредиторов действительного и номинального собственников. Не исключено, что в ближайшем будущем перед арбитражными судами может также встать вопрос о соприкосновении конкурсной массы действительного собственника с требованиями, вытекающими из семейных или наследственных отношений номинального собственника.

2.3. Применение исковой давности к заявлениям о признании недействительными сделок с номинальными собственниками

С учетом предложенного выше способа защиты прав кредиторов от скоординированных действий должника и номинального собственника следует рассмотреть проблему применения правил об исковой давности к таким искам.

Указанная проблема является наиболее спорной в контексте применения 10-летнего объективного срока исковой давности. Например, при ответе на вопрос: «Является ли законным и обоснованным отказ суда в оспаривании сделки с номинальным собственником по причине пропуска 10-летнего срока исковой давности?» — около 60 % опрошенных нами специалистов допустили отказ в его применении, как следствие, они считают возможным признавать подобные сделки (совершенные за пределами 10-летнего срока) недействительными.

Наиболее отчетливо данная проблема возникла при обсуждении дела Г. Б. Балаяна, рассмотренного ВС РФ.

Фабула дела заключается в следующем: в рамках дела о банкротстве Г. Б. Балаяна, являющегося бенефициаром ОАО «Первый республиканский банк» (далее — Банк)²⁵⁵, финансовый управляющий обратился с заявлением о

---

²⁵⁵ Вступившим в законную силу определением АС г. Москвы от 11.01.2022 по делу № А40-71548/2014 признано установленным наличие основания для привлечения

признании притворным по субъектному составу договора купли-продажи недвижимости, заключенного родственницей должника в 2001 г.²⁵⁶ Факт номинальной собственности был подтвержден следующими обстоятельствами: номинальный собственник — жена брата должника; номинальный собственник не проживает в приобретенной квартире; оригинал свидетельства права собственности на объект недвижимости и оспариваемый договор находились в квартире должника. Кроме того, вступившим в законную силу судебным актом по гражданскому делу было установлено, что номинальный собственник является доверенным лицом должника, а действительным владельцем спорного имущества выступает должник. По результатам рассмотрения доводов сторон суды удовлетворили заявленные требования.

Постановлением АС Московского округа от 04.07.2023 судебные акты судов нижестоящих инстанций оставлены без изменения. При отклонении довода должника о пропуске срока исковой давности суд кассационной инстанции указал, что «кассатор не учитывает правовую позицию, изложенную в постановлении Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 № 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16, согласно которой при разрешении вопроса о сроке исковой давности по заявлению ответчика, в действиях которого имеются признаки злоупотребления правом, следует учитывать, что в применении срока исковой давности может быть отказано судом в качестве санкции за злоупотребление правом. Действия должника, как обоснованно указано судами, признакам добросовестности явно не соответствуют».

ВС РФ с позицией суда округа не согласился, по результатам рассмотрения судебные акты нижестоящих инстанций были отменены, в удовлетворении заявления финансового управляющего отказано.

указанного лица к субсидиарной ответственности. Определением от 12.02.2024 обозначен размер субсидиарной ответственности, превышающий 26 млрд руб.

²⁵⁶ Постановление АС Московского округа от 04.07.2023 по делу № А40-32986/2019.

Лейтмотивом судебного акта Экономколлегии выступили рассуждения об исковой давности. ВС РФ со ссылкой на позицию КС РФ²⁵⁷ подчеркнул значимость определения границ исковой давности для стабильности гражданского оборота в целом. Согласно подходу Экономколлегии срок исковой давности по требованию о применении последствий недействительности ничтожной сделки стоило исчислять с момента начала исполнения спорного договора купли-продажи, а не с момента осведомленности финансового управляющего. В обоснование данного подхода ВС РФ привел ссылку на изменения в ст. 181 ГК РФ, внесенные федеральными законами от 21.07.2005 № 109-ФЗ²⁵⁸ и от 07.05.2013 № 100-ФЗ²⁵⁹.

Указанное определение стало толчком для обсуждения вопроса применения срока исковой давности по искам к номинальным собственникам, разделив юридическое сообщество на два лагеря.

Первая группа авторов отмечала ошибочность подхода ВС РФ к делу, упрекая Экономколлегию в отсутствии указаний на то, что по искам о признании исковая давность не течет²⁶⁰. Данный подход в целом основывается на позиции, согласно которой иски о признании не подвергаются давности (в отличие от исков о присуждении)²⁶¹. Другая группа авторов, напротив,

---

²⁵⁷ См.: постановление КС РФ от 15.02.2016 № 3-П // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁸ Федеральный закон от 21.07.2005 № 109-ФЗ «О внесении изменения в статью 181 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁹ Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁰ См.: пост И. С. Чупрунова // URL: <https://t.me/lapartitaitaliana/23> (дата обращения: 24.06.2024) ; пост Р. С. Бевзенко // URL: <https://t.me/loaderfromSVO/1970> (дата обращения: 20.03.2025).

²⁶¹ См.: *Гордон В. М.* Иски о признании (часть первая) // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 177–251 ; *Каранетов А. Г.* Топ-10 недостатков общего регулирования сделок в ГК РФ // Цивилистика. 2024. № 6. С. 171.

поддержала недопустимость обхода правил об объективном 10-летнем сроке исковой давности (М. Церковников²⁶², Д. О. Османова²⁶³).

Мы разделяем подход первой группы исследователей, однако считаем возможным рассмотреть вариант решения под другим углом — через призму отказа в защите права на возражение о пропуске срока исковой давности по причине злоупотребления правом.

Наша позиция по данному вопросу сводится к следующему.

Оценивая обоснованность применения правила об объективном 10-летнем сроке исковой давности к сделкам с номинальными собственниками, нужно обратиться к предназначению института исковой давности.

По указанию дореволюционного цивилиста И. Е. Энгельмана, «давность есть способ погашения иска, положительно возникшего вследствие непредъявления его в течение определенного срока», при этом в отличие от судебных сроков «при исковой давности право на иск погашается потому, что против нарушения его в течение определенного времени не прибегли к судебной защите»²⁶⁴. Как справедливо отмечает А. А. Павлов, в основе исковой давности лежат три принципиальных соображения: защита интересов кредиторов, должника и публичных интересов²⁶⁵.

КС РФ указывает, что интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота предопределяют введение в правовое регулирование норм, блокирующих судебное разрешение имущественного спора по существу, если другая сторона обратилась за защитой своих прав

---

²⁶² По мнению указанного автора, «если “иск о признании сделки” касается недействительности ничтожной сделки, которая исполнена, то он задавнивается прямо по букве пункта 1 статьи 181 ГК РФ. Говорить обратное — это все равно, что сказать на черное белое» (Пост М. Церковникова // URL: <https://t.me/tserkovnikov/447> (дата обращения: 24.06.2024)).

²⁶³ Османова Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 5. С. 144–161.

²⁶⁴ Энгельман И. Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. СПб. : Сенатская типография, 1901. С. 308.

²⁶⁵ Павлов А. А. Два вопроса о давности: о чем сказал и о чем умолчал Верховный Суд // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2016. № 3. С. 81–95.

спустя значительное время после того, как ей стало известно о том, что ее права оказались нарушенными.

Таким образом, правила об исковой давности, с одной стороны, ориентируют ответчика на то, что по прошествии определенного законом срока к нему не будут предъявлены требования третьих лиц, с другой — дисциплинируют истца относительно того, что для защиты нарушенного права необходимо своевременно принимать меры по поиску доказательств и обращению за судебной защитой.

Применительно к вопросам недействительности сделок стоит учитывать особенности исчисления срока исковой давности, которые отличны от предусмотренных в ст. 200 ГК РФ. С момента введения в действие ст. 181 ГК РФ течение срока исковой давности отсчитывалось с начала исполнения сделки. Именно этим правилом руководствовалась Экономколлегия, указывая, что судам нижестоящих инстанций срок исковой давности следовало исчислять с момента начала исполнения спорного договора купли-продажи (20 ноября 2001 г.).

Действительно, если отталкиваться от формальных предписаний п. 2 ст. 2 Федерального закона от 21.07.2005 № 109-ФЗ, в соответствии с которым трехлетний срок исковой давности применяется к требованиям, ранее установленный срок давности по которым не истек, получается, что по состоянию на 2005 г. срок исковой давности был уже пропущен.

Следует признать, что буквальное толкование приведенных правил о пропуске срока исковой давности может рассматриваться в качестве верного, не допускающего расширительного толкования при рассмотрении дел судами в будущем. Возможно, именно в целях поддержания стабильности гражданского оборота Экономколлегия не стала концентрировать внимание на отношениях должника с номинальным собственником.

Вместе с тем фактические обстоятельства конкретного дела, как никогда лучше иллюстрирующие явление номинальной собственности, позволяют сделать следующие замечания.

Важной деталью выступает тот факт, что предъявленные кредиторами требования к должнику возникли в 2010 г.²⁶⁶, о наличии оспариваемого договора стало известно позднее, в ходе проведения предварительного расследования (возможно, при отсутствии следственных действий кредиторы могли и не узнать о фигуре номинального собственника вовсе). Поскольку действовавшие на момент вступления кредиторов в отношения с должником нормы ГК РФ не содержали правил об исчислении исковой давности с момента их осведомленности²⁶⁷, формально кредиторы пропустили срок на оспаривание сделки. Только в 2013 г. статья 181 ГК РФ была дополнена положениями, которые применялись к требованиям, срок исковой давности по которым еще не был пропущен²⁶⁸. Фактически кредиторами пропущен срок исковой давности не по причине их пассивного поведения в вопросе сбора доказательств и определения надлежащего ответчика, а вследствие объективных факторов: существенного сокращения срока исковой давности и отсутствия правила ее исчисления с момента осведомленности заинтересованного лица до 2013 г.

Подобное положение дел представляется несправедливым, поскольку имеет место существенное расхождение даты совершения притворной сделки и момента обнаружения кредиторами обстоятельств, свидетельствующих о наличии у должника иного имущества, оформленного на имя третьих лиц.

---

²⁶⁶ Данный факт следует из определения о передаче дела для рассмотрения в судебном заседании Экономколлегии от 24.01.2024.

²⁶⁷ На данную несправедливость указывал С. В. Сарбаш, по мнению которого «для третьих лиц его [трехлетний срок исковой давности] целесообразно изменить, взяв за основу начала его течения правило, изложенное в п. 2 ст. 181 ГК РФ. В результате регулирование могло бы выглядеть следующим образом: иск о признании сделки недействительной может быть предъявлен лицами, не являющимися стороной по сделке, в течение трех лет со дня, когда истец узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной» (Сарбаш С. В. Проблемы сокращения сроков исковой давности // ЭЖ-Юрист. 2005. № 37).

²⁶⁸ Пункт 9 ст. 3 Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ.

Как видится, с учетом обстоятельств дела имелась возможность отказа в применении срока исковой давности, что, собственно, и было сделано судами нижестоящих инстанций.

Пункт 2 ст. 10 ГК РФ предоставляет суду возможность отказать лицу в защите принадлежащего ему права, если его действия являются заведомо недобросовестным осуществлением гражданских прав. В контексте применения данной санкции к институту исковой давности нельзя не сослаться на позицию А. Г. Карапетова о том, что «с учетом колоссального значения исковой давности и ее предельно формального характера такое применение ст. 10 ГК РФ может допускаться в самых исключительных случаях»²⁶⁹.

Один из примеров таких исключений был представлен в постановлении Президиума ВАС РФ, на которое сослались суды нижестоящих инстанций. В указанном деле при рассмотрении виндикационного иска было отклонено возражение о пропуске срока исковой давности, поскольку обращение общества (первоначальный собственник) в суд стало возможным только после последовательного оспаривания всех совершенных в результате злоупотребления генеральным директором сделок и принудительного прекращения его полномочий.

Несмотря на то что данная позиция не была сформирована при разрешении вопросов конкурсного оспаривания, впоследствии арбитражные суды ссылались на нее при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве)²⁷⁰.

---

²⁶⁹ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 844.

²⁷⁰ Постановления АС Восточно-Сибирского округа от 02.07.2020 № Ф02-2095/2020, Ф02-2362/2020, Ф02-2363/2020, Ф02-2364/2020 по делу № А33-29905/2016, АС Московского округа от 26.01.2024 № Ф05-13592/2020 по делу № А40-32986/2019, АС Дальневосточного округа от 05.02.2024 № Ф03-6580/2023 по делу № А73-6881/2016, АС Поволжского округа от 19.07.2022 № Ф06-11637/2021 по делу № А12-12216/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что действия лица, направленные на заблаговременное перераспределение активов на имя третьих лиц, могут дополнить условный перечень исключений применения п. 2 ст. 10 ГК РФ с учетом указанных выше положений (см. § 2.2 диссертации). В частности, на примере рассматриваемого дела прослеживается следующая совокупность фактических обстоятельств, свидетельствующих о явном злоупотреблении правом: поведение должника было заведомо недобросовестным по отношению ко всем своим кредиторам (как тем, которые имели место на момент совершения сделки, так и тем, которые появились позднее). Вступая в отношения с кредиторами, должник уже опосредованно владел имуществом, которое в силу формальной регистрации на имя третьего лица было защищено от обращения взыскания. Подобное поведение должника не ограничивалось одним объектом, поскольку из карточки дела о банкротстве следует, что аналогичные сделки по приобретению активов имели место с рядом других фактически аффилированных лиц²⁷¹. Помимо отмеченного, в определении ВС РФ дается ссылка на вступивший в законную силу приговор, из которого явствует, что акции кредитной организации были оформлены на доверенных и подконтрольных по отношению к должнику лиц, через которых он осуществлял фактический контроль над банком. Таким образом, формальная регистрация активов на имя третьих лиц носила системный характер, что свидетельствует о прямом умысле на причинение вреда кредиторам (как личным, так и кредиторам контролируемого должником общества).

Номинальный собственник выступал соучастником недобросовестных действий должника. Из текста определения следует, что номинальный собственник — жена брата должника, совместно со своими детьми проживает по иному адресу, оригинал свидетельства о праве собственности и оспариваемый договор были обнаружены в квартире должника в ходе

---

²⁷¹ См.: определения ВС РФ от 30.03.2022 № 305-ЭС20-20127(4,5), от 24.10.2022 № 305-ЭС20-20127, от 28.12.2022 № 305-ЭС20-20127(9,10), от 19.01.2023 № 305-ЭС20-20127, от 22.03.2023 № 305-ЭС20-20127(15) // СПС «КонсультантПлюс».

проведения предварительного расследования. Мы можем заблуждаться относительно фактических обстоятельств дела, но анализ данных обстоятельств в совокупности показывает отсутствие у номинального собственника интереса в сохранении за собой владения спорным объектом. Подобное поведение номинального собственника не может быть признано добросовестным, поскольку, будучи доверенным по отношению к должнику лицом, он не мог не знать о наличии у должника умысла на сокрытие актива.

Права кредиторов должника были нарушены сначала в момент вступления с ним в отношения (в части состава имущественной массы, которой должник будет отвечать по принятыми на себя обязательствам), позже — в момент наступления его неплатежеспособности, когда выяснилось, что имущества должника явно недостаточно для погашения требований кредиторов. Негативное последствие заведомо недобросовестного поведения должника выразилось в неудовлетворении требований кредиторов банка на сумму, превышающую 26 млрд руб. Обобщая изложенное, можно сказать, что должником созданы существенные препятствия для обращения взыскания на ликвидное имущество путем сокрытия информации о составе имущественной массы и надлежащих ответчиках, к которым могут быть предъявлены требования кредиторов.

Следовательно, возражение о пропуске срока исковой давности было направлено не на обеспечение интересов независимого участника гражданского оборота (каковым не является номинальный собственник), а на сохранение фактического владения объектами за должником.

По этой причине представляется ошибочным вывод ВС РФ о том, что «заявление о применении исковой давности не может быть квалифицировано как злоупотребление правом».

На наш взгляд, в исключительных случаях, когда имеет место описанный выше юридический состав, заявление о пропуске срока исковой давности может быть квалифицировано как злоупотребление правом.

По вышеуказанным причинам мы не можем согласиться с позицией Д. О. Османовой, которая утверждает, что «не совсем уместными видятся возражения о том, что применительно к процедуре банкротства невозможность кредиторов обратить взыскание на какое-то имущество должника приводит к существенному нарушению интересов последних, а значит, должна открывать возможности, недоступные в любом ином споре, например игнорирование правил применения исковой давности. Логичен вопрос: чем процедура банкротства важнее иных правоотношений, в которых подобные идеи не звучат?»²⁷².

Действительно, при рассмотрении дел о банкротстве перед судами встает вопрос о соотношении права кредиторов на удовлетворение своих требований и прав и законных интересов иных лиц (в том числе должника). Как отмечал КС РФ, институт банкротства ставит своей целью обеспечение прав и законных интересов противоположных сторон²⁷³. По нашему мнению, отступление от основной цели процедуры банкротства (соразмерное удовлетворение требований кредиторов) должно быть мотивировано наличием соразмерной для правопорядка ценности (например, права членов семьи должника на учет их интересов при реализации и распределении конкурсной массы).

В рассматриваемом деле непогашенным требованиям кредиторов кредитной организации противопоставляется интерес должника в сохранении за собой опосредованного владения активом (прикрытый возражением номинального собственника). Как видится, если третье лицо в течение длительного времени не было заинтересовано в реализации своих прав собственника (иными словами, признавало господство должника над вещью), принимало участие в заблаговременном уводе актива должника из-под обращения взыскания со стороны кредиторов и его поведение не является

---

²⁷² Османова Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? С. 155.

²⁷³ См.: постановления КС РФ от 19.12.2005 № 12-П, от 18.11.2019 № 36-П, от 03.02.2022 № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

безупречным, то любые его возражения не подлежат принятию к сведению, тем более не могут быть приравнены к требованиям кредиторов и противопоставлены им.

Кроме того, процедура банкротства не ставится во главу иных правоотношений, в которых такие идеи не звучат. Концепция отказа в защите злоупотребления правом находит отклик в корпоративном праве (на примере института исключения участника из общества), в процессуальном праве (на примере заведомо противоречивого процессуального поведения).

Выводы по второй главе диссертационного исследования.

По результатам исследования явления номинальной собственности приведем краткие выводы настоящей главы.

Под номинальным собственником предлагается понимать лицо, которое на основании нераскрытой третьим лицам доверительной сделки с должником принимает на себя обязательство по приобретению за счет последнего объекта гражданских прав на свое имя, не имея при этом намерения реализовывать права и обязанности, вытекающие из принадлежности актива, в своей воле и своем интересе.

Доктриной и судебной практикой ВС РФ и судов кассационных инстанций подчеркивается, что в большинстве случаев на роль номинальных собственников избираются лица, пользующиеся доверием со стороны должника и нередко наряду с этим финансово от него зависимые.

В рамках дела о банкротстве должника шаги финансового управляющего и кредиторов по противодействию номинальным собственникам должны включать два этапа.

На первом этапе осуществляются мероприятия по выявлению номинальных собственников и принадлежащего им имущества путем истребования сведений о лицах, связанных с должником отношениями родства (свойства), и анализа иной информации, относящейся к должнику (данные о транспортных средствах, к управлению которыми допущен последний; сведения из социальных сетей и пр.). После определения

номинального собственника и спорного актива необходимо запросить обеспечительные меры.

На втором этапе следует поставить перед судом вопрос о принадлежности спорного актива должнику. По нашему мнению, наиболее эффективным способом защиты прав кредиторов выступает иск о признании ничтожной сделки, на основании которой актив был зарегистрирован на имя номинального собственника, недействительной.

В таком случае оспариванию будет подлежать сделка (цепочка взаимосвязанных сделок), направленная на отчуждение (приобретение) актива в пользу номинального собственника. Подобную сделку (цепочку взаимосвязанных сделок) предлагается рассматривать как совершенную со злоупотреблением правом (ст. 10 и 168 ГК РФ).

Встречающиеся в судебной практике и научной литературе альтернативные иски к номинальным собственникам мы считаем не выдерживающими конкуренции (на предмет эффективности и разработанности) с заявлением о признании сделки недействительной.

Отдельного внимания заслуживают уголовно-правовые инструменты, используемые кредиторами должника, за которыми признано право на удовлетворение гражданского иска. В данной части полагаем, что при возбуждении дела о банкротстве действия таких кредиторов должны быть реализованы с соблюдением принципа равенства кредиторов. В случае преимущественного удовлетворения требований кредитора — гражданского истца за счет имущества номинального собственника за кредиторами, не получившими удовлетворения, следует оставить право на оспаривание такой сделки или право на предъявление иска о взыскании убытков.

В вопросе применения правил об исковой давности к заявлениям о признании недействительной сделки должника с номинальным собственником мы разделяем позицию о возможности (в исключительных случаях) отказа в применении исковой давности по причине злоупотребления правом. При всей значимости института исковой давности заявление

номинального собственника о применении исковой давности не подлежит защите, поскольку за ним стоит интерес должника в сохранении за собой фактического господства над вещью в целях извлечения преимущества из недобросовестного поведения (сговора) номинального собственника и должника.

При разрешении проблемы соотношения интересов кредиторов действительного и номинального собственников полагаем возможным исходить из следующего: если процедура банкротства возбуждается в отношении номинального собственника, его кредиторы не должны быть связаны притязаниями действительного собственника (в какой бы форме они ни были заявлены), который не пребывает в состоянии имущественного кризиса. В случае поочередного открытия процедур банкротства номинального и действительного собственников кредиторы последнего, воспользовавшись правом на предъявление заявления о признании сделки ничтожной, могут заявить о своих притязаниях в деле номинального собственника и в последующем изъять актив из его конкурсной массы. При изъятии имущества номинального собственника в конкурсную массу действительного собственника предлагается рассмотреть возможность оставления за кредиторами номинального собственника права на предъявление к действительному собственнику требования о возмещении вреда, причиненного его совместными с номинальным собственником действиями (ст. 1080 ГК РФ).

ГЛАВА 3. НОМИНАЛЬНЫЕ КОНТРОЛИРУЮЩИЕ ЛИЦА

3.1. Понятие, признаки и цели использования номинального контролирующего лица

Фигура контролирующего должника лица является ключевой при рассмотрении деятельности юридического лица в период, предшествовавший банкротству. Во многом эффективность проведения мероприятий в рамках реабилитационной или ликвидационной процедуры банкротства зависит от предшествующих действий руководства и собственников юридического лица и их сотрудничества с кредиторами и арбитражным управляющим.

Применительно к стадии возникновения у компании признаков имущественного кризиса ориентирующими можно признать рекомендации четвертой части Руководства ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности²⁷⁴. В них подчеркивается, что лица, ответственные за принятие решений должника, обязаны принимать меры, направленные на оценку текущего финансового положения компании, корректировать методы управления с учетом интересов кредиторов, отказываться от заключения вредоносных сделок, проводить переговоры с кредиторами о добровольной реструктуризации долга и т.д. В случае невозможности выхода из кризиса руководство должника (в самом широком его понимании) обязано принять меры по возбуждению дела о несостоятельности (рекомендация № 256).

Отечественный законодатель аналогичным образом указывает, что на стадии возникновения первых признаков неплатежеспособности на директора и учредителя возлагается бремя принятия решения о направлении заявления о признании должника банкротом, составления и воплощения в жизнь плана

---

²⁷⁴ Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/insolvency/legislativeguides/insolvency_law (дата обращения: 06.01.2025).

выхода из кризиса. Так, статьей 9 Закона о банкротстве предусмотрены порядок и условия, при которых руководитель должника или его учредитель обязаны обратиться с заявлением о признании банкротом. В пункте 9 Постановления № 53 указывается, что после возникновения признаков неплатежеспособности руководителем может быть выработан экономически обоснованный план выхода из кризиса.

При проведении мероприятий в ходе первой процедуры банкротства от открытости руководства суду и арбитражному управляющему зависит принятие дальнейшего решения о направленности всего процесса (либо конкурсное производство, либо внешнее управление и постепенный выход из кризиса). В частности, пунктом 3.2 ст. 64 Закона о банкротстве предусмотрена обязанность передачи документации временному управляющему для целей подготовки финансового анализа, а статьей 69 Закона о банкротстве установлены ограничения на действия контролирующих лиц после введения процедуры наблюдения.

Обновленные в 2017 г. основания привлечения к субсидиарной ответственности и введенные презумпции доведения до банкротства предоставили суду и кредиторам возможность подробно оценить действия руководства и собственников на предмет их добросовестности и разумности. Тем самым «обыденное» понимание юридического лица, когда оно рассматривается как способ достижения прибыли при минимальных издержках, кануло в Лету. Как справедливо отмечает В. А. Лаптев, соответствующими поправками были скорректированы подходы к конструкции «ограниченной ответственности» в целом²⁷⁵.

Таким образом, на сегодняшний день контролирующие лица стали центральными фигурами процедур банкротства. И если раньше основной целью кредиторов являлась реализация имущества должника, то теперь их

---

²⁷⁵ *Лаптев В. А.* Рецессия правовой конструкции «ограниченная ответственность» членов коммерческих корпораций // Государство и право. 2020. № 9. С. 70.

интересы сфокусированы на контролирующих лицах и сделках, совершенных под их контролем.

Указанные изменения и повышение внимания к ранее действовавшим нормам заставляют руководство и собственников компаний принимать меры, направленные на минимизацию рисков привлечения к субсидиарной ответственности.

Одни лица ведут более осознанную политику управления рисками, избегают конфликта интересов при заключении сделок, привлекают внешних профессиональных менеджеров для корректировки системы управления; на стадии возникновения признаков неплатежеспособности разрабатывают антикризисный план, о чем извещают кредиторов; при введении процедур банкротства активно сотрудничают с судом и арбитражным управляющим. Данную поведенческую модель менеджмента и собственников бизнеса можно критиковать за ее «идеальность» или «недостижимость», однако с некоторыми допущениями следует признать, что при соблюдении указанного минимального стандарта разумного и добросовестного поведения суды отказывают в привлечении к субсидиарной ответственности (либо такой спор может не возбуждаться вовсе).

Другие контролирующие лица в целях минимизации рисков привлечения к субсидиарной ответственности используют номинальных контролирующих лиц, которым и будет уделено внимание в данной части работы.

При рассмотрении указанных участников процедуры банкротства следует раскрыть их сущностные черты и дать определение.

Гражданское законодательство не оперирует категориями «номинальное контролирующее лицо», «номинальный директор», «номинальный участник» или «номинальный акционер». В свою очередь, пункт 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве лишь упоминает признаки «формальности» и «номинальности» исполнения роли единоличного исполнительного органа или участника.

Анализ взаимосвязанных положений гл. III.2 Закона о банкротстве позволяет вывести понятие и признаки номинального контролирующего лица от обратного, поскольку упомянутые субъекты фактически противопоставляются «истинным» контролирующим лицам. Так, пункт 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве определяет контролирующее лицо как лицо, имевшее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Р. Т. Мифтахутдинов отмечает, что «главным критерием является именно влияние на формирование воли должника по совершению действий, нарушивших права кредиторов»²⁷⁶. Ряд других авторов также сходятся во мнении, что ключевым признаком контролирующего лица выступает именно наличие фактической возможности контроля²⁷⁷ или же «возможность определять действия» в самом широком понимании²⁷⁸.

В данной части следует констатировать, что фактически Закон о банкротстве при определении контролирующего лица делает акцент не на формальном, а на фактическом (экономическом) контроле.

В контексте последнего нельзя не привести позицию И. С. Шиткиной, которая, разделяя корпоративный и экономический контроль, отмечает, что «контроль — это системное, комплексное воздействие контролирующего лица на хозяйственную деятельность подконтрольного лица, а не только на отдельные вопросы компетенции органов управления этого лица. Определять

---

²⁷⁶ Мифтахутдинов Р. Т. Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 33–37.

²⁷⁷ См.: Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica. 2018. № 12 (145). С. 20 ; Шиткина И. С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. 2017. № 8. С. 13.; Николаев А. Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 13.

²⁷⁸ Покровский С. С. Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. С. 129.

решения — значит иметь экономическое господство, своей волей замещать волю другого лица»²⁷⁹.

Некоторые авторы критикуют подобную формулировку и отмечают, что законодатель отходит от юридической связи к фактической, чем размывает критерии определения лиц, ответственных за доведение должника до банкротства²⁸⁰.

Мы склонны согласиться с подходом первой группы исследователей в той части, в которой «истинным» контролирующим лицом является то, которое наделено как формальными, так и неформальными инструментами управления обществом, позволяющими принимать ключевые решения, влияющие на его судьбу.

Номинальные контролирующие лица выступают прямой противоположностью указанным выше лицам, обладающим как корпоративным, так и экономическим контролем. Противопоставление номинальных контролирующих лиц иным лицам подчеркивается ВС РФ. Например, Экономколлегия указала, что «наличие у юридического лица номинального руководителя, формально входящего в состав его органов, но не осуществляющего фактическое управление, не является основанием для освобождения от ответственности фактического руководителя». Тем самым было закреплено негласное правило о том, что при выявлении признаков номинального директора необходимо определить фигуру фактического²⁸¹. В данной связи нельзя не сослаться на позицию С. А. Карелиной, которая подчеркивает, что в группах компаний помимо бенефициаров следует

---

²⁷⁹ *Шиткина И. С.* Принцип ограниченной ответственности юридических лиц и его преодоление в российском праве // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Международной научно-практической конференции. Донецк: Изд-во ФЛП Кириенко С. Г., 2019. С. 14.

²⁸⁰ *Долинская В. В.* Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 9–15.

²⁸¹ Определение ВС РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС22-27062 // СПС «КонсультантПлюс».

выделять фактических руководителей (которые управляют текущей (ежедневной) деятельностью компании) и номинальных руководителей, т.е. можно говорить о трехзвенной структуре управления группами компаний²⁸².

Как и другие номинальные участники процедур банкротства, номинальные контролирующие лица используются в качестве средства для того, чтобы обезопасить выгодоприобретателей от негативных последствий принимаемых по их воле недобросовестных управленческих решений, влекущих несостоятельность должника. Как отмечает С. А. Сеницын, вывод активов из банков осуществляется в том числе созданием теневого менеджмента, который руководит номинальными органами управления²⁸³.

В литературе также встречается точка зрения о том, что целью использования номинальных контролирующих лиц является введение в заблуждение сторонних участников оборота и контролирующих органов²⁸⁴.

Из пункта 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве можно вывести, что номинальным контролирующим лицом признается директор или участник общества, который не оказывал определяющего влияния на деятельность последнего.

В процитированном положении отражена *внутренняя (сущностная)* характеристика номинальных контролирующих лиц, состоящая в том, что они не имели цели создания юридического лица, осуществления полномочий его участника, директора или главного бухгалтера²⁸⁵.

---

²⁸² Карелина С. А. Группа компаний в банкротном праве. С. 288.

²⁸³ Сеницын С. А. Правовые средства предупреждения и противодействия вывода активов российскими банками: вопросы совершенствования законодательства // Предпринимательское право. 2018. № 1.

²⁸⁴ Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ; Морхат П. М. Ответственность лица, признаваемого скрытым бенефициаром компании.

²⁸⁵ В силу подп. 3 п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве возможность определять действия должника может достигаться путем замещения должностей главного бухгалтера или финансового директора. С учетом отмеченного положения не стоит исключать вероятность назначения номинального главного бухгалтера с целью минимизации рисков привлечения к ответственности иного лица, руководящего операционной деятельностью

Указанная внутренняя характеристика номинального контролирующего лица имеет существенное значение при разрешении вопроса о привлечении его к субсидиарной ответственности, поскольку при признании ответчика таковым благодаря проверке соответствия данной характеристике устанавливается (предполагается), что:

- наряду с формальным руководителем (участником) существует иное лицо, допущенное к управлению и контролю за должником;
- иное лицо являлось инициатором сделок и иных действий, причинивших вред имущественным правам кредиторов.

Вместе с тем проблема номинальных контролирующих лиц при банкротстве состоит в сложности выявления указанной выше внутренней характеристики. Например, то обстоятельство, что фраздаторные сделки были подписаны лицом по доверенности с широкими полномочиями, может быть установлено только после передачи документации и завершения ее анализа. В равной степени наличие бенефициара может быть установлено только после получения доступа к электронной почте должника или финансовым операциям номинального директора.

По этой причине наряду с внутренней характеристикой необходимо выделить *внешние признаки (маркеры)* номинального контролирующего лица.

В течение нескольких лет в судебной практике активно развивалась идея о том, что основной признак указанных фигур — отсутствие у них постоянного места работы, профессионального образования и опыта в конкретной области деятельности.

В одном из судебных актов кассационной инстанции достаточно емко сформулированы требования к номинальному руководителю со стороны выгодоприобретателей: «Нанимая номинального директора для “руководства” компанией, создатели последней вполне определенно требуют от первого

должника. Далее позицию автора следует рассматривать как применимую к номинальным главным бухгалтерам, финансовым директорам и пр.

приличный внешний вид и изредка присутствие на встречах с партнерами или в госучреждениях»²⁸⁶.

В другом деле при признании учредителя и руководителя компании номинальным суды учли, что ответчик имел неоднократные судимости с отбыванием наказания в местах лишения свободы, являлся руководителем в компаниях, не ведущих реальной хозяйственной деятельности²⁸⁷.

В вопросе внешних признаков номинального директора показательное дело ООО «Абсолют», рассмотренное ВС РФ, в котором кредиторы в подтверждение довода о номинальности руководителя ссылались на совокупность обстоятельств:

- 1) лицо стало руководителем должника в период, когда в отношении основной компании группы было подано заявление о признании ее банкротом;
- 2) на момент своего назначения лицо было зарегистрировано в другом городе и не имело какого-либо управленческого опыта;
- 3) в течение семи лет, предшествовавших назначению на должность, номинальный руководитель нигде не работал;
- 4) должник не выплачивал номинальному руководителю заработную плату и не оплачивал за него страховые взносы;
- 5) после освобождения от должности руководителя лицо получало пособие по безработице;
- 6) в арбитражных судах номинального руководителя и выгодоприобретателя представляло одно и то же лицо²⁸⁸.

ВС РФ указанную совокупность обстоятельств посчитал достаточной для признания директора номинальным, поскольку им отдельно была

---

²⁸⁶ Постановление АС Московского округа от 26.03.2021 по делу № А40-208852/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁷ Постановление АС Центрального округа от 25.12.2024 по делу № А68-13998/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁸ Определение ВС РФ от 23.01.2023 № 305-ЭС21-18249(2,3) // СПС «КонсультантПлюс».

отмечена ошибочность отклонения судами нижестоящих инстанций данного довода заявителей.

В контексте признаков номинального руководителя в упомянутом деле заслуживает внимания попытка руководителя доказать свою самостоятельность с помощью *нотариально удостоверенного заявления*. В документе утверждалось, что именно он является реальным директором должника, а спорные документы хранились лично у него и выгодоприобретателю никогда не передавались. Примечательно, что заявление было оформлено спустя почти год после вынесения определения о наличии оснований для привлечения номинального руководителя к субсидиарной ответственности и приобщено к материалам обособленного спора о привлечении выгодоприобретателя.

В вѣдении ВС РФ такие утверждения не могут стать достаточным опровержением довода о номинальности, «поскольку принятие номинальным директором вины на себя является одним из ключевых условий заранее достигнутых договоренностей с фактическим руководителем».

В этой части стоѣт высказаться относительно доказательственного значения подобного рода заявлений. Согласно ч. 5 ст. 69 АПК РФ обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания.

Впрочем, как отмечает М. З. Шварц, «само по себе обращение к нотариусу не гарантирует сторонам сделки признание их добросовестными в возможных в будущем судебных разбирательствах»²⁸⁹.

Поскольку арбитражный процесс основывается на принципе свободной оценки доказательств, с учетом повышенного стандарта доказывания в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности заявление о наличии статуса реального руководителя, по нашему мнению, не может быть принято во

---

²⁸⁹ Шварц М. З. Принцип добросовестности участников гражданского оборота и удостоверительная деятельность нотариуса (постановка проблемы) // Закон. 2019. № 7. С. 57–64.

внимание судом в качестве доказательства. Обратный подход приводил бы к тому, что нотариусы, удостоверяя заявления номинальных контролирующих лиц, способствовали бы созданию доказательственной базы, усложняющей рассмотрение спора.

Обращение к опыту других правовых порядков показывает, что номинальные контролирующие лица характеризуются сходными критериями.

В докладах Организации экономического сотрудничества и развития отмечается, что использование номинальных директоров (*nominee director*) и номинальных акционеров (*nominee shareholders*) нередко осуществляется с целью сокрытия личности бенефициарного владельца, что в итоге делает информацию о директорах и акционерах, содержащуюся в реестрах, менее полезной²⁹⁰.

В информационных докладах FAFT (в контексте сокрытия бенефициарных владельцев) также указывается, что информация о реальных собственниках скрывается путем регистрации юридических лиц на номинальных акционеров и директоров, которыми могут выступать партнеры бенефициара или члены его семьи. Под номинальным директором FAFT понимает лицо, которое регулярно выполняет функции директора в компании в соответствии с прямыми или косвенными указаниями номинатора (*nominator*), аналогичной привязкой наделяется номинальный акционер. В целом риск использования номинальных контролирующих лиц повышается в непрозрачных корпоративных структурах, представленных несколькими компаниями²⁹¹.

В США задействие номинальных лиц в управлении юридическими лицами может быть проиллюстрировано на примере категорий фиктивного

---

²⁹⁰ Behind the Corporate Veil: Using Corporate Entities for Illicit Purposes // Google.Книги. URL: https://www.google.ru/books/edition/Behind_the_Corporate_Veil_Using_Corporat/7YHYAgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 25.10.2024).

²⁹¹ FATF. Guidance on Beneficial Ownership for Legal Persons // Официальный сайт FAFT. URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/FATFrecommendations/guidance-beneficial-ownership-legalpersons.html> (дата обращения: 25.10.2024).

директора (dummy director) и фиктивного акционера (dummy shareholder). Указанные термины вошли в употребление в 1930-х гг., когда советы директоров многих компаний были заполнены лицами, не имевшими цели независимого управления предприятиями. В 1930-х гг. в Сенате США велась дискуссия по вопросу введения в законодательство о рынке ценных бумаг категории *марионетки* (dummy), под которой предлагалось понимать лицо, которое имеет законное или номинальное право на какую-либо собственность, но находится под моральным или юридическим обязательством признать другого ее владельцем²⁹².

Резюмируя изложенное, признаки номинального контролирующего лица можно условно разделить на две группы:

- 1) сущностные признаки, характеризующие формальность занятия ответчиком должности руководителя или участника должника (допускается существование фигуры номинального главного бухгалтера);
- 2) внешние маркеры, характеризующие личность ответчика (образование, уровень дохода, финансовая зависимость от бенефициаров должника и пр.).

При разрешении вопроса о субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц указанные признаки следует рассматривать в совокупности. Избирательное применение отдельных критериев не является оправданным, что подчеркивается в судебной практике. Например, в одном из дел руководитель должника обосновывал свой статус номинального руководителя, ссылаясь на территориальное удаление от места нахождения должника, в силу чего не имел объективной возможности осуществлять оперативное управление должником. По результатам рассмотрения спора суд отверг данные доводы, поскольку само по себе проживание в другом регионе

---

²⁹² *Loftus C. Carson II The Liability of Controlling Persons Under the Federal Securities Acts*, 72 Notre Dame L. Rev. 263 (1997). P. 272.

не является препятствием для осуществления функций единоличного исполнительного органа²⁹³.

Соответственно, под номинальными контролирующими лицами следует понимать лиц, которых используют конечные бенефициары компаний (групп компаний) для целей минимизации рисков привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника и которые не имеют цели и возможности оказывать влияние на ключевые управленческие решения. Номинальными контролирующими лицами могут быть признаны руководитель, участник (учредитель) юридического лица или главный бухгалтер.

Основной проблемой, связанной с номинальными контролирующими лицами, является проблема их выявления в рамках дела о банкротстве, ведь в процессе обычной хозяйственной деятельности номинальные директора или участники не раскрывают своего реального статуса иным участникам оборота. Разрешение данной проблемы выступает первоочередной задачей для коллективного сообщества кредиторов. По этой причине ими совместно с арбитражным управляющим должен приниматься комплекс мер, направленных на проверку контролирующего лица на предмет наличия у него признаков номинального участника (директора) и последующее установление данного факта при рассмотрении спора о привлечении к субсидиарной ответственности.

Закон о банкротстве и разъяснения ВС РФ не дают прямого ответа на вопрос о порядке действий кредиторов и арбитражного управляющего для целей разрешения указанной проблемы. По этой причине нами предлагается комплекс мероприятий, состоящий из предварительной проверки и основного процесса доказывания номинальности.

Предварительная проверка директора или участника на предмет его номинальности может включать:

---

²⁹³ Определение АС Владимирской области от 27.12.2024 по делу № А11-14792/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

— проверку лица на предмет «массовости» его участия в других юридических лицах (в особенности если часть таких обществ была исключена из Единого государственного реестра юридических лиц) в качестве директора или участника. Например, суд округа направил на новое рассмотрение вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности одного из контролирующих лиц, поскольку судами нижестоящих инстанций не была дана оценка доводам конкурсного управляющего о номинальности ответчика (участие в 14 юридических лицах, 13 из которых исключены из ЕГРЮЛ; отсутствие имущества и проживание на территории иностранного государства)²⁹⁴;

— соотнесение даты возбуждения дела о банкротстве и даты назначения лица на должность директора или приобретения им доли в уставном капитале юридического лица. В данном случае следует допускать, что чем короче срок между этими событиями, тем выше вероятность того, что контролирующее лицо является номинальным;

— анализ полученных в ходе процедуры наблюдения материалов налоговых проверок, уголовных дел, корпоративных споров, раскрывающих систему управления должником. Как отмечалось выше, в материалах уголовного дела могут содержаться протоколы допросов об обстоятельствах приобретения доли, указания третьих лиц, формально не связанных с должником. При проведении налоговых проверок нередко устанавливается признак «массовости» директора, что также может облегчить процесс доказывания в последующем;

— получение персональной информации в отношении контролирующего лица (сведения об адресе регистрации, доходах, имуществе и родственниках). Руководствуясь правом на направление запросов о контролирующих лицах²⁹⁵, арбитражный управляющий может во внесудебном

---

²⁹⁴ Постановление АС Поволжского округа от 04.03.2025 по делу № А55-30387/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁵ В связи с систематическими отказами государственных органов в предоставлении сведений арбитражным управляющим в мае 2024 г. в ст. 20.3 Закона о банкротстве внесены

порядке получить и проанализировать информацию о контролирующем лице. Так, если сведения о доходах и имуществе потенциального ответчика не соотносятся с масштабами деятельности должника, вероятность номинальности возрастает;

— анализ сделок должника, совершенных в предбанкротный период, а также учредительных документов и корпоративных договоров;

— оценку поведения контролирующих лиц в период рассмотрения обоснованности заявления о признании должника банкротом и после введения наблюдения. Так, пассивное поведение директора на стадии рассмотрения и принятия решения о введении банкротства, игнорирование требований временного управляющего о предоставлении документации для проведения финансового анализа могут быть обусловлены не столько нежеланием лица сотрудничать с судом и управляющим, сколько невозможностью самостоятельно раскрыть запрашиваемую информацию и предоставить документацию, что также позволяет выдвигать предположения о номинальности.

По нашему мнению, указанную информацию следует учитывать в совокупности при подготовке заявления о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Основной этап доказывания номинальности контролирующего лица осуществляется при рассмотрении спора о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

На стадии судебного исследования кредиторам и конкурсному управляющему, помимо указания оснований для привлечения номинального контролирующего лица к субсидиарной ответственности, важно апеллировать к доводу о номинальности ответчика и необходимости раскрытия фигуры конечного бенефициара.

изменения, которые отдельно допускают получение информации «без предварительного обращения в арбитражный суд» (Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ).

Отмеченная цель может быть достигнута путем переложения бремени доказывания номинальности на ответчика (если он не согласен с подобным утверждением), вызова ответчика в судебное заседание для дачи пояснений об обстоятельствах управления должником и принятия ключевых решений.

Таким образом, проблема номинальных контролирующих лиц при банкротстве может быть разрешена при активном поведении кредиторов и арбитражного управляющего с учетом предложенного выше комплекса предварительных и основных мероприятий.

3.2. Определение размера ответственности номинальных контролирующих лиц

С учетом специфики номинальных контролирующих лиц, выражающейся в том, что номинальные участники в некотором смысле являются лишь «средством» в руках бенефициаров компаний (групп компаний) и в ряде случаев не осознают юридическую ценность их подписи в учредительных документах и (или) сделках, которые впоследствии причиняют вред имущественным правам кредиторов, вопрос освобождения от ответственности или уменьшения ее размера является наиболее спорным и требует детального анализа.

Ниже предлагаем рассмотреть следующие вопросы:

- Какова роль номинальных контролирующих лиц в совершении деликта по отношению к кредиторам?
- Допустимо ли и при каких условиях освобождать номинальных контролирующих лиц от субсидиарной ответственности?
- Если номинальные контролирующие лица вправе рассчитывать исключительно на уменьшение размера ответственности, то каковы условия такого уменьшения и в каком соотношении должен быть уменьшен размер ответственности?

Ответ на первый вопрос выводится из природы субсидиарной ответственности при банкротстве и роли номинального контролирующего лица в причинении вреда имущественным правам кредиторов.

ВС РФ в п. 2 Постановления № 53 указал, что при рассмотрении споров о привлечении к субсидиарной ответственности наряду с положениями Закона о банкротстве подлежат применению нормы ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

В последующих определениях ВС РФ специально оговаривал, что субсидиарная ответственность контролирующую организацию лиц по своей природе является деликтной и представляет собой обязательство такого лица из причинения вреда имущественным правам кредиторов, возникшего в результате его неправомерных действий (бездействия), которые выходят за пределы обычного делового риска, стали необходимой причиной банкротства должника и привели к невозможности удовлетворения требований кредиторов²⁹⁶.

В научной литературе позиции относительно природы субсидиарной ответственности несколько различаются.

До внесения поправок в Закон о банкротстве в совместной работе А. В. Егоров и К. А. Усачева подчеркивали деликтный характер ответственности²⁹⁷.

По мнению А. В. Егорова, высказанному в более свежей публикации, субсидиарная ответственность за доведение до банкротства представляет собой специальный вид деликта, основанный на совершении умышленных

---

²⁹⁶ Определения ВС РФ от 27.12.2021 № 308-ЭС17-15907(7), от 27.11.2023 № 305-ЭС18-6680(28-30) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁷ Егоров А. В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61.

действий в ущерб кредиторам путем вторжения в чужие обязательственные отношения²⁹⁸.

О. В. Гутников рассматривает институт субсидиарной ответственности в отношении обязательств юридических лиц перед кредиторами как включающий в себя три разных правовых явления:

- 1) особое обязательство с множественностью лиц на стороне должника;
- 2) особое «обеспечительное» обязательство;
- 3) субсидиарную ответственность за неправомерное поведение субсидиарного должника, вызвавшее банкротство.

Последний вид ответственности, по мнению О. В. Гутникова, «представляет собой особого рода деликт, по которому субсидиарный должник причиняет вред кредиторам основного должника, являясь причиной неисполнения или ненадлежащего исполнения основным должником своих обязательств перед кредиторами»²⁹⁹. По мнению указанного автора, ответственность контролирующих лиц при банкротстве носит специальный, корпоративный характер, поскольку в данном случае речь идет о причинении вреда действиями (бездействием), совершенными контролирующими лицами в процессе управления должником, т.е. о разновидности корпоративной ответственности, применяемой в условиях недостаточности имущества должника³⁰⁰. При этом О. В. Гутников солидаризируется с А. В. Егоровым в том, что такая ответственность должна наступать лишь за умышленные действия, направленные на причинение вреда имущественным правам кредиторов.

---

²⁹⁸ Егоров А. В. Субсидиарная ответственность по долгам юридического лица: концептуальные вопросы // Цивилистика. 2024. № 3. С. 94.

²⁹⁹ Гутников О. В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 26 ; Он же. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 72.

³⁰⁰ Гутников О. В. Привлечение к ответственности контролирующих лиц несостоятельного должника: современные подходы // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 7. С. 45–62.

Рассмотрение субсидиарной ответственности в качестве разновидности деликтной стало преобладающим в науке³⁰¹. Однако некоторые авторы придерживаются иной позиции. Например, Д. В. Ломакин и О. И. Гентовт полагают, что субсидиарная ответственность не может быть отождествлена с деликтной, напротив, она «представляет собой самостоятельный подвид ответственности за не деликтные правонарушения»³⁰².

Е. Д. Суворов считает, что субсидиарная ответственность не является видом деликтной, а представляет собой «последствие отказа в защите принципа ограниченной ответственности в связи со злоупотреблением им»³⁰³.

Мы склонны согласиться с преобладающей точкой зрения о том, что субсидиарная ответственность несет в себе черты деликтной ответственности.

В таком случае следует определить роль номинального контролирующего лица в совершении деликта.

Ответ на данный вопрос частично дается в п. 22 Постановления № 53, из которого следует, что в целях квалификации действий контролирующих должника лиц как совместных могут быть учтены согласованность, скоординированность и направленность этих действий на реализацию общего для всех намерения, т.е. может быть принято во внимание *соучастие в любой форме, в том числе соисполнительство, пособничество* и т.д.

---

³⁰¹ См.: Карелина С. А. Субсидиарная ответственность в механизме защиты прав и законных интересов участников отношений несостоятельности: современные тренды // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 10–18; Евтеев К. И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 13; Петухов С. В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 15; Покровский С. С. Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства. С. 207; Сеницын С. А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 62.

³⁰² Ломакин Д. В., Гентовт О. И. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. № 1 (468). С. 38.

³⁰³ Суворов Е. Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 42–49.

Р. Т. Мифтахутдинов также отмечает, что нововведениями в Законе о банкротстве «законодатель закрепляет *институт соучастия* в совершении гражданского деликта»³⁰⁴.

Д. О. Османова, В. А. Попов и С. В. Юрьев подчеркивают, что видами соучастников в субсидиарной ответственности являются организатор, исполнитель и пособник, соответственно, при определении размера ответственности организатор отвечает в полном объеме, в то время как ответственность исполнителя и пособника может быть ограничена размером причиненного ими ущерба³⁰⁵.

По нашему мнению, использование указанных категорий из уголовного права в данном случае позволяет без выработки новых категорий обратиться к видам соучастия, установленным уголовным законом, и отграничить роль ответчика (в нашем случае — номинального контролирующего лица)³⁰⁶.

Среди опрошенных нами специалистов около 60 % полагают, что номинальное контролирующее лицо является пособником гражданского правонарушения; исполнителем его признают 27 % опрошенных.

Номинальное контролирующее лицо в силу отмеченных выше характеристик не может быть признано организатором, поскольку таковым выступает лицо, наделенное реальным контролем над юридическим лицом. В равной степени номинальное контролирующее лицо не подпадает под признаки подстрекателя.

Наиболее подходящими представляются категории соисполнителя и пособника. Перекладывая положения ст. 33 УК РФ в плоскость гражданского

---

³⁰⁴ Мифтахутдинов Р. Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы. С. 189.

³⁰⁵ Османова Д. О., Попов В. А., Юрьев С. В. Ключевые аспекты применения института соучастия при разрешении споров о привлечении к субсидиарной ответственности в банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 3. С. 32–37.

³⁰⁶ Подробно о применении категории соучастия применительно к положениям ч. 1 ст. 1080 ГК РФ см.: Громов А. А., Тололаева Н. В. Обязательственное и договорное право : курс лекций. М., : Статут, 2025. С. 122-128.

правонарушения, можно сделать вывод, что исполнитель понимается как лицо, непосредственно совершившее деликт в одиночку или с другими лицами, в то время как пособник содействует совершению деликта советами, устранением препятствий или заранее обещает скрыть исполнителя и обстоятельства совершения деликта.

При конкуренции между указанными категориями следует сделать выбор в пользу первой — соисполнителя. В случае доведения должника до банкротства номинальное контролирующее лицо совершает действия по одобрению (подписанию) сделок, причинивших вред имущественным правам кредиторов, не передает документацию временному управляющему и т.д. При неподаче заявления оно уклоняется от своевременного возбуждения дела о банкротстве. Таким образом, номинальное контролирующее лицо является соучастником гражданского правонарушения. Следовательно, по общему правилу оно несет солидарную ответственность с иными лицами, причинившими вред имущественным правам кредиторов, и вопрос об освобождении его от ответственности решается наряду с вопросом о невиновности иных лиц, поскольку предполагается скоординированность их действий. Например, если банкротство должника было вызвано финансовым кризисом или иными внешними факторами, номинальное контролирующее лицо не будет нести субсидиарную ответственность.

Вместе с тем специальной нормой Закона о банкротстве введена возможность освобождения от субсидиарной ответственности или уменьшения ее размера, что с учетом типичных характеристик данного вида ответчиков не может не получить поддержки.

В частности, из п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве следует, что арбитражный суд вправе уменьшить размер субсидиарной ответственности или полностью освободить от нее привлекаемое лицо, если оно докажет, что при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица оно фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществляло функции органа управления

номинально), и если благодаря предоставленным этим лицом сведениям установлено фактически контролировавшее должника лицо.

Среди опрошенных нами специалистов около 58 % полагают, что освобождение номинальных контролирующих лиц от субсидиарной ответственности является оправданным при условии активного содействия изобличению действий конечных бенефициаров.

Анализ правоприменения данной нормы позволяет поднять сразу несколько проблем.

Первая проблема заключается в отсутствии четких критериев разграничения освобождения от субсидиарной ответственности и уменьшения ее размера. С одной стороны, положения Закона о банкротстве допускают освобождение от субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц. С другой стороны, в судебной практике отчетливо прослеживается тенденция к исключительности освобождения от ответственности, замещению ее уменьшением размера или, что бывает чаще, констатации солидарной ответственности номинального контролирующего лица и фактического директора или бенефициара.

В 2017 г., после внесения поправок в Закон о банкротстве и принятия Постановления № 53, вопрос освобождения контролирующих лиц от субсидиарной ответственности рассматривался лишь в общих чертах. Применительно к номинальным контролирующим лицам в п. 6 Постановления № 53 содержалось только указание на уменьшение размера ответственности, без детализации оснований освобождения от нее номинального контролирующего лица.

К сожалению, в последующем уточнения к данному положению внесены не были, напротив, была продолжен курс на солидарный характер ответственности номинального и фактического контролирующих лиц. Так, в 2023 г. ВС РФ рассмотрел два дела, в которых осветил фигуру номинального контролирующего лица.

В деле ООО «Абсолют» сделан акцент на солидарной ответственности фактического и номинального директоров, а именно указано, что *«первые — поскольку в результате именно их виновных действий стало невозможным погасить требования кредиторов, вторые — поскольку они своим поведением содействовали сокрытию личности действительных правонарушителей»*.

Как было отмечено выше, в данном деле номинальные контролирующие лица рассмотрены *исключительно в негативной коннотации*.

В деле АО «Военно-промышленный банк» разъяснения п. 6 Постановления № 53 также истолкованы в том смысле, что «номинальный характер руководства может только лишь служить основанием для снижения размера ответственности»³⁰⁷.

В ряде судебных актов судов кассационных инстанций можно встретить позицию, согласно которой сам по себе номинальный статус контролирующего лица (пусть и доказанный документально) не является основанием для освобождения от ответственности³⁰⁸. Например, суд округа указал, что «аргумент ответчиков о том, что они не являлись контролировавшими должника лицами, в связи с чем не подлежали привлечению к субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве общества, не может быть принят во внимание. Вопреки позиции ответчиков закон не предусматривает возможности освобождения от субсидиарной ответственности номинальных руководителей общества»³⁰⁹.

Таким образом, фактически маятник качнулся в сторону уменьшения ответственности и исключительности (невозможности) освобождения номинального контролирующего лица от субсидиарной ответственности.

³⁰⁷ Определение ВС РФ от 27.11.2023 № 305-ЭС18-6680(28-30).

³⁰⁸ См.: постановления АС Поволжского округа от 18.02.2025 по делу № А72-8389/2019, АС Северо-Кавказского округа от 23.01.2025 по делу № А63-16728/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁹ Постановление АС Волго-Вятского округа от 02.08.2023 № Ф01-3078/2023 по делу № А82-6093/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

На наш взгляд, отсутствие критериев разграничения освобождения от ответственности и уменьшения размера субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц нарушает баланс интересов, отдавая преимущество кредиторам.

Второй проблемой выступает отсутствие четкого инструментария уменьшения размера ответственности.

Даже если придерживаться позиции о том, что номинальное контролирующее лицо вправе рассчитывать только на уменьшение размера своей ответственности, то в таком случае также имеет место ряд спорных вопросов.

Ориентирующими следует признать разъяснения п. 29 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом ВС РФ 26 апреля 2023 г., в котором сформулированы следующие условия уменьшения размера субсидиарной ответственности:

- наличие (помимо действий (бездействия) ответчиков) обстоятельств, повлекших неплатежеспособность должника;
- доказанная ответчиком явная несоразмерность причиненного им вреда объему реестра требований кредиторов;
- проявление ответчиком деятельного раскаяния, например погашение вреда в причиненном размере, способствование нахождению имущества должника или иных бенефициаров и т.д.

Указанные условия по отношению к номинальным контролирующим лицам следует рассматривать в совокупности, поскольку их применение по отдельности не учитывает специфику данного вида субсидиарных ответчиков.

Первое условие применимо к номинальному контролирующему лицу в той части, в которой его действия совершались по указанию конечного выгодоприобретателя либо если его бездействие в период совершения фраздаторных сделок директором (как если бы он был номинальным учредителем юридического лица) было обусловлено имущественной зависимостью.

Второе условие применимо в большей степени к ответчикам, занимавшим соответствующую должность непродолжительный период, не охватывающий промежуток совершения значимых для должника сделок. В целом критерий несоразмерности является основанием для переквалификации ответственности из субсидиарной в убытки, на что неоднократно указывал ВС РФ³¹⁰.

В любом случае первые два условия не будут решающими в вопросе о целесообразности уменьшения размера субсидиарной ответственности номинального контролирующего лица.

Как видится, большего внимания заслуживает *категория деятельного раскаяния*, однако и она требует соответствующих оговорок.

Деятельное раскаяние, являющееся дефиницией уголовно-правовой направленности, предполагает осознание лицом факта совершения противоправных действий и стремление загладить причиненный им ущерб³¹¹.

В цивилистической науке данная категория исследуется отдельными авторами. Например, Д. В. Богданов пишет, что освобождение от юридической ответственности допускается при деятельном раскаянии, примирении с потерпевшим или истечении срока давности, каждое из которых носит извинительный характер для правонарушителя. По мнению указанного автора, «обстоятельства, освобождающие от ответственности, свидетельствуют о том, что деяние или правонарушитель потеряли общественную вредность, и поэтому привлечение к ответственности нецелесообразно»³¹².

---

³¹⁰ См.: п. 17 Постановления № 53, допускающий возможность переквалификации требования о привлечении к субсидиарной ответственности в требование о взыскании убытков.

³¹¹ *Благов Е. В.* Об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80). С. 91.

³¹² *Богданов Д. В.* Освобождение от ответственности и ее исключение в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 17.

Применение данной категории к номинальным контролирующим лицам оправданно и сфокусировано на действиях, направленных на заглаживание причиненного ответчиком вреда путем раскрытия недоступной кредиторам информации или активного сотрудничества в иной форме. Например, в деле Военно-промышленного банка, упомянутом выше, в качестве примера для снижения размера субсидиарной ответственности были указаны факты нахождения одного из членов руководства банка на рабочем месте на дату назначения временной администрации и содействия в получении необходимой информации³¹³.

Как пишет О. В. Гутников, в п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве «по существу, речь идет об аналоге “сделки со следствием” в уголовном праве, когда номинальный директор может раскрыть сведения о подлинных владельцах бизнеса и имеющемся у них имуществе в обмен на освобождение или на уменьшение своей ответственности». Отдельно им совершенно справедливо отмечается шаткость положения номинального директора, который не имеет гарантий освобождения от субсидиарной ответственности, и потому такому ответчику в ряде случаев «выгоднее соблюдать условия “теневой” сделки с владельцем компании, чем идти на сделку с судом с непредсказуемым исходом»³¹⁴.

Е. Д. Суворов также полагает, что для уменьшения ответственности номинальному контролирующему лицу «необходимо обеспечить, чтобы информация о фактическом руководителе повлекла компенсацию имущественных потерь кредиторов (материальный аспект)»³¹⁵.

---

³¹³ Определение ВС РФ от 27.11.2023 № 305-ЭС18-6680(28-30).

³¹⁴ Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. М. : ИЗИСП; Контракт, 2019.

³¹⁵ Суворов Е. Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов // Закон. 2018. № 7.

С. А. Карелина подчеркивает, что помимо факта номинальности номинальному контролирующему лицу необходимо «предпринять более существенные меры», перечисленные в Законе о банкротстве³¹⁶.

Оценивая положения Закона о банкротстве в части возможности уменьшения размера или освобождения от субсидиарной ответственности, М. В. Демьянова отмечает, что правила п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве стимулируют номинального руководителя на раскрытие информации о бенефициаре³¹⁷.

В таком случае встает вопрос: насколько применимо и реализуемо деятельное раскаяние со стороны ответчика — номинального контролирующего лица? С одной стороны, если лицо было номинальным директором, но при этом участвовало в деятельности компании (например, будучи до назначения на должность ее рядовым сотрудником), было осведомлено о бенефициаре, основных контрагентах и особенностях организации работы, то задача раскрытия информации будет выполняема. С другой стороны, следует учитывать то обстоятельство, что номинальное контролирующее лицо является номинальным и было выбрано на такую роль именно по причине того, что оно будет лишь исполнять указания (из-за имущественной зависимости или иных факторов).

В судебной практике нередко встречается ситуация, когда лицо лишь подписало учредительные документы и ряд крупных сделок, не будучи осведомленным о деятельности компании, находясь в имущественной зависимости от бенефициара. Например, лицо согласилось за небольшую плату стать учредителем и директором компании, которая впоследствии была признана технической. В подобных случаях номинальные контролирующие лица могут быть и не осведомлены не только о реальных бенефициарах, но и

---

³¹⁶ Карелина С. А. Группа компаний в банкротном праве. С. 237.

³¹⁷ Демьянова М. В. Принцип добросовестности в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 185.

об организации системы управления в целом. Следовательно, реальной возможностью проявить деятельное раскаяние они не обладают.

На наш взгляд, в целях предоставления номинальному контролирующему лицу возможности проявить деятельное раскаяние суд должен по собственной инициативе принимать меры по содействию в собирании доказательств при невозможности выявления фигуры конечного бенефициара, но при явных признаках номинальности ответчика ставить перед кредиторами вопрос о целесообразности привлечения его к субсидиарной ответственности.

Данный подход поддерживается в судебной практике. Например, в одном из дел было указано, что в случаях, когда ответчик по обособленному спору — номинальный руководитель раскрывает личность бенефициара и (или) реального (теневого) руководителя должника, суд первой инстанции должен оказывать ответчику, особенно когда он не имеет профессионального представителя, содействие в получении необходимых доказательств, истребуя их по ходатайству стороны, принимать иные меры для представления лицами, участвующими в деле, доказательств³¹⁸.

Таким образом, из трех указанных ВС РФ условий уменьшения размера субсидиарной ответственности наиболее применимой к номинальным контролирующим лицам является категория деятельного раскаяния, однако и она требует точечного использования с учетом фактических обстоятельств дела.

Описанные условия уменьшения размера субсидиарной ответственности следует дополнить обстоятельствами, вытекающими из особенностей номинальных контролирующих лиц как субсидиарных ответчиков.

В большинстве случаев номинальными директорами и участниками становятся лица без опыта работы, с низким уровнем достатка, нередко

---

³¹⁸ Постановление АС Уральского округа от 01.02.2023 по делу № А50-7748/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

финансово зависимые от бенефициаров должников. Более того, такие лица могут не обладать имуществом, на которое может быть обращено взыскание со стороны кредиторов. Указанные характеристики номинальных контролирующих лиц должны более тщательно учитываться судами при определении размера ответственности.

Допускаем, что номинальное контролирующее лицо вправе рассчитывать на уменьшение размера ответственности, если из обстоятельств дела следует, что:

- 1) ответчик согласился стать директором (участником) должника в силу вынужденных обстоятельств (отсутствие достатка, наличие инвалидности, наличие иных лиц на попечении и т.д.);
- 2) при отсутствии у него опыта предпринимательской деятельности;
- 3) если лицо не являлось выгодоприобретателем активов должника в существенном размере.

Приведенные условия уменьшения ответственности имеют социально-экономическую направленность и зависят от конкретных обстоятельств спора. Вместе с тем при их применении лица, которые использовались бенефициарами в качестве «средства», пострадают в меньшей степени. В свою очередь, кредиторам применение указанных условий также уменьшит издержки, поскольку если у лица нет имущества, достаточного для удовлетворения их требований, и оно раскрыло фигуру бенефициара, то и необходимости в привлечении его к ответственности (без перспектив реального взыскания) нет.

Отмеченная позиция находит частичную поддержку в судебной практике. Например, АС Северо-Кавказского округа отменил постановление суда апелляционной инстанции, которым номинальный руководитель был привлечен к субсидиарной ответственности, указав, что для привлечения номинального директора необходимо *установить согласованность действий*

*номинального руководителя с бенефициарами и доказательства получения выгоды номинальным контролирующим лицом*³¹⁹.

Наконец, после определения условий уменьшения размера ответственности перед судом ставится вопрос о ее конкретной величине, при рассмотрении которого заслуживают внимания два частных аспекта.

Первый аспект связан с разделением момента определения оснований ответственности и установления ее размера. Так, руководствуясь пунктом 7 ст. 61.16 Закона о банкротстве, суды довольно часто принимают определения о доказанности наличия оснований и приостанавливают производство по спору до окончания расчетов с кредиторами, указывая ответчикам, что конкретный размер ответственности с учетом их возражений будет установлен в другом судебном заседании. Вместе с тем при определении размера ответственности (после окончания расчетов с кредиторами) суды подходят формально к вопросу установления размера ответственности и не учитывают обстоятельства, позволяющие его снизить. В контексте отмеченного видится, что контуры размера ответственности номинального контролирующего лица должны быть очерчены в определении о наличии оснований для привлечения.

Другой проблемой является отсутствие инструментария для расчета размера ответственности. Практика судов кассационных инстанций в данном вопросе носит избирательный характер и не отличается единообразием. Так, АС Уральского округа оставил без изменения судебные акты, которыми ответственность номинального руководителя была уменьшена до 5 % от суммы признанных судами недействительными сделок в период его руководства по причине раскрытия им модели управления и ведения бизнеса бенефициарами³²⁰.

---

³¹⁹ Постановление АС Северо-Кавказского округа от 20.12.2024 по делу № А32-35764/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³²⁰ Постановление АС Уральского округа от 29.01.2025 по делу № А60-31963/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Ранее тем же арбитражным судом в другом деле ввиду раскрытия номинальным директором сведений о фактических руководителях был снижен размер субсидиарной ответственности первого до требований текущих кредиторов и 1 % от требований реестровых кредиторов³²¹.

Наконец, имеют место случаи, когда размер ответственности номинального контролирующего лица ограничивается конкретной суммой. Так, в одном из дел с номинального руководителя взыскано 10 000 руб.³²²

Только указанные дела на примере одного округа демонстрируют следующие варианты:

- ограничение размера ответственности процентным соотношением сделок, совершенных в период руководства номинального директора;
- ограничение размером текущих платежей;
- ограничение твердой денежной суммой.

Хаотичность судебной практики обусловлена индивидуальностью каждого обособленного спора. Вместе с тем, на наш взгляд, на уровне ВС РФ целесообразно закрепить критерии уменьшения размера ответственности. Как минимум, если номинальный директор раскрыл фигуру бенефициара и активно сотрудничал с конкурсным управляющим, размер ответственности подлежит *кратному уменьшению*.

В завершение можно подчеркнуть возможность минимизации негативных последствий для номинального контролирующего лица, которое привлечено к субсидиарной ответственности без учета указанных выше признаков. Недавно в п. 58 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом ВС РФ 18 июня 2025 г.) было указано на возможность применения к должнику, ранее привлеченному к субсидиарной ответственности, правила об освобождении от долгов в том случае, если

---

³²¹ Постановление АС Уральского округа от 27.02.2024 по делу № А76-16726/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³²² Постановление АС Уральского округа от 02.02.2023 по делу № А50-22519/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

гражданин не являлся бенефициаром бизнеса, не извлекал имущественную выгоду из убыточных сделок, при одобрении сделок исходил из принятой в обществе модели корпоративного управления, предполагающей выполнение указаний основного контролирующего лица. Вместе с тем автору представляется, что судебное усмотрение здесь должно иметь место на этапе рассмотрения спора о привлечении номинального контролирующего лица к субсидиарной ответственности, а не в рамках дела о его банкротстве.

Выводы по третьей главе диссертационного исследования.

Под номинальными контролирующими лицами предлагается понимать лиц, которые используются конечными бенефициарами компаний (групп компаний) для целей минимизации рисков привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника и которые не имеют цели и возможности оказывать влияние на ключевые управленческие решения.

Признаки номинального контролирующего лица можно условно разделить на две группы:

- 1) сущностные признаки, характеризующие формальность занятия ответчиком должности руководителя или участника должника (допускается существование фигуры номинального главного бухгалтера);
- 2) внешние маркеры, характеризующие личность ответчика (образование, уровень дохода, финансовая зависимость от бенефициаров должника и пр.).

С точки зрения определения роли номинального контролирующего лица в совершении гражданского правонарушения его следует рассматривать в качестве соучастника.

При обсуждении субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц принципиальным является вопрос о целях коллективного сообщества кредиторов и наиболее эффективных средствах, при использовании которых поставленные цели могут быть достигнуты.

По нашему мнению, арбитражный управляющий и кредиторы должны преследовать цель максимального наполнения конкурсной массы, которая не

всегда достигается привлечением к субсидиарной ответственности номинального контролирующего лица, не имеющего имущества для покрытия неудовлетворенных требований кредиторов.

Для достижения указанной цели номинальное контролирующее лицо может оказать содействие в раскрытии структуры управления должником и установлении фигуры конечного бенефициара (его имущества). Следовательно, приоритетом заявителей по спору о привлечении к субсидиарной ответственности должно стать максимальное взаимодействие с ответчиком — номинальным директором (участником). Привлечение к субсидиарной ответственности не должно являться самоцелью, поскольку в большинстве случаев номинальные контролирующие лица не обладают имуществом, на которое может быть обращено взыскание. Сообщество кредиторов должно соблюдать баланс между стремлением «наказать» номинального участника процедуры банкротства и задачей поиска активов, что в целом соотносится с функционалом гражданско-правовой ответственности, направленной на компенсацию причиненного вреда³²³.

В свою очередь, суд, рассматривающий обособленный спор, должен принимать активные шаги по содействию в сборе доказательств, изобличающих фигуру конечного бенефициара, и более тщательно подходить к вопросу освобождения от субсидиарной ответственности или уменьшения ее размера.

К сожалению, искомый баланс интересов нередко склоняется в пользу кредиторов должника, что выражается в исключительности освобождения номинальных контролирующих лиц от субсидиарной ответственности, замене освобождения солидарной ответственностью с иными контролирующими лицами или уменьшением размера ответственности.

---

³²³ Подробнее о целях института гражданско-правовой ответственности см.: *Дерюгина Т. В.* О гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, условиях ее наступления и соотношении с деликтными обязательствами // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 3. С. 62-71.; *Дерюгина Т. В.* К проблеме понятия гражданско-правовой ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 8. С. 82-86.

Законом и судебной практикой не очерчены границы между освобождением от субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц и уменьшением ее размера. Также не детализированы критерии уменьшения размера субсидиарной ответственности. Судебная практика демонстрирует хаотичность и отсутствие четких правил определения размера ответственности номинальных контролирующих лиц.

По причине изложенного следует уточнить имеющийся перечень условий уменьшения размера субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц или освобождения от нее указанием на социально-экономическую характеристику номинального контролирующего лица.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С позиций философского познания использование одним лицом другого в качестве средства для достижения своих целей является недопустимым. Каждая личность обладает совокупностью культурных, социальных и психологических особенностей, их умаление (в любом, даже облеченном в установленную законом форму, виде) препятствует развитию общества в целом.

Из положений Конституции РФ и основных начал гражданского законодательства следует, что осуществление гражданских прав должно происходить при соблюдении принципов добросовестности и недопустимости извлечения преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения.

Одним из проявлений использования одним лицом другого для достижения противоправной или недобросовестной цели следует признать практику привлечения номинальных лиц. Условно обобщающим термином для таких действий является «номинальность». Номинальность не имеет отраслевой привязки, характеризуется как совокупность действий «номинального» лица и конечного выгодоприобретателя, совершаемых под контролем и в интересах последнего, направленных на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели.

Номинальность в банкротстве имеет специфику, определенную историческими предпосылками и предметом права несостоятельности. Она характеризуется совокупностью скоординированных недобросовестных действий номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, совершаемых под контролем последнего, направленных на обеспечение контроля за процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя (выступающего в роли должника) или принадлежащего ему юридического лица и минимизацию негативных последствий несостоятельности.

Генезис правовой квалификации действий должника (контролирующего лица) по формальному дистанцированию от принадлежащего ему актива

позволил выделить следующие виды номинальных участников процедуры банкротства:

- номинальные собственники, целью которых выступает принятие в собственность имущества должника на случай несостоятельности (банкротства);

- номинальные контролирующие лица, целью которых является минимизация рисков привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по обязательствам должника;

- номинальные кредиторы, целью которых выступает конкуренция за активы должника с независимыми кредиторами последнего. Создание и последующее участие номинального кредитора в деле о банкротстве должника существенно осложняет проведение мероприятий в ходе соответствующей процедуры и затягивают дату произведения расчетов с кредиторами;

- номинальные участники торгов при банкротстве.

В работе наиболее детально нами были рассмотрены номинальные собственники и номинальные контролирующие лица.

Под номинальным собственником предлагается понимать лицо, которое на основании нераскрытой третьим лицам доверительной сделки с должником принимает на себя обязательство по приобретению за счет последнего объекта гражданских прав на свое имя, не имея при этом намерения реализовывать права и обязанности, вытекающие из принадлежности актива, в своей воле и своем интересе.

Доктриной и судебной практикой ВС РФ и судов кассационных инстанций подчеркивается, что в большинстве случаев на роль номинальных собственников избираются лица, пользующиеся доверием со стороны должника и нередко наряду с этим финансово от него зависимые.

В рамках дела о банкротстве должника меры, принимаемые финансовым управляющим и кредиторами по противодействию номинальным собственникам, должны включать два этапа.

На первом осуществляются мероприятия по выявлению номинальных собственников и принадлежащего им имущества путем истребования сведений о лицах, связанных с должником отношениями родства (свойства), и анализа иной информации, относящейся к должнику (данные о транспортных средствах, к управлению которыми допущен последний; сведения из социальных сетей и пр.). После определения номинального собственника и спорного актива необходимо запросить у суда обеспечительные меры.

На втором этапе необходимо поставить перед судом вопрос о принадлежности спорного актива должнику. По нашему мнению, наиболее эффективным способом защиты прав кредиторов выступает иск о признании ничтожной сделки, на основании которой актив был зарегистрирован на имя номинального собственника, недействительной.

В таком случае оспариванию будет подлежать сделка (цепочка взаимосвязанных сделок), направленная на отчуждение (приобретение) актива в пользу номинального собственника. Подобную сделку (цепочку взаимосвязанных сделок) предлагается рассматривать как совершенную со злоупотреблением правом (ст. 10 и 168 ГК РФ).

Встречающиеся в судебной практике и научной литературе альтернативные иски к номинальным собственникам мы считаем не выдерживающими конкуренции (на предмет эффективности и разработанности) с заявлением о признании сделки недействительной.

Отдельного внимания заслуживают уголовно-правовые инструменты, используемые кредиторами должника, за которыми признано право на удовлетворение гражданского иска. В данной части полагаем, что при возбуждении дела о банкротстве действия таких кредиторов должны быть реализованы с соблюдением принципа равенства кредиторов. В случае преимущественного удовлетворения требований кредитора — гражданского истца за счет имущества номинального собственника за кредиторами, не получившими удовлетворения, следует оставить право на оспаривание такой сделки или право на предъявление иска о взыскании убытков.

В вопросе применения правил об исковой давности к заявлениям о признании недействительными сделок должника с номинальными собственниками мы разделяем позицию о возможности (в исключительных случаях) отказа в применении исковой давности по причине злоупотребления правом. При всей значимости института исковой давности заявление номинального собственника о применении исковой давности не подлежит защите, поскольку за ним стоит интерес должника в сохранении за собой фактического господства над вещью.

При разрешении проблемы соотношения интересов кредиторов действительного и номинального собственников полагаем возможным исходить из следующего: если процедура банкротства возбуждается в отношении номинального собственника, его кредиторы не должны быть связаны притязаниями действительного собственника (в какой бы форме они ни были заявлены), который не пребывает в состоянии имущественного кризиса. В случае поочередного открытия процедур банкротства номинального и действительного собственников кредиторы последнего, воспользовавшись правом на предъявление заявления о признании сделки ничтожной, могут заявить о своих притязаниях в деле номинального собственника и в последующем изъять актив из его конкурсной массы. При изъятии имущества номинального собственника в конкурсную массу действительного предлагается рассмотреть возможность оставления за кредиторами номинального собственника права на предъявление к действительному собственнику требования о возмещении вреда, причиненного его совместными с номинальным собственником действиями (ст. 1080 ГК РФ).

Под номинальными контролирующими лицами предлагается понимать лиц, используемых конечными бенефициарами компаний (групп компаний) для целей минимизации рисков привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, которые не намерены и не имеют реальной возможности оказывать влияние на ключевые управленческие решения.

Как и другие номинальные участники процедур банкротства, номинальные контролирующие лица используются в качестве средства для того, чтобы обезопасить выгодоприобретателей от негативных последствий принимаемых по их воле недобросовестных управленческих решений, влекущих несостоятельность должника.

К номинальным контролирующим лицам относятся единоличный исполнительный орган, члены коллегиального органа управления, участники (учредители) и главный бухгалтер общества.

Номинальные контролирующие лица противопоставляются «истинным» контролирующим лицам и характеризуются совокупностью двух групп признаков:

- 1) сущностные признаки, отражающие формальность соответствующего статуса ответчика;
- 2) внешние признаки, характеризующие лицо (образование, уровень дохода, финансовая зависимость от бенефициаров должника и пр.).

При разрешении вопроса о субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц указанные признаки следует рассматривать в совокупности. Избирательное применение отдельных критериев не является оправданным.

Первым проблемным аспектом для кредиторов можно назвать сложность выявления номинальных контролирующих лиц. Закон о банкротстве и разъяснения ВС РФ не дают прямого ответа на вопрос о порядке действий кредиторов и арбитражного управляющего для целей разрешения данной проблемы. Нами предложен комплекс мероприятий, состоящий из предварительной проверки и основного процесса доказывания номинальности. На наш взгляд, при реализации указанных мероприятий кредиторам и арбитражному управляющему следует занимать активную роль в собирании доказательств и доказывании номинальности лица, не дожидаясь признания ответчика.

Вторым проблемным аспектом, требующим глубокой проработки, является освобождение номинальных контролирующих лиц от субсидиарной ответственности или уменьшение ее размера.

С одной стороны, номинальное контролирующее лицо выступает соучастником при совершении деликта по отношению к кредиторам должника и (с позиции кредитора) должно нести солидарную ответственность с фактическим директором и конечным выгодоприобретателем.

С другой стороны, в силу специальной нормы (п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве) и специфики указанного вида субсидиарного ответчика к вопросу его субсидиарной ответственности следует подходить более осторожно.

К сожалению, с 2017 г. ни законодателем, ни судебной практикой не дано ответа на вопрос о критериях разграничения освобождения от субсидиарной ответственности и уменьшения ее размера. В судебной практике отчетливо прослеживается тенденция к исключительности освобождения от ответственности, замещению ее уменьшением размера или, что бывает чаще, констатации солидарной ответственности номинального контролирующего лица и фактического директора или бенефициара.

По мнению автора, направление развития судебной практики должно быть прямо противоположным. Предлагается исходить из приоритетности уменьшения размера субсидиарной ответственности, исключительности привлечения к ответственности (особенно при установлении фигур фактического руководителя и бенефициара).

Практика применения арбитражными судами категории деятельного раскаяния свидетельствует о возложении на номинальных контролирующих лиц заведомо повышенного стандарта их номинальности. В частности, суды вместо исследования факторов номинальности требуют от ответчика исчерпывающего раскрытия фигуры конечного бенефициара, прямых доказательств его связанности с должником, игнорируя косвенные.

По причине изложенного следует уточнить имеющийся перечень условий уменьшения размера субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц или освобождения от нее указанием на социально-экономическую характеристику номинального контролирующего лица. В частности, суду при рассмотрении спора в обязательном порядке необходимо: — исследовать вопрос о том, насколько у номинального директора была реальная возможность возразить бенефициару о целесообразности совершения той или иной сделки; — установить фактор осведомленности о деятельности юридического лица; — в целом определить, насколько формальный директор (участник) осознавал возлагаемые на него фидуциарные обязанности перед должником и его кредиторами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные акты и материалы судебной практики

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с последними изменениями от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — № 120. — 04.06.2024.
6. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Федеральный закон от 21.07.2005 № 109-ФЗ «О внесении изменения в статью 181 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. — № 209–210. — 02.11.2002.

9. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4562.

10. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. — № 151–152. — 09.08.2001.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с

применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Обзор практики разрешения споров по договору комиссии (утв. информационным письмом Президиума ВАС РФ от 17.11.2004 № 8) // СПС «КонсультантПлюс».

18. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020) (утв. Президиумом ВС РФ 10 июня 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

19. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 14 ноября 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

20. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом ВС РФ 20 декабря 2016 г.) (ред. от 26.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

21. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом ВС РФ 18 июня 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина С. В. Кузьмина» // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2019 № 36-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзаца второго пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 59 Федерального закона

“О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина В. И. Лысенко» // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2016 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона “О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Е. В. Потоцкого» // СПС «КонсультантПлюс».

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Аврора малоэтажное строительство” и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена» // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Недвижимость-М”, общества с ограниченной ответственностью “Соломатинское хлебоприемное предприятие” и гражданки Л. И. Костаревой» // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2008 № 6-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Товарищество застройщиков”, открытого акционерного общества “Нижекамскнефтехим” и открытого акционерного общества “ТНК-ВР Холдинг”» // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20

Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» // СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.06.2014 № 10044/11.

31. Определение Верховного Суда РФ от 27.11.2023 № 305-ЭС18-6680(28-30).

32. Определение Верховного Суда РФ от 26.10.2023 № 308-ЭС22-17506(4,5).

33. Определение Верховного Суда РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС22-27062.

34. Определение Верховного Суда РФ от 22.03.2023 № 305-ЭС20-20127(15).

35. Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2023 № 305-ЭС21-18249(2,3).

36. Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2023 № 305-ЭС20-20127.

37. Определение Верховного Суда РФ от 28.12.2022 № 305-ЭС20-20127(9,10).

38. Определение Верховного Суда РФ от 24.10.2022 № 305-ЭС20-20127.

39. Определение Верховного Суда РФ от 20.04.2022 № 308-ЭС21-26679.

40. Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2022 № 305-ЭС20-20127(4,5).

41. Определение Верховного Суда РФ от 27.12.2021 № 308-ЭС17-15907(7).

42. Определение Верховного Суда РФ от 15.11.2021 № 307-ЭС19-23103(2).

43. Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2020 № 305-ЭС19-26656.

44. Определение Верховного Суда РФ от 21.02.2019 308-ЭС18-16740.
45. Определение Верховного Суда РФ от 26.11.2018 № 305-ЭС15-12239(5).
46. Определение Верховного Суда РФ от 23.08.2018 № 305-ЭС18-3533.
47. Определение Верховного Суда РФ от 23.07.2018 № 305-ЭС18-3009.
48. Определение Верховного Суда РФ от 13.07.2018 № 308-ЭС18-2197.
49. Определение Верховного Суда РФ от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784.
50. Определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6).
51. Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475.
52. Определение Верховного Суда РФ от 28.04.2016 № 306-ЭС15-20034.
53. Определение Верховного Суда РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413.
54. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.08.2023 № Ф01-3078/2023 по делу № А82-6093/2021.
55. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.02.2023 № Ф01-8172/2022 по делу № А43-33026/2018.
56. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.02.2023 № Ф01-1264/2022 по делу № А43-4030/2016.
57. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.09.2022 по делу № А38-7537/2019.
58. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.06.2022 № Ф01-2172/2022 по делу № А29-15717/2020.
59. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.02.2021 № Ф01-102/2021 по делу № А29-4190/2018.
60. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.02.2021 № Ф01-15854/2020 по делу № А29-3345/2018.
61. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.03.2024 № Ф02-885/2024 по делу № А19-21042/2021.

62. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.03.2022 № Ф02-619/2022 по делу № А33-5834/2021.

63. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.02.2022 № Ф02-7037/2021 по делу № А33-9119/2016.

64. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.07.2020 № Ф02-2095/2020, Ф02-2362/2020, Ф02-2363/2020, Ф02-2364/2020 по делу № А33-29905/2016.

65. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.08.2019 № Ф02-3861/2019 по делу № А19-11992/2016.

66. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.02.2024 № Ф03-6580/2023 по делу № А73-6881/2016.

67. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.05.2023 по делу № А51-8648/2021.

68. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.05.2023 № Ф03-1237/2023 по делу № А73-12425/2018.

69. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.02.2024 по делу № А67-2884/2017.

70. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.06.2023 № Ф04-8668/2021 по делу № А70-9657/2021.

71. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.02.2023 по делу № А75-154/2021.

72. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.09.2022 № Ф04-6107/2020 по делу № А45-41962/2019.

73. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.05.2022 № Ф04-1925/2022 по делу № А75-13318/2016.

74. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.02.2022 № Ф04-7811/2021 по делу № А27-2432/2018.

75. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.09.2021 № Ф04-507/2019 по делу № А45-40831/2017.

76. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.06.2024 по делу № А45-40863/2019.

77. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.11.2020 № Ф04-6142/2017 по делу № А75-7578/2016.

78. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.10.2024 по делу № А40-252041/22.

79. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.09.2024 по делу № А40-12963/2023.

80. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.01.2024 № Ф05-13592/2020 по делу № А40-32986/2019.

81. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.01.2024 по делу № А40-232135/2021.

82. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.12.2023 № Ф05-34430/2022 по делу № А40-112975/2021.

83. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.11.2023 № Ф05-7864/2022 по делу № А40-193193/2020.

84. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.08.2023 по делу № А40-51881/2020.

85. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2023 № Ф05-13592/2020 по делу № А40-32986/2019.

86. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.05.2023 по делу № А40-147041/2021.

87. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.05.2023 по делу № А40-125970/2021.

88. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.01.2023 по делу № А40-254836/2021.

89. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.03.2021 по делу № А40-208852/15.

90. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.03.2021 по делу № А40-208852/2015.

91. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.03.2020 № Ф05-2481/2020 по делу № А40-11322/2015.

92. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.02.2019 по делу № А40-154909/15.

93. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.03.2025 по делу № А55-30387/2021.

94. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.02.2025 по делу № А72-8389/2019.

95. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.09.2024 по делу № А12-22973/2019.

96. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.08.2024 № Ф06-12230/2023 по делу № А12-4945/2021.

97. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.04.2023 № Ф06-69896/2020 по делу № А65-29088/2019.

98. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.12.2022 № Ф06-4098/2021 по делу № А65-4258/2020.

99. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.07.2022 № Ф06-11637/2021 по делу № А12-12216/2019.

100. Постановление АС Поволжского округа от 15.11.2017 по делу № А12-61050/2015.

101. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.12.2023 по делу № А56-104043/2019.

102. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.10.2020 по делу № А56-48716/2017.

103. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.01.2025 по делу № А63-16728/2020.

104. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.12.2024 по делу № А32-35764/2019.

105. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.08.2024 по делу № А18-1155/2023.

106. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.01.2025 по делу № А60-31963/2020.
107. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.09.2024 по делу № А76-3047/2021.
108. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.07.2024 по делу № А71-10502/2023.
109. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.06.2024 № Ф09-3039/24 по делу № А50-21474/2021.
110. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.02.2024 по делу № А76-16726/2020.
111. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.01.2024 по делу № А60-55725/2016.
112. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.02.2023 по делу № А50-22519/2016.
113. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.02.2023 по делу № А50-7748/2016.
114. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.11.2020 № Ф09-5043/18 по делу № А47-6575/2017.
115. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.12.2024 по делу № А68-13998/2018.
116. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.03.2024 по делу № А63-2758/2019.
117. Постановление Арбитражного суда Владимирской области от 27.12.2024 по делу № А11-14792/2018.
118. Постановление Арбитражного суда г. Москвы от 15.09.2022 по делу № А40-226965/2020.
119. Постановление Арбитражного суда г. Москвы от 29.01.2021 по делу № А40-5741/19-183-10.
120. Постановление Арбитражного суда Иркутской области от 14.11.2022 по делу № А19-8042-7/2021.

121. Постановление Арбитражного суда Московской области от 16.09.2024 по делу № А41-15848/2017.

122. Постановление Арбитражного суда Ростовской области от 12.05.2023 по делу № А53-27979/2017.

123. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.11.2020 по делу № 88-23404/2020.

124. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2022 № 88-13289/2022 по делу № 2-2331/2021.

Проекты федеральных законов

125. Законопроект № 149493 «О внесении изменений в статьи 173(1) и 173(2) Уголовного кодекса Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. — URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=149493#> (дата обращения: 01.05.2025).

Диссертационные исследования

126. *Артемова А. Н.* Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц : дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2022. — 206 с.

127. *Беляева О. А.* Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012. — 54 с.

128. *Беляева О. А.* Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012. — 423 с.

129. *Богданов Д. В.* Освобождение от ответственности и ее исключение в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2012. — 38 с.

130. *Быканов Д. Д.* «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 269 с.

131. *Воронов Ф. А.* Аффилированность и ее правовые последствия при несостоятельности (банкротстве) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 32 с.

132. *Дерюгина Т. В.* Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Волгоград, 2010. — 39 с.

133. *Дерюгина Т. В.* Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : дис. ... д-ра юрид. наук. — Волгоград, 2010. — 437 с.

134. *Гришаева Е. И.* Учение о личности в философии В. Н. Лосского: историко-философский анализ : автореф. дис. ... канд. фил. наук. — Екатеринбург, 2011. — 23 с.

135. *Гутников О. В.* Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 57 с.

136. *Демьянова М. В.* Принцип добросовестности в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 252 с.

137. *Евтеев К. И.* Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — 190 с.

138. *Ершов Д. В.* Организация и проведение торгов в электронной форме в процедурах несостоятельности (банкротства) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 30 с.

139. *Зенкин А. Н.* Методика расследования преступлений, связанных с незаконным захватом («недружественным поглощением») организаций с использованием подложных документов : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 274 с.

140. *Калугин В. Ю.* Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2024. — 175 с.

141. *Карелина С. А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008. — 52 с.
142. *Карпова Е. Г.* Квалификация и предупреждение преступлений, совершаемых путем использования подставных лиц : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2022. — 226 с.
143. *Кораяев К. Б.* Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2008. — 23 с.
144. *Макаров Д. Г.* Основания и пределы криминализации общественно опасных деяний, составляющих теневую экономику: по материалам федеральных органов налоговой полиции : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 210 с.
145. *Николаев А. Р.* Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 24 с.
146. *Никулина В. А.* Правовые аспекты соучастия в легализации незаконных доходов : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2000. — 249 с.
147. *Османова Д. О.* Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 206 с.
148. *Петухов С. В.* Субсидиарная ответственность контролирующих лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 21 с.
149. *Покровский С. С.* Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2017. — 436 с.
150. *Рожавский З. Д.* Преступления, совершаемые с использованием фирм-однодневок: механизм и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2018. — 35 с.
151. *Рыков Д. А.* Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2019. — 185 с.

152. *Семенова Е. А.* Право конкурсного оспаривания в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 279 с.

153. *Сердюк П. Л.* Мошенничество в сфере банковского кредитования: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2008. — 207 с.

154. *Субочев В. В.* Теория законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Тамбов, 2009. — 57 с.

155. *Суворов Е. Д.* Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2022. — 655 с.

156. *Тер-Аванесов И. Г.* Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2005. — 191 с.

157. *Тумаков И. С.* Криминалистическая характеристика легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, и ее использование при выявлении и расследовании этой категории преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 236 с.

158. *Циндяйкина А. Э.* Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 29 с.

159. *Шишмарева Т. П.* Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 546 с.

Монографии и иные научные труды

160. *Агарков М. М.* Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции. Педагогическое наследие : в 3 кн. Кн. 1 : учеб. пособие для вузов / составитель В. А. Белов. — М., 2024.

161. Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. — Вып. 5 / под ред. проф. В. В. Витрянского. — М., 2002.
162. *Антисери Д., Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / в переводе и под ред. С. А. Мальцевой. — СПб., 2002.
163. *Барон Ю.* Система римского гражданского права. — Вып. 1. Кн. 1 : Общая часть. — СПб., 1888.
164. *Бевзенко Р. С.* Введение в российское право недвижимости. Вып. 3 : Государственная регистрация [Электронное издание] / Р. С. Бевзенко. М., 2021.
165. *Белов В. А.* Гражданское право : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. — М., 2024.
166. *Белов В. А.* Гражданское право : учебник для вузов : в 4 т. Т. 2 : Общая часть : в 2 кн. Кн. 2 : Факты : учебник для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2024.
167. *Белов В. А.* Кодекс европейского договорного права – European Contract Code. Общий и сравнительно-правовой комментарий : в 2 кн. Кн. 1. — М., 2024.
168. *Беляева О. А.* Торги: основы теории и проблемы практики : монография. — М., 2015.
169. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. — М., 1993.
170. *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. — М., 1950.
171. *Вавин Н. Г.* Ничтожные сделки. — М., 1926.
172. *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. Вып. 1 : Введение и общая часть. СПб., 1894.
173. *Вебер Х.* Обеспечение обязательств / пер. с нем.: Ю. М. Алексеев, О. М. Иванов. — М., 2009.
174. *Гальперин С. И.* Учебник русского торгового и вексельного права. — Вып. II : Учение о торговых сделках: для коммерческих училищ,

торговых школ и применительно к университетским требованиям. — Екатеринбург, 1907.

175. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. — М., 2023.

176. *Гольмстен А. Х.* Исторический очерк русского конкурсного процесса / под ред. А. Г. Смирных. — 2-е изд. — М., 2019.

177. *Гольмстен А. Х.* Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А. Г. Смирных. — М., 2019.

178. Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / А. Г. Архипова, А. В. Асосков, В. В. Безбах [и др.] ; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. — М., 2020.

179. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. — 2-е изд. — М., 2020.

180. *Громов А. А., Тололаева Н. В.* Обязательственное и договорное право : курс лекций. — М., 2025.

181. *Гутников О. В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. — М., 2019.

182. *Дернбург Г.* Пандекты / пер. Г. фон Рехенберга. Т. 1 : Общая часть. — М., 1906.

183. *Дернбург Г.* Пандекты, обязательственное право. Т. 2. — 3-е изд. — М., 1911.

184. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 3. — М., 2008.

185. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 4. — М., 2008.

186. Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М., 2020.

187. *Дождев Д. В.* Европейская традиция частного права : Исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. /; Исслед. центр част. права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. шк. част. права. — М., 2021.
188. *Дорн Л. Б.* Догма римского права : лекции профессора Санкт-Петербургского университета Л. Б. Дорна. — СПб., 1890.
189. *Дювернуа Н. Л.* Чтения по гражданскому праву. Т. 1 : Введение и часть общая. Вып. 3 : Изменение юридических отношений. Учение о юридической сделке. — СПб., 1905.
190. *Емельянов В. В.* Очерки русской философии XX века. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2001.
191. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. Т. 1. / отв. ред. М. Ф. Овсянников. — М., 1962.
192. *Кант И.* Основы метафизики нравственности : сборник / Иммануил Кант ; перевод с немецкого Б. Фохта, Н. Соколова. — М., 2023.
193. *Карелина С. А.* Группа компаний в банкротном праве : монография. — М., 2025.
194. *Кислинский Н. А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров : в 2 т. Т. 2. — СПб., 1902.
195. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А. М. Дроздова [и др.] ; под ред. С. А. Комарова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2023.
196. *Крашенинников Е. А.* Гражданское право и процесс. Избранные труды / отв. ред. Ю. В. Байгушева. — М., 2024.
197. *Лихачева Л. С.* Этика: теория и практика : учеб. пособие. — Екатеринбург, 2019.
198. *Мейер Д. И.* Избранные труды : в 2 т. Т. 1. — М., 2019.
199. Научные концепции развития российского законодательства : монография. — 8-е изд., доп. и перераб. / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров ;

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — М., 2024.

200. *Нерсисянц В. С.* Философия права. — М., 2005.

201. *Новицкий И. Б.* Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. — М., 1954.

202. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — М., 2020.

203. *Петражицкий Л. И.* Акционерная компания: акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве: по поводу предстоящей реформы акционерного права : экономическое исследование. — СПб., 1898.

204. Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде. — СПб. 2004.

205. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) / С. П. Гришаев, Т. В. Богачева, Ю. П. Свит. — [Электронный ресурс]. — Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2019.

206. Правовой статус гражданина в частном праве : постатейный комментарий главы 3 Гражданского кодекса Российской Федерации / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. — М., 2009.

207. Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации : избранные постановления за 2008 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. — М., 2012.

208. Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей / гл. ред. И. Э. Мартыненко. — Гродно, 2017.

209. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. — СПб., 1882.

210. Римское частное право : учебник / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. — М., 2008.
211. *Розенберг В. В.* Товарищество с ограниченной ответственностью (о необходимости введения этой формы в России). — СПб., 1912.
212. *Рясенцев В. А.* Представительство и сделки в современном гражданском праве. — М., 2006.
213. *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права : в 8 т. Т. 2 / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М., 2012.
214. Сборник научных статей к 65-летию Александра Петровича Сергеева / отв. ред. Ю. В. Байгушева. — М., 2018.
215. Сборник научных статей к 70-летию Александра Петровича Сергеева / отв. ред. Ю. В. Байгушева. — М., 2023.
216. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М., 2018.
217. *Синицын С. А.* Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование : монография. — М., 2015.
218. *Скловский К. И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. — 4-е изд., доп. — М., 2019.
219. *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. — 6-е изд., испр. и доп. — М., 2023.
220. *Снегирев Л. Ф.* Подставные акционеры: процесс акционеров Харьковского земельного банка с гг. Рябушинскими и Кореневым. — М., 1904.
221. *Снигирев В. И.* Дружеские и бронзовые векселя: историческое, бытовое и юридическое исследование. — СПб., 1911.
222. Современные проблемы хозяйственного законодательства : материалы I Международной научно-практической конференции / науч. ред. О. А. Ашурков. — Донецк, 2019.

223. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. — М., 2012.
224. *Суханов Е. А.* Вещное право : научно-познавательный очерк. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2024.
225. *Суходольский И. М.* Участие государства в процессе несостоятельности (банкротства) : монография. — М., 2024.
226. *Тарасов И. Т.* Учение об акционерных компаниях. — 2-е изд. — Ярославль, 1879.
227. *Тарашкевич Л.* Теория Паулианской жалобы. — Варшава, 1897.
228. *Тузов Д. О.* Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. — М., 2007.
229. Устав судопроизводства торгового : По офиц. изд. 1903 г., изм. и доп. по действующим продолж. и позднейшим узаконениям, с разъясн. по решениям бывш. 4 судеб. и гражд. кассац. деп. и общ. собр. Правительствующего сената и с прил. соответствующих ст. уставов: гражд. судопр-ва, торг. кредит. и о герб. сборе и алф.-предм. указ. / сост. присяж. пов. А. М. Нюренберг. — М., 1913.
230. *Федоров В. Г.* Право опровержения действий, совершенных должником в ущерб кредиторов. — СПб., 1913.
231. Физические лица как субъекты российского гражданского права : монография / А. С. Ворожечич, О. И. Гентовт, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. — М., 2022.
232. Философия : учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. — М., 2005.
233. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. — СПб., 1907.
234. *Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А.* Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М., 2023.
235. *Ходаковский А. П.* Реестр требований кредиторов и его формирование в процессе несостоятельности (банкротства). — М., 2023.

236. *Цитович П. П.* Обязательства: конспект лекций по русскому гражданскому праву, читанных в Университете св. Владимира П. П. Цитовичем: (весенний семестр 1887 г.). — Киев, 1887.

237. *Шерешевский И. В.* Представительство. Поручение и доверенность: Комментарии к ст. 38–40 и 251–275 Гражданского кодекса. М., 1925.

238. *Шершеневич Г. Ф.* Конкурсный процесс. — 3-е изд. — М., 2021.

239. *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права: в 4 т. Т. 2: Товар. Торговые сделки. — М., 2024.

240. *Шишмарева Т. П.* Институт несостоятельности в России и Германии. — М., 2015.

241. *Энгельман И. Е.* О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. — СПб., 1901.

242. *Эннекцерус Л., Кипп Т., Вольф М.* Курс германского гражданского права. Т. 1 / пер. с 13-го нем. изд. проф. И. Б. Новицкого, Г. Н. Полянской и В. А. Альтшулера. — М., 1950.

Статьи в периодических изданиях

243. *Аюрова А. А.* Теоретические основания оспаривания сделок в процессе банкротства // Журнал российского права. — 2016. — № 11 (239). — С. 54–63.

244. *Багаутдинов Ф. Н., Мирзанурова Н. М.* Создание фирм через подставных лиц // Законность. — 2015. — № 6. — С. 24–26.

245. *Бевзенко Р. С.* Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. — 2021. — Т. 21. — № 2. — С. 9–87.

246. *Белов А. П.* Действительность и недействительность договоров во внешнеэкономической деятельности // Право и экономика. — 1998. — № 11. — С. 42–49.

247. *Беляева О. А.* Новые правила проведения торгов в ходе банкротства // Хозяйство и право. — 2009. — № 8. — С. 98–106.

248. *Беляева О. А.* Торги в банкротстве: основные проблемы и злоупотребления // Аукционный вестник. — 2018. — № 380. — С. 1–3.
249. *Беляева О. А., Громыко Т. Ю.* Торги при банкротстве: целеполагание и действующие лица // Цивилист. — 2024. — № 6. — С. 5–11.
250. *Благов Е. В.* Об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 7 (80). — С. 90–97.
251. *Блохина Е. В.* Банкротные способы защиты прав кредиторов в случае оформления активов должника на подставных лиц // Цивилист. — 2023. — № 1. — С. 54–60.
252. *Габов А. В.* Лжекооперативы в истории отечественного права // Nomothetika : Философия. Социология. Право. — 2019. — Т. 44. — № 2. — С. 262–293.
253. *Галкин С. С.* Оспаривание оснований номинальной собственности как правовое средство восстановления баланса интересов в банкротстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 8 (120). — С. 35–43.
254. *Горбашев И. В.* О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. — 2018. — Т. 18. — № 4. — С. 154–202.
255. *Гордейчик С.* Банкротство как способ уклонения от уплаты долгов // Российская юстиция. — 1999. — № 1. // СПС «КонсультантПлюс».
256. *Гордон В. М.* Иски о признании (часть вторая) // Вестник гражданского права. — 2014. — Т. 14. — № 1. — С. 177–251.
257. *Гримм Д. Д.* Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам // Вестник гражданского права. — 1915. — № 6. — С. 10–53.
258. *Гутников О. В.* Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2017. — № 2. — С. 48–67.

259. *Гутников О. В.* Привлечение к ответственности контролирующих лиц несостоятельного должника: современные подходы // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29. — № 7. — С. 45–62.

260. *Гутников О. В.* Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2018. — № 1. — С. 45–77.

261. *Дерюгина Т. В.* О гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, условиях ее наступления и соотношении с деликтными обязательствами // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2024. — № 3. — С. 62–71.

262. *Дерюгина Т. В.* К проблеме понятия гражданско-правовой ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2025. — № 8. — С. 82–86.

263. *Долинская В. В.* Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 7. — С. 9–15.

264. *Дорошенко Л. А.* Обеспечительная фидуция в ГК Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 2. — С. 104–117.

265. *Егоров А. В.* Влияние аффилированности на банкротство // Цивилистика. — 2021. — Т. 1. — № 2. — С. 20–67.

266. *Егоров А. В.* Субсидиарная ответственность по долгам юридического лица: концептуальные вопросы // Цивилистика. — 2024. — № 3. — С. 37–96.

267. *Егоров А. В., Усачева К. А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства-неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2013. — № 12. — С. 6–61.

268. *Ем В. С.* О критериях ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // Вестник гражданского права. — 2014. — Т. 14. — № 6. — С. 140–165.

269. *Ермаков С. В.* Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица через подставных лиц и незаконное использование документов (статьи 173.1, 173.2 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 5. — С. 126–129.

270. *Кальгина А. А.* Практические аспекты подачи заявлений о банкротстве должников-организаций // Вестник арбитражной практики. — 2024. — № 4. — С. 66–75.

271. *Канашевский В. А.* Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. — 2017. — № 10 (250). — С. 37–49.

272. *Кантор Н. Е.* Мнимый собственник: вопросы правовой квалификации // Закон. — 2024. — № 2. — С. 37–52.

273. *Кантор Н. Е.* Прижизненный личный фонд как юридическое alter ego своего учредителя // Lex russica. — 2025. — № 7. — С. 81–94.

274. *Кантор Н. Е.* Прозрачность владения активами и ее значение для реального сектора экономики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 8 (120). — С. 174–181.

275. *Каранетов А. Г.* Топ-10 недостатков общего регулирования сделок в ГК РФ // Цивилистика. — 2024. — № 6. — С. 123–181.

276. *Карелина С. А.* Институт несостоятельности (банкротства) граждан как средство защиты прав в условиях рыночной экономики // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2016. — №. 6. — С. 85–93.

277. *Карелина С. А.* Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. — 2012. — №. 4. — С. 22–26.

278. *Карелина С. А.* Субсидиарная ответственность в механизме защиты прав и законных интересов участников отношений несостоятельности:

современные тренды // Предпринимательское право. — 2022. — № 1. — С. 10–18.

279. *Камайкина О. Г.* Особенности криминального банкротства в истории отечественного уголовного законодательства (XIX–XX вв.) // История государства и права. — 2014. — № 5. — С. 37–40.

280. *Климанов А. М.* Некоторые вопросы квалификации нарушений порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума // Новый университет. Серия «Экономика и право». — 2014. — № 9 (43). — С. 62–66.

281. *Лазарев С. В.* Документарное производство рассмотрения отдельных обособленных споров по делам о несостоятельности: вопросы идентификации // Экономическое правосудие в уральском округе. — 2025. — № 1 (73). — С. 87–98

282. *Ланг П. П.* Злоупотребление правом в сфере несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. — 2022. — № 9. — С. 42–46.

283. *Лантев В. А.* Рецессия правовой конструкции «ограниченной ответственности» членов коммерческих корпораций // Государство и право. — 2020. — № 9. — С. 63–72.

284. *Ломакин Д. В., Гентовт О. И.* Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. — 2016. — № 1. — С. 12–39.

285. *Лошкарев В. В.* Недостатки правового регулирования противодействия незаконным финансовым операциям // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2016. — № 5 (55). — С. 101–105.

286. *Мифтахутдинов Р. Т.* Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 7. — С. 33–36.

287. *Мифтахутдинов Р. Т.* Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. — 2018. — № 5. — С. 187–191.

288. *Морхат П. М.* Ответственность лица, признаваемого скрытым бенефициаром компании // Право и бизнес. — 2021. — № 1. — С. 7–12.

289. *Османова Д. О.* Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // Lex russica. — 2024. — Т. 77. — № 5 (210). — С. 144–161.

290. *Османова Д. О.* Цифровые активы в конкурсной массе должника // Право и цифровая экономика. — 2023. — № 2. — С. 34–42.

291. *Османова Д. О., Попов В. А., Юрьев С. В.* Ключевые аспекты применения института соучастия при разрешении споров о привлечении к субсидиарной ответственности в банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2020. — № 3. — С. 32–37.

292. *Павлов А. А.* Два вопроса о давности: о чем сказал и о чем умолчал Верховный Суд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2016. — № 3. — С. 81–95.

293. *Подвысоцкий П. Т., Аверьянов О. В.* Ограничение смены участников хозяйственных обществ // Право и экономика. — 2001. — № 8. — С. 36–39.

294. *Репин Р. Р., Дятко А. Н.* О доверительном правообладании не для цели обеспечения (fiducia cum amico). Размышления в связи с Определением судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 марта 2024 года N 305-ЭС20-20127(20) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 10. — С. 4–38.

295. *Рузакова О. А., Демкина А. В.* Перспективы развития законодательства о личных фондах // Lex russica. — 2024. — № 7. — С. 9–18.

296. *Рузакова О. А.* Управление чужими бизнес-активами на основании договора доверительного управления // Пермский юридический альманах. — 2025. — № 8. — С. 271–282.

297. Рыбалов А. О. О будущем права собственности // Закон. — 2023. — № 7. — С. 25–31.
298. Рыжик А. В. Гражданско-правовые интересы частных лиц: понятие и виды // Цивилист. — 2023. — № 3. — С. 23–31.
299. Сарбаи С. В. Проблемы сокращения сроков исковой давности // ЭЖ-Юрист. — 2005. — № 37. // СПС «КонсультантПлюс».
300. Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica. — 2018. — № 12 (145). — С. 18–24.
301. Сергеев В. И. Лжесделки: распознавание и способы предупреждения // Право и экономика. — 2001. — № 7. — С. 58–64.
302. Синицын С. А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — С. 54–68.
303. Синицын С. А. Правовые средства предупреждения и противодействия вывода активов российскими банками: вопросы совершенствования законодательства // Предпринимательское право. — 2018. — № 1. — С. 66–70.
304. Синицын С. А. Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29. — № 1. — С. 131–140.
305. Соломин В. П., Лавренко А. В., Использование номинальных (подставных) лиц в бизнесе как средство ухода от налогов // Universum: Вестник Герценовского университета. — 2013. — № 2. — С. 118–122.
306. Суворов Е. Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов // Закон. — 2018. — № 7. — С. 50–67.
307. Суворов Е. Д. Завершение расчетов с кредиторами гражданином, признанным банкротом, как основание для прекращения обязательств // Судья. — 2016. — № 7. — С. 23–30.

308. *Суворов Е. Д.* К вопросу о понятии банкротства // *Lex russica*. — 2020. — № 11 (168). — С. 21–34.

309. *Суворов Е. Д.* К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2018. — № 7. — С. 42–49.

310. *Суворов Е. Д.* Конкуренция оснований недействительности // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. — 2018. — № 4. — С. 27–40.

311. *Суворов Е. Д.* Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. — 2019. — № 4. — С. 130–161.

312. *Суханов Е. А.* О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. — 2017. — № 11. — С. 44–56.

313. *Суханов Е. А.* О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // *Вестник гражданского права*. — 2008. — Т. 8. — № 4. — С. 6–16.

314. *Телюкина М. В.* Недействительность сделок должника, находящегося в процессе производства по делу о несостоятельности (банкротстве) // *Хозяйство и право*. — 2014. — № 8. — С. 1–64.

315. *Цирин А. М., Севальнев В. В.* Совершенствование порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы // *Журнал российского права*. — 2020. — № 9. — С. 144–156.

316. *Чеговадзе Л. А.* Гражданско-правовые основания и мера имущественных интересов // *Власть Закона*. — 2025. — № 2 (62). — С. 144–161.

317. *Чеговадзе Л. А.* Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения // Гражданское право. — 2013. — № 2. — С. 8–11.

318. *Чеговадзе Л. А.* Интерес как гражданско-правовая категория // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2025. — Т. 11. — № 2. — С. 438–445.

319. *Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В.* О целях и способах защиты гражданских прав // Цивилист. — 2022. — № 2. — С. 37–42.

320. *Чупрунов И. С.* Симулятивные сделки. Часть 1: общее понятие, эффект, соотношение со смежными категориями, вопросы давности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 9 (127). — С. 39–80.

321. *Чупрунов И. С.* Симулятивные сделки. Часть 2: анализ дела Балаяна // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 10 (128). — С. 178–204.

322. *Шайдуллин А. И.* Размышления о фактической аффилированности: выявить, а не наказать за не вполне разумное поведение // Цивилистика. — 2021. — Т. 1. — № 3. — С. 200–209.

323. *Шаляев Д. Ю.* Доктрина симулятивных сделок и дело Балаяна. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 марта 2024 года № 305-ЭС20-20127(20) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 10 (128). — С. 39–80.

324. *Шварц М. З.* Принцип добросовестности участников гражданского оборота и удостоверительная деятельность нотариуса (постановка проблемы) // Закон. — 2019. — № 7. — С. 57–64.

325. *Шевченко И. М.* Банкротное право и уголовный процесс: встреча состоялась (комментарий к определению ВС РФ от 20.04.2022 № 308-ЭС21-26679) // Цивилистика. — 2023. — № 1. — С. 141–159.

326. *Шевченко И. М.* Обособленный спор по делу о банкротстве как исковое производство // Российский судья. — 2024. — № 12. — С. 2–7.

327. *Шиткина И. С.* Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // *Хозяйство и право.* — 2017. — № 11. — С. 41–61.

328. *Шиткина И. С.* Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // *Хозяйство и право.* — 2017. — № 8 (487). — С. 3–24.

329. *Царегородцева Е. А.* Документарное производство как способ упрощения производства по делам о несостоятельности (банкротстве) // *Арбитражный и гражданский процесс.* — 2025. — № 8. — С. 12-15.

330. *Яни П. С.* Образование юридического лица через подставных лиц // *Законность.* — 2014. — № 5. — С. 35–39.

Словари

331. *Ефремова Т. Ф.* Большой современный толковый словарь русского языка. Т. 1. — М., 2005.

332. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов : более 4 500 слов и выражений. — М., 2000.

333. *Лебедев С. А.* Философия науки : терминологический словарь. — М., 2011.

334. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. имени В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М., 2006.

335. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1996.

Источники на иностранном языке

336. Behind the Corporate Veil: Using Corporate Entities for Illicit Purposes [Electronic resource]. OECD. 2001.

337. *Bork R.* Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuchs. 2006.

338. *Conaglen M.* Sham Trusts // Cambridge Law Journal. — 2008. — Vol. 67. — Iss. 1. — P. 176–207.

339. *Hunter R.* The Fraudulent Use of Trusts // Trusts & Trustees. — 2013. — Vol. 19. — Iss. 3–4. — P. 312–318.

340. *Loftus C. Carson II* The Liability of Controlling Persons Under the Federal Securities Acts, 72 Notre Dame L. Rev. 263 (1997).

341. *Medicus D.* Allgemeiner Teil des BGB. — Karlsruhe, 2006.

Иные источники

342. *Далендорф М.* Внутренние трасты для защиты активов в США [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dilendorf.com/ru/resources/vnyutrenniye-trasty-v-ssha.html> (дата обращения: 02.02.2024).

343. *Зайцев О. Р.* Еще раз к вопросу о мнимых собственниках (о деле Балаяна) [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2024/2/25/esche_raz_k_voprosu_o_mnimyh_sobstvennikah_o_dele_balayana (дата обращения: 25.05.2024).

344. Запись семинара «Субсидиарная ответственность по долгам физического лица» [Электронный ресурс] // URL: <https://civilistclub.ru/event/20230921> (дата обращения: 24.06.2024).

345. Пост И. С. Чупрунова [Электронный ресурс] // URL: <https://t.me/lapartitaliana/23>. (дата обращения: 24.06.2024).

346. Пост М. Церковникова [Электронный ресурс] // URL: <https://t.me/tserkovnikov/447> (дата обращения: 24.06.2024).

347. Пост Р. С. Бевзенко [Электронный ресурс] // URL: <https://t.me/loaderfromSVO/1970> (дата обращения: 20.03.2025).

348. Рекомендации круглого стола Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по вопросам рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о несостоятельности (банкротстве) (принятые по результатам обсуждения на заседаниях круглого стола, состоявшихся 10 июня 2021 г. и 20 августа 2021 г. в г. Тюмень) (утв. на заседании

Президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 08.10.2021) (в ред. от 23.01.2023, 27.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

349. Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. — URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/insolvency/legislativeguides/insolvency_law (дата обращения: 20.02.2025).

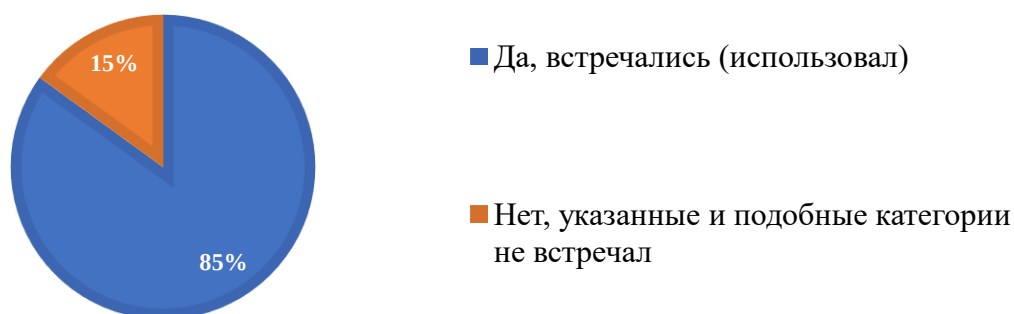
350. *Суворов Е. Д.* Признание собственника мнимым как ненадлежащий способ защиты в случаях «держания» активов должника [Электронный ресурс] // Закон.ру : сайт. — URL: https://zakon.ru/blog/2023/06/30/priznanie_sobstvennika_mnimym_kak_nenadlezhaschij_sposob_zaschity_v_sluchayah_derzhaniya_aktivov_dol (дата обращения: 20.03.2024).

351. FATF. Guidance on Beneficial Ownership for Legal Persons // URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/FATFrecommendations/guidance-beneficial-ownership-legalpersons.html> (дата обращения: 21.01.2025).

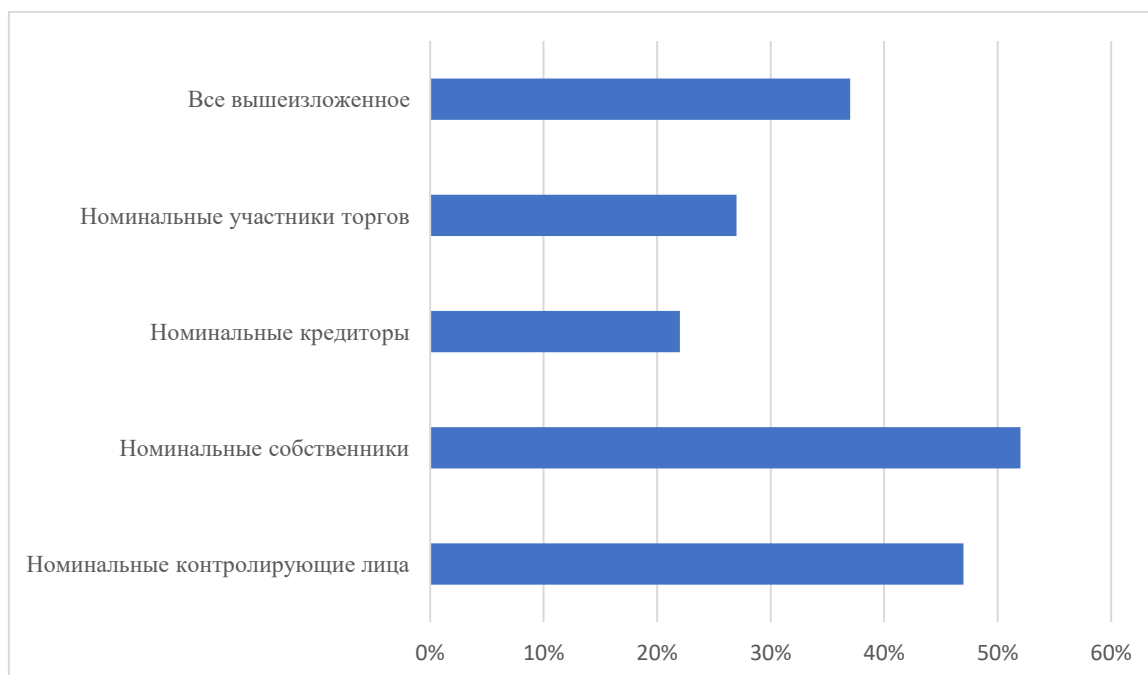
РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

В целях комплексного исследования рассматриваемой автором работы темы был проведен опрос в сети Интернет с использованием ресурса «Google.формы». По результатам анкетирования 40 респондентов были получены следующие ответы на вопросы:

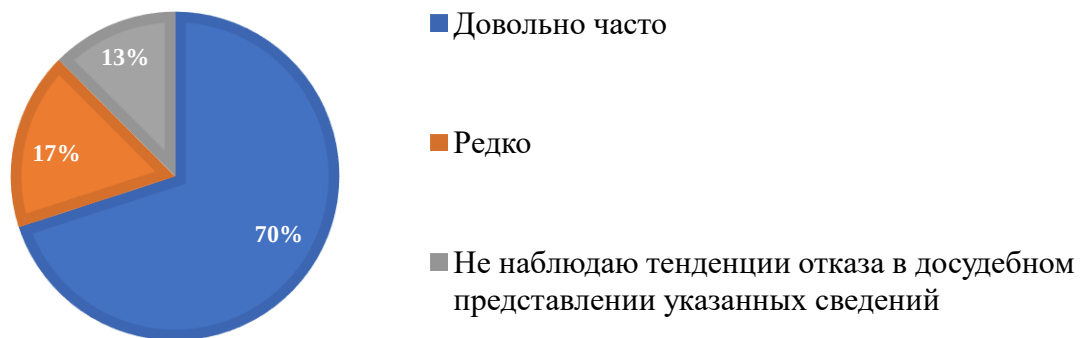
1. Встречались ли в вашей практике банкротства (несостоятельности), использовали ли вы в правовых позициях категории «подставное лицо», «мнимый собственник», «номинальный директор» и пр.?

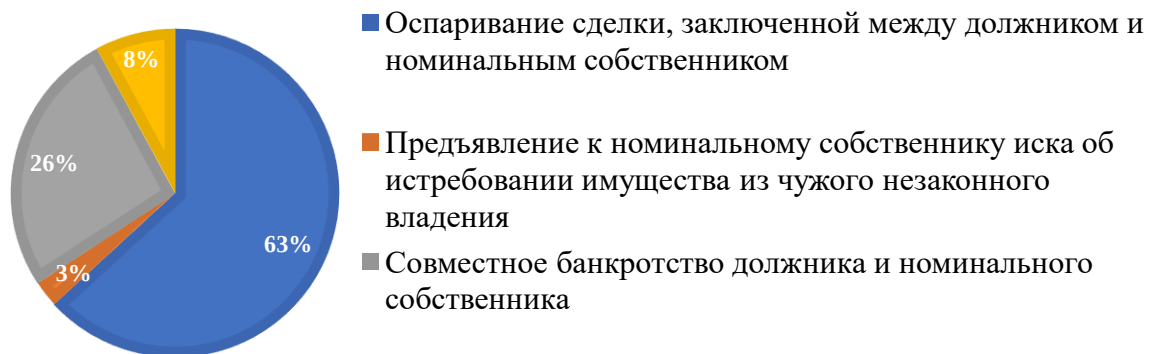
2. С какими видами номинальных участников банкротства вы сталкивались в практике?

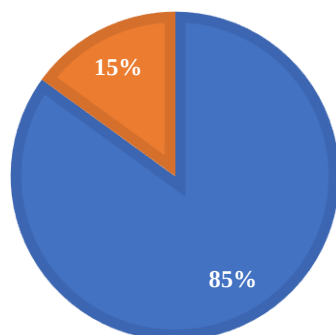
3. Как часто в рамках дел о банкротстве арбитражными управляющими направляются ходатайства об истребовании документов от государственных органов, органов местного самоуправления и организаций в отношении должников, контролирующих лиц, а также лиц, заинтересованных по отношению к ним (для целей оспаривания сделок, установления конечных выгодоприобретателей и т.д.)?

4. По вашему мнению наиболее адекватным способом защиты прав кредиторов от номинальных собственников выступает:

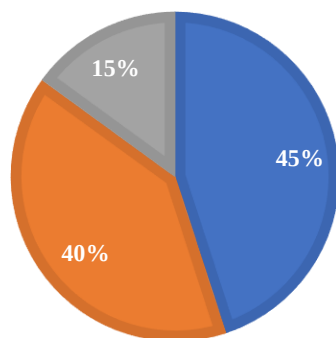
5. По вашему мнению, является ли законным и обоснованным отказ суда в оспаривании сделки с номинальным собственником по причине пропуска объективного 10-летнего срока исковой давности?

■ Является законным и обоснованным в силу прямого указания закона

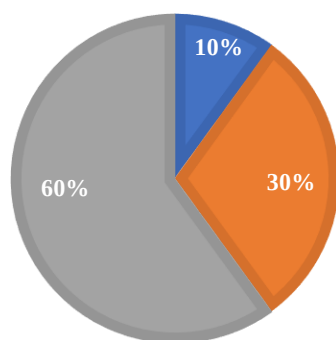
■ Допускаю возможность отказа в применении исковой давности если имеет место факт заблаговременной регистрации активов на имя третьих лиц

6. Как часто в рамках дел о банкротстве арбитражными управляющими и кредиторами используются материалы уголовных дел для целей подтверждения номинальной собственности или факта использования номинальных контролирующих лиц?

■ Довольно часто ■ Редко ■ Не встречал в практике

7. По вашему мнению, номинальное контролирующее лицо является:

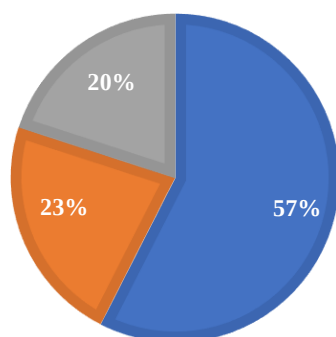

■ Организатором гражданского правонарушения

■ Исполнителем гражданского правонарушения

■ Пособником гражданского правонарушения

8. По вашему мнению, является ли оправданным освобождение номинальных контролирующих лиц от субсидиарной ответственности по обязательствам юридических лиц?

- Является оправданным при условии активного содействия указанного лица изобличению действий конечных бенефициаров
- Допустимо только уменьшение размера ответственности
- Номинальное контролирующее лицо должно нести полную ответственность в любом случае